



Кулон

Annotation

А что бы было с Мальчиком-Который-Выжил не приди ему на помощь в Тайную Комнату Фоукс? Без шляпы и меча Гриффиндора. Узнаете, когда прочитаете.

1 глава «Взгляд Василиска и правда обо мне настоящем»

Дуреха Джинни, такая наивная, глупая, поверила Тому из тетради, не заметила, как оказалась с ним связана. И теперь умирает, а Том наоборот возрождается. С каждой минутой, времени на ее спасение все меньше. А я ничего сделать не могу. Что я против василиска применю? Левиоссу? Люмос? Нокс? Может Бомбарду, но она ему не страшна. И выход из комнаты заблокирован. Так что пути назад нет.

— Прими свою участь, Поттер, умри, как Герой! — смеется молодой Темный Лорд. Добавляя: — девчонка почти мертва, какие-то жалкие пять минут и ей конец, а лорд Воландеморт обретет тело, силу и могущество. А виной всему тетрадка, в руках маленькой, глупой девочки, — вот он выход.

Тетрадь, ее надо уничтожить! Но как? Кинуть в пасть василиска, надеясь на то, что он ее переварит — вот мой план. Забрать из рук Джинни тетрадку, оказалось довольно проблематично, ведь делать мне все приходилось на ощупь. Над моими попытками смеялся Том, называл дурнем и идиотом, что все мои попытки тщетны. А я нащупал Джинни, ее руки и тетрадь. Смех Тома стих, слышались едва различимые шаги и шипение-приказ василиску убить меня.

Я планировал сделать величайшую глупость в мире. Повернулся навстречу змею, готовясь кинуть в его раскрытую пасть чертову тетрадь. Но чтобы попасть, мне нужно открыть глаза. И одновременно произошло несколько вещей. Первая: — василиск несется на меня с открытой пастью, готовый проглотить. Вторая: — я открывая глаза кидаю в эту самую ядовито-клыкастую пасть тетрадь, слышу крик Тома: «Нет!». Третья: — глаза в глаза с василиском и... умираю.

А на душе легко. И вот я не в Тайной Комнате, а иди по длинному белому коридору. Ничего кроме потолка, стен и пола, и казалось все из единого куска опала или белого мрамора. Никаких стыков и швов. И главное — тепло.словно на природу выехал, воздух не спертый и не затхлый, а свежий, чистый. Иду и вижу мальчика, примерно моего возраста. Такой же цвет волос, глаз и казалось, я в зеркало смотрю. Только он в отличие от меня чист, причесан, ухожен и бледен кожей, без мешающих очков-велосипедов. Казалось, он старше на несколько лет, или даже на несколько десятков лет. Глаза и взгляд совершенно не детский.

— Кто ты? — сам собой задался вопрос.

— Я — это ты, — усмехнулся, — а ты — это я, — продолжал смеяться парень, а я не понимал, что он имеет в виду. Пояснил: — ты был мной, там в мире живых, но мной на самом деле не являлся, — опять эти кружева вместо нормальных объяснений, просил сказать коротко и по существу, — ты — не Гарри Поттер. Я — Гарри Поттер. И я умер в ту самую ночь на Хеллоуин, — показывает на коридор и объясняет, — и живу здесь все эти одиннадцать лет, учусь у умерших волшебников, постигаю магию под присмотром Смерти все это время. А ты играл в том мире меня, ходил с моим лицом и с моим именем.

— Зачем? — не понимал я, как и то, кто это со мной сделал.

— Свету нужен был Герой и Избранный. А раз ребенок пророчества погиб, то мы найдем другого и сделаем его героем, такой вот план света. На вопрос о пророчестве отвечу, — явно на лице написано, не мысли же мои он прочел, — сие пророчество о спасителе мира магии от деяний Темного Лорда произнесла некая Сибилла Трелони.

Сказала, что лорда победит ребенок, рожденный на исходе седьмого месяца. То есть в конце июля. И я родился 31 июля.

— Как и Невилл.

— Да, под это пророчество подходили мы с ним. Но Лорд пошел к нам с папой и мамой, а к Невиллу от правил Беллатрикс. И что самое интересное, он шел убивать бездумно, не проверяя перед этим информацию и достоверность пророчества. Беллатрикс другое дело. Она была в своем праве отомстить Долгопупсам. Они вместе с отрядом Авророк напали на нее и довели до выкидыша. Приверженцы света, мать их за ногу!

— Из-за этого она с ума сошла?

— Да. Но, я не об этом. А о тебе. О нас. Лорд пришел, убил отца, мать, и хотел убить меня, кинув Аваду и убил. Никто не спас и никто не помог. От Авады нет спасения. Орден директора опоздал всего на несколько минут. Пришли к остывающим телам.

— А лорд? Кто его убил?

— Развоплотил. Он не умер, а лишился тела. Душа бродила между мирами, без возможности полностью ступить за грань. Его в мире живых удерживают некие предметы, та самая тетрадь, которую ты кинул в пасть василиску и есть один из предметов-якорей, — я помнил первый курс и Квирелла, лорд присосался к нему как паразит, тянул жизненные силы, — и с помощью каждого из них он может возродиться.

— Зачем ты мне все это рассказываешь?

— У Господина для тебя миссия, — я не понял о чем он говорит, какая такая миссия, а он продолжал: — тебе поручено собрать все осколки души темного лорда. Поместить каждый из его якорей в этот амулет, — протянул мне подвеску в виде звезды, заключенную в круг, — места должно хватить. Для этого ты вернешься назад, в мир живых, под моей личиной. Скажем, летом перед вторым курсом. В тот самый день похода на Косую Аллею. Заберешь дневник Тома, поместишь его в амулет, а потом делай что хочешь. Продолжай быть мной или стань собой.

— Как это сделать? И вообще, кто я?

— Да, точно, — стукнул себя по голове мальчик, подводя меня к какой-то поверхности, показывая меня настоящего.

Ничего с ним общего. Круглое лицо с маленьким подбородком, небольшой рот с чуть пухлыми губами, курносый нос, как кнопка, зато большие глаза, необычный разрез и насыщенный голубой цвет, словно небо. Тонкие брови и густые русые волосы, не торчащие в разные стороны, как гнездо, а спускающиеся локонами. И мне не нужны очки.

— А имя? Как меня зовут?

— Смотри, тут все о тебе и твоих родителях, — показал мне в зеркало, и я смотрел, а там проявлялась все обо мне информация, вплоть до дальних родственников. Странно, словно свое резюме читаю:

«Имя:

Люсиан Жюль Эмье

Чистокровен, мертв

Мать:

Жюли Бенедикт Эмье

Чистокровна, мертва

Отец:

Антонин Романович Долохов

Чистокровен, жив (заключен под стражу в Азкабан)

А вот от имени отца мне поплохело. Это, какими же дорогами они ходили, чтобы так вот пересечься? Как так получилось, что моя мама, француженка, явно аристократка и домашний цветочек, судя по имени, встретила с моим отцом!

Крестный:

Отсутствует

Крестная:

Отсутствует

Наследия:

Род Долохов, Род Эмьет.

Дары:

Род Долохов:

Темная магия, Боевая Магия, Душа леса.

Род Эмьет:

Магия иллюзий, Магия стихии (воздух)»

— Как тебе? — спрашивает Поттер, а я в шоке. Не знаю, что с этим делать и вообще, что это за дар такой «Душа леса»? Что это вообще? Жуть, а не день. Начиная от смерти заканчивая этими открытиями.

— И что мне с этим делать? — спрашиваю, показывая на все то, что мне показало зеркало. Ответ один — постигать и развивать. Сказал: «Ха!» и отвернулся.

Поттер протянул кулон, я его надел, а он меня спросил, готов ли я к возвращению? А у меня нет выбора, я жить хочу, и плевать на все то, что в моей крови намешано, разберусь. Главное — жить, а на остальное плевать. Спросил как личину его снять после того, как тетрадь сопру. Мне показали несколько жестов, я повторил и шел обратно, туда, откуда пришел. Иду, иду, иду, перед глазами все плывет, хочется спать, зеваю, но иду.

Моргнул, а потом открывая глаза, вижу комнату в Норе, рядом храпит Рон, свисает с его кровати рука, ходит ходуном кровать. Я и правда вернулся. Но мы уже сходили за покупками. А это значит, что тетрадь уже у Джинни. И мне лишь нужно ее забрать. Но, это будет утром. А пока спать. Нащупал на груди кулон, сжал его в ладони и снова провалился в сон.

Глава 2 «Первый осколок в кулоне»

Проснулся отдохнувшим и счастливым. А почему бы и нет? Я — умер, но мне дан шанс прожить жизнь еще раз. Поэтому и улыбаюсь. А вот Рон был не в духе, стоило ему увидеть мою улыбку. С чего бы? Да и ладно. Спускался к столу, мимо комнаты Джинни. Она уже вовсю строчила в тетради Тома и явно между ними начинала образовываться связь. Поэтому:

— Джинни, это ведь тебе Малфой подбросил? — спросил я, показывая на тетрадь, она тут же ее закрыла и прижала к груди, — а ты знаешь зачем он это сделал? — она отрицательно мотнула головой, — чтобы вас всех подставить. Явно тетрадь — темный предмет, не добрый.

— Откуда ты знаешь?

— Догадался. От Малфоя ничего хорошего ждать не стоит. Поэтому тетрадь надо утилизировать, — протянул руку, а она не хотела отдавать, — ты можешь ее оставить, но тогда будут неприятности. Малфой натравит на Артура проверку, и что они найдут? — Джинни не хотела неприятностей, но и тетрадный Том ее уже очаровал. Радовало, что не поработил. Она резко оторвала от груди тетрадку, протянула ее мне и сказала:

— Уничтожь ее или закопай, чтоб глаза мои ее не видели, — и ушла к столу.

Я же приложил к тетрадке кулон и растворившись темной дымкой, она оказалась внутри пентаграммы. Кулон слегка набрал вес, а еще стал холодить кожу. Покинув комнату Джинни спустился вниз, к столу. Завтрак и по обязанностям. Нам с Роном гонять садовых гномов, Джинни и Молли будут готовить обед, прибираться по дому, а Фред, Джордж и Перси разбираться на чердаке и в сарае. Завтрак был плотным, но силы для работ по дому и саду нам понадобятся, поэтому поели и вышли. Садовые гномы паразиты еще те, и гонять их надо каждый день, а то и два раза в день. Чем мы с Роном и занимались. Вылавливали, скручивали подобно мячику и кидали за пределы сада. И так до обеда.

А потом занимались своими делами, решили устроить небольшую мини-игру. Рон на воротах, Фред и Джордж охотники, типа разных команд, а я и Джинни ловцы. И так до вечер, ужина и простых посиделок в комнатах. Рон что-то читал о шахматах, а я купленную книгу по Чарам.

В таком расписании и прошло время до первого сентября. А там платформа, поезд и Добби. Который в очередной раз, зараза такая ушастая, закрыл нам с Роном путь на платформу. Его «Гениальная идея» долететь на машине была мной отклонена, предложил дожидаться родителей. Молли была в шоке, она пройти с платформы смогла, а зайти туда — нет.

— Так, пошли к Артуру на работу, доложим в управление о неисправности прохода, а потом воспользуемся камином министерства. Раз с проходом что-то случилось, и какой-то шутник его закрыл.

Молли вела нас на автобусную остановку, вызвала какой-то «Ночной Рыцарь», волшебный автобус, который доставил нас до министерства за несколько минут. Расплатившись — вышли. А потом через телефонную будку, набрав определенный код, резко понеслись вниз, попав в министерство. Молли вела нас за собой, через какие-то кабинеты, коридоры. Потом мы пришли к отделению по борьбе с незаконным использованием маггловских изобретений.

Артур выслушал нас и миссис Уизли, повел нас к каминам, а перед этим выписав

разрешение на перемещение, и оставив заявку о том, что нарушена работа прохода на платформу. О том, чтобы перейти камином и оказаться в школе раньше остальных — можно только мечтать. Никакой тебе тягомотины и мелькающего за окном вида. Директор был удивлен, как и весь профессорский состав, как и мы с Роном. Но, раз мы прибыли, то прошли в гостиную и комнату, разложили вещи, ждали приезда студентов и ужина. А пока играли в шахматы, читали и просто бродили по школе.

Я для себя решил, что этот год под личиной Поттера будет последний. Летом сбегу от Дурслей, наведаюсь в банк, спрошу совет у гоблинов насчет документов, возможно, к маминой родне во Францию уеду. А может, поступлю в школу под своим обликом и именем. Искать осколки души лорда надо, и как мне кажется, дальше Британии они не находятся. Так за мыслями и планами на будущее и прошел день, а потом вечер, приезд студентов, распределения и пир. Новый профессор ЗОТИ — Локонс, ничего не меняется. Джинни все там же, на Гриффиндоре, веселая, радостная, никакой одержимости тетрадью и медленной от физического и магического истощения смерти. Я рад.

Этот год, в отличие от прошлой жизни прошел тихо, спокойно и мирно. Никаких окаменений, нападений и кровавых надписей. Просто уроки, задания, общение с друзьями, тренировки и игры в квиддич, и война с Малфоем за снитч в небе, куда без нее. Он, как и в той жизни — ловец. А команда, благодаря Люциусу уже снабжена метлами «Нимбус 2001». Радовало, что той ситуации с Гермионой, Роном и слизнями не было. В этот раз Герми не влезала в разговор и не получила в лоб: «грязнокровка» от Малфоя. Ситуация с тренировкой разрешилась в пользу обеих команд, поле мы поделили между собой и тренировались.

В остальном год проходил по накатанной. Дни шли, недели летели, месяц за месяцем. Не заметил, как прошла осень, наступил зима, а с ней подошло Рождество. Как это бывает — остался в школе, а все остальные разъехались по домам. Проводил Рона и Герми на поезд, а сам пошел по своим делам. Хотел в библиотеку заглянуть, узнать о Дарах матери и отца. Это информация была в доступе. Первым стал дар рода Долохов.

О даре «Зов леса» нашел не много. Лишь то, что волшебник с этим даром что-то вроде хранителя, слышит лес, понимает всех его обитателей, как волшебных, так и не волшебных. Вроде как у каждого хранителя своя животная форма-страж. У Долоховых — это медведь. Таких волшебников-хранителей с медвежьей формой называли Берендеями.

Что касается маминого дара, то тут проще. Иллюзии и стихия воздуха. Постичь и то, и другое будет не так сложно, как развить и сформировать дар отца. Нет подходящей для обучения фауны. Кроме запретного леса, а туда я не сунусь. Мне прошлой жизни хватило, в том числе и Арагога со своими детками. Потренируюсь в даре «Зов леса» в маггловском лесу или парке. Начну с малого, как и с дара мамы — иллюзий. Книги есть, накоплю пока теоретическую базу, а к практике приступлю когда буду уверен в своих силах.

Отдал все книги мадам Пинс, шел к себе в комнату, там ждал ночи и возможности прогуляться по пустым коридорам, накрывшись мантией невидимости. И я гулял, спать не хотелось, лишь смотреть из окон на открывающийся вид. Лес в снегу, как и сторожка Хагрида, Черное озеро замерзло, и так же укрылось снегом, а хлопья, словно пух продолжают падать на землю увеличивая размеры сугробов. На окнах морозные узоры. Мне всегда нравилась зима, чисто, бело и красиво. Понимая, что меня клонит в сон шел в комнату. А там и правда, стоило лечь — уснул. А утром, как всегда подарки. От миссис Уизли фирменный свитер, от Гермионы — конфеты и новые свитки, от Рона набор

волшебных шахмат, от близнецов их личные изобретения. От декана Макгонагалл теплый шарф и шапка черно-алой расцветки.

Не заметил, как прошел учебный год. За это время ничего такого не произошло. Лишь пара смешных моментов связанных с Локонсом и дуэльным клубом. Как и в прошлой жизни, профессор Снейп раскатал Златопуста под орех. А потом мне «выпала честь» сразиться с Малфоем и уже моя очередь уложить блондина на лопатки. Змею, насланную на меня заклинанием «Серпенсортия» — уничтожил «Виперо Эванеско» как и профессор Снейп тогда. Шок у зеленых студентов, подозрительный взгляд профессора Снейпа, счастливый Локонса и победа за мной. Как и в квиддиче. Мы обогнали Слизерин и вышли из последней игры победителями. А кубок школы взял Когтевран.

И вот закончилась учеба, сданы экзамены, мы с друзьями собираем чемоданы, чтобы вернуться домой. А я проводил с ними время так, как в последний раз. Ведь так и было, меня, как Гарри Поттера они больше не увидят. Вернусь к Дурслям и при первой же возможности свалю от них и буду жить своей жизнью, а не Поттеровской — геройской. План у меня есть, а остальное не так важно. Где жить — найду, на что жить — наскребу. Пока что мы ехали в поезде, обсуждая год и Локонса, ставшего посмешищем на всю школу. А потом, со всеми попрощавшись — оказался в маггловской части Лондона. Там меня ждали Дурсли. Как обычно запихнули все мои вещи в багажник и повезли меня домой, а я по пути решил сразу сказать планы на ближайшие дни:

— Дядя Вернон, тетя Петунья, у меня к вам будет просьба, — он было возмутился, что я совсем охамел и обнаглел, живу у них и ем за их счет, что я им должен быть благодарен за то, что есть крыша над головой, как я сказал: — мне нужно не это, а сотрудничество с вами. Тут выяснил, что я на самом деле не Гарри Поттер, а ваш родной племянник, тетя Пет умер вместе с родителями еще тогда, двенадцать лет назад. А меня использовали, чтобы его заменить, и заколдовали его внешность.

— Как умер?

— А вот так. Тот самый Темный Лорд убил всех Поттеров. Но свету нужен был герой и на эту роль нашли меня, мальчика-сироту. Как именно и при каких обстоятельствах я потерял родителей — не в курсе, но хочу выяснить. А потом жить своей жизнью, а не как ваш племянник.

— И что ты от нас хочешь, мальчик?

— Разыграем спектакль...

3 глава «Спектакль сыгран, актеры распущены»

Люсиан

Лето — прекрасное время года!

Может быть для кого-то, но не для меня. Жара и невыносимое пекло! Ненавижу. Именно поэтому я и прячусь в маленькой квартирке в Лютном Переулке, не высовывая носа. Ее мне помог снять гоблин, естественно не за бесплатно, а за небольшое спонсирование. И вот, уже полтора месяца я живу под своим именем Люсиан Эмье. Готовлюсь поступать в Хогвартс на третий курс, а для этого готовлюсь к вступительным экзаменам.

А запланированный с Дурслиами спектакль прошел как по нотам. План у меня был прост. Тетя Петунья раз в неделю, а именно по средам, отправляет меня в продуктовый магазин, пишет список и дает денег, все рассчитывая, чтобы без сдачи. И именно в этот день, в ближайшую среду, она написала на листке бумаги продукты, отправила меня в магазин, а я свалил, прихватив ее пять фунтов. И теми же ногами доехал до бара «Дырявый котел». А там, через проход, оказался на Косой Аллее. Банк «Гринготс», гоблин Крюкохват, проверка крови и родословной, счетов и сбережений. Мое имущество — это накопленные мамой три сотни золотом и еще сотня серебром. На первое время хватит, как и на оплату за квартиру до учебы. Гоблин помог найти не дорогую, и вполне сносную комнату, взял на себя обязанности по хлопотам с документами на мое имя и подачей заявления на обучение в школе. И все это — квартира и документы, заняли по времени всего день. Вечером я официально стал: Люсианом Жюль Эмье. Возраст 12 лет, чистокровный волшебник потомок старого, французского рода Эмье. От рода Эмье остались лишь бабушка и дедушка, которые по-прежнему живут во Франции, в маленьком городке Кольмар, расположенный рядом со Страсбургом, чем-то даже похож. Гоблин описывал мне этот городок, а я словно видел его своими глазами. Эти старинные разноцветные фахверковые домики и своя «Маленькая Венеция»: утопающий в герани небольшой канал с живописными мостиками и центральная площадь в окружении средневековых домов. Обязательно, представится возможность, навещу бабушку и дедушку, а пока просто написал им письмо и кратко пересказал все, что случилось со мной, и попросил их мне подыграть, стать частью легенды. Ответ получил почти сразу, как и согласие потягать за бороду и усы одного старого интригана.

А на следующий день, по продуманному мной плану, Дурсли объявили о моей пропаже. Подняли всех на уши: полицию, скорую, вызвали каким-то образом директора и заместителя. Короче искали меня не только магглы, но и волшебники. Произошло все так, как планировал. Прошерстили все, но меня так и не нашли. А я стоял и смотрел за всеми бессмысленными попытками Альбуса Дамблдора и Минервы Макгонагалл найти Героя и Надежду магического мира. Даже упреки и обвинения слышал:

— Альбус, как ты мог так не доглядеть за ребенком? И вообще, если хотел, чтобы он был на виду, отдал бы его Уизли, или еще кому! Той же Августе. А ты!

— Мальчик должен был расти с магглами, не зная о магическом мире, — вот ведь хрен бородатый! Должен я был! А вот теперь ищи меня по всему магическому миру! Смеясь и радуясь я шел домой, в квартиру. Читать и готовиться к поступлению в школу. И учить для достоверности легенду.

По легенде я жил с бабушкой и дедушкой во Франции. Учился на дому. О родителях

практически ничего не знаю. Мама — закончила Шармбатон, потом колледж журналистики и как начинающий журналист, приехала стажироваться в Британию в газету «Еженедельный пророк» (и все это доподлинная правда), повстречала какого-то волшебника, между ними вспыхнули чувства, завязался роман, она осталась здесь, в Лондоне. Потом забеременела мной, а через год после родов — умерла. Подорвала здоровье. Отца не знаю.

Проблемой был еще французский, которым я не владею. А выучить его за полтора месяца нереально. А для правдоподобности он мне ой как нужен. Выход из ситуации придумал Крюкохват:

— мистер Эмье, у меня способ, но он опасный и болезненный, — мне страшно, но ради достижения цели, а именно сбора всех осколков души лорда я готов рискнуть. Спросил, что за способ, гоблин поразил: — Ментальный самоучитель. На голову надевается обруч и с помощью определенных параметров знания языка или раздела магии копируется и переносится в сознание волшебника. Процедура займет пять часов, потом вам потребуется время чтобы отойти от общения с артефактом, но после вы будете знать французский язык в идеале, словно всю жизнь на нем говорили, даже легкий акцент появиться, если захотите.

— Это мне подходит.

— Но, я предупреждаю — это больно!

— Потерплю, — сказал я, отмахнувшись. И гоблин ушел за артефактом, а я остался сидеть в его кабинете. Через пять минут Крюкохват принес обруч, на вид простой стальной ободок, с выбитыми на нем рунами. Нажав и активировав нужное сочетание рун, гоблин надел мне на голову ободок и пожелал не спалиться мозгом. А я понял, о какой боли говорил гоблин уже через пять минут.

Началось все с ломоты в висках, потом боль усиливалась, начался нарастающий мощь стук, отдавая в каждый уголок черепной коробки. Потом начали гореть кожа, глаза, глотку раздирало, как при ангине. Казалось, накалилось все, даже волосы. А боль — невыносима. Я — сплошной ожог. И в таком состоянии я провел пять часов, а когда поток знаний прекратился, пришел в себя, чтобы кое-как добраться до дома и рухнуть на сутки в жуткий, словно с похмелья отходняк.

А утром, чтобы проверить действенность полученных с помощью артефакта знаний, зашел в букинический магазин, чтобы почитать книги на французском. И да, читать я мог, как и писать. А еще говорить и понимать все, что на этом языке говорят. Удобная вещь, хоть и опасная. Мину одна проблема. Осталось только вступительные экзамены сдать и в школу поступить.

И вот, за три недели до начала уроков мне пришел ответ с приглашением поступить в Хог, прилагался даже список книг и всего необходимого к школе, с выбором дополнительных предметов, а так же вопрос, нужен мне сопровождающий за покупками или нет. С той же совой отправил ответ касательно дополнительных предметов, ответил на вопрос то сопровождающем: «Нет, я сам» и пошел за покупками. Жаль, что Букля после моей смерти стала свободной птицей, и более не связана со мной договором о владении. А я шел за покупками, на Косую Аллею. Первым — чемодан, не стал брать громоздкий, а взял маленький, компактный на колесиках, а для книг и канцелярии небольшую сумку через плечо, на молниях и с липучками.

Потом пошел за книгами и всем необходимым для письма, потом за котлами и

ингредиентами для зелий. Купив все, шел за мантиями. Мадам Малкин все подобрала, чуть на вырост, так же дала мне пару обычных комплектов одежды и обувь. Расплатившись — вышел. Осталась лишь палочка. Шел к Оливандеру. И очередное представление, и наконец-то палочка выбрала меня своим хозяином.

— Бук и коготь Берендея, двадцать пять сантиметров. Мистер Эмье, вы необычный волшебник, такое сочетание как у вас крайне редко. Два совершенно-противоположных элемента сошлись, как в вас, так и в палочке. Бук — французская составляющая, а коготь Берендея из снежной России. Эта палочка экспериментальная, ее создавал мой троюродный племянник. Не думал, что она кому-то подойдет.

— Спасибо, мисье Оливандер, — с легким акцентом и поклоном я вышел из лавки и шел домой.

Еще три недели, надо настроиться, а так же подумать, как я буду искать осколки души лорда. Нужно поискать в библиотеке Хога какое-нибудь поисковое заклинание или Чары, способные привести меня к такой же части, что заключено у кулоне. А пока в руках книга по Зельям. Да, стезя профессора Снейпа не для меня, но, может быть, теперь получится, без внешности Поттера, которого он явно за что-то не любит, а может быть отца, ведь Гарри на Джеймса похож. По словам Хагрида и того же профессора Макгонагалл.

Время до школы пролетело незаметно, за чтением. Я еще пару раз переписывался с бабушкой и дедушкой. Как оказалось, достоверность моей личности решили уточнить и связались со старшими Эмье. И бабушка с дедушкой сказали: «Да, есть внук Люциан, все это время обучался дома, но захотел поступить в школу. В Шармбатон не пошел, отправился в Британию, туда, где жила и какое-то время работала мать. Уехал не только учиться, а на поиски отца. Хочет ему в глаза посмотреть и по физиономии дать...» и все в таком духе. Директор поверил и ждал нового ученика с распростертыми объятиями.

И вот, первое сентября, я на платформе 9 и $\frac{3}{4}$, на плече сумка с книгами и аккуратно-сложенная мантия, везу за собой чемодан и проходя через платформу, сдавая багаж, иду в поисках купе. Нашел, расположился и ждал отправления. Чтобы скоротать время — читал. То, что купил к школе — прочитал и постигаю в теории магию иллюзий, мамино наследие. Кое-какие заклинания уже получались, а какие-то давали лишь искры или серебристую пыль.

— Зараза! — ругался я, а купе ко мне постучали...

4 глава «Распределение и ЗОТИ»

... да, не ждал я гостей, да еще таких. Рон и Гермиона, навязывали мне свою компанию. Расположились в купе и трещали без умолку. Спрашивали меня обо всем. Начиная с роста и заканчивая предпочтениями в еде. Явно их ко мне подослали с определенной целью — подружиться. В глазах боль и тоска, улыбки натянутые, смех вынужденный. И я решил сразу сказать: «Ша»

— Ребят, я вас со мной общаться и тем более дружить не заставляю. Вижу, у вас что-то случилось и все это вам в тягость. Давайте вы не будете играть роли, а просто уйдете. Захотите познакомиться, пообщаться или на край подружиться — сделайте это сами, а не по приказу.

— Как ты понял?

— Что нас выдало?

— Тоска и боль в глазах, плюс ненатуральный смех, — ребята были мне благодарны, а я пообещал перед нанимателем их прикрыть, если что, сказал: — вы у меня были, симпатией проникся, с окружением определился. Будут спрашивать, так и отвечу, — сказал им, а они, поблагодарив — ушли.

Я же читал дальше, и так провел время до самого Хогсмида. Меня никто не побеспокоил и не навестил. А потом переоделся, перекинул через плечо сумку и вышел следом за первогодками. Так же, как и они плыл на лодке через Черное Озеро и ждал профессора Макгонагалл у дверей в Большой зал. Когда двери открылись, мы шли вдоль столов, как раз к столу профессоров.

Среди профессоров незнакомое мне лицо. Мужчина лет тридцати пяти, худой, явно высокий. Светло-русые волосы, челка падает на карие глаза, осунувшийся, едва заметные по лицу белые полосы шрамов. Боевой волшебник. Явно назначен на должность профессора ЗОТИ. А дальше распределение и первым мое имя:

— Люсиан Эмье! — вышел, сел на табурет и стоило шляпе оказаться на моей голове, тут же ее недовольное ворчание:

— *Опять ты!*

— *Уважаемая, я да не я.*

— *Вижу. Под личиной Поттера был. А теперь собой стал,* — спросить не успел, знали она тогда о том, что я не Поттер, как она быстрее ответила: — *нет, я вижу то, что показываешь мне ты сам. И я вижу, что ты так и не определился с факультетом. А я, как и тогда буду настаивать на Слизерине.*

— *Как скажете,* — и шляпа выдала:

— СЛИЗЕРИН! — думал, барабанные перепонки лопнул.

Встал с места, профессор окрасила мой галстук в зеленый и пожелала удачи. А я шел к столу змей. Рухнул на пустое место и ждал распределения, речи директора и пира. А потом по комнатам и спать. И так было бы, не реши Малфой показать свой статус на факультете. А так же указать мне на мое место.

— Значит, новенький у нас из Франции? — и пошла речь на чисто-французском, да такие словарные обороты, что мама родная, если бы не помощь того артефакта, полетела бы моя легенда, как та самая фанера над Парижем. Я же, закатив глаза, рухнув головой на сложенные на столе руки, ответил на его речь всего одной фразой:

— Cul arrogant* (высокомерная задница), — и он резко затих, смотря на меня наливающимися от злости глазами, скрипящими зубами и сжимающимися с силой костяшками, готовясь отнюдь не по аристократически врезать мне по лицу. Только хотел спросить, что я имел в виду, назвав высокомерной задницей, явно с намерением продолжить разговор в грубой, маггловской форме — кулаками, как началась речь директора. Он представил профессора Люпина по защите от Темных искусств. Пожелал ему удачи и предостерег от контактов с дементорами. Какими? Теми, которые Азкабан стерегут.

Как оказалось, сбежал некто Сириус Блэк. Он — сторонник Темного Лорда, его верный последователь. Дементоры отправлены на поиск беглеца, в том числе и в школу. Дементоры — темные сущности, питающиеся положительными эмоциями, а так же душами людей. Одно из наказаний в мире магии — это поцелуй дементора. Этим поцелуем, он высасывает твою душу, оставляя тело в состоянии подобно овощу. Без разума.

Ужин закончен, нас отпускают по факультетским гостиним. Вступительную речь старосты и декана я пропустил. Меня волновали мои соседи, которыми оказались Кребб и Гойл. Сочувствовал мне Нотт, говоря, что толстяки всю ночь громко и протяжно храпят. А я сказал, что если услышу их храп, то засуну им их же носки в рты и заклюю. Вот точно будет тишина. Винс и Грег от смеха и угрозы хрюкнули и сказали, мол, ага так и поверили. А я отмахнулся:

— Не верите, не надо, — взяв банные вещи ушел в душ.

Пришел в спальню, разложил кровать и лег, потом присоединились храпуны. Уснули они уже после меня, так как когда я засыпал, они еще перешептывались. А я с улыбкой на лице уснул и надо отдать им должное, если они храпели, то не громко. Утром же проснулся в прекрасном расположении духа и первым делом толкнул толстяков и напомнил про завтрак и уроки. С неохотой, но эти увальни встали. Оделись и пошли на завтрак. Потом на уроки. У нас по расписанию ЗОТИ с Гриффиндором. Как и всегда, ничего нового в расписании, лишь я теперь на стороне зеленых, а не алых.

А темой нашего урока стал боггарт, существо, у которого нет своего облика, оно принимает вид страха и кошмара, потаенных в душе человека. Против него есть заклинание: «Риддикулус», а перед применением заклинания нужно представить что-то смешное, когда заклинание произносится, страх обращается в то, что веселит или забавляет. И выстроившись друг за другом мы ждали своего страха и возможность его побороть.

Первым пошел Невилл. Его страх — это профессор Снейп. Профессор что-то шепнул ему на ухо, Нев кивнул, представил нечто забавное и произнес Риддикулус, а потом боггарт в облике декана предстал перед нами в одежде пожилой, весьма экстравагантной леди. Смех Гриффиндорцев, недовольная мина слизеринцев.

А урок продолжился. Следующим был Рон. Его страх — пауки. Он сосредоточился, что-то представил, произнес заклинание и на каждой лапе паука оказались надеты роликовые коньки. Лапы паука расползались и он смешно ими перебирал, пытаясь поймать равновесие. Дальше шла Парвати. Ее страх — кобра, ее она превратила в вылезающего из шкатулки клоуна. И настала моя очередь. Мне показали страх умереть и оказаться закопанным в сырой земле, со стоящей мемориальной плитой и золотой надписью, с годами жизни.

— Риддикулус! — рыкнул я сквозь зубы, направляя магический удар в боггарда. Могильная плита с надписями и моим именем превратилась в игру «Ударь крота».

На меня смотрели ребята с Гриффиндора и со Слизерина. Все молчали, лишь Нотт

спросил, почему я боюсь умереть. Ответил, шепотом, лишь ему: «- Потому что я был однажды на той стороне. Там хорошо, светло, тепло и беззаботно, но там тупик. Дальше пути нет. Ничего, кроме перерождения тебя не ждет, и даже тогда ты уже будешь не ты, а кто-то другой. А я хочу развиваться и идти вперед». Такой ответ приняли и больше эту тему не поднимали. Даже не спрашивали, когда это я был на той стороне и как вернулся.

День же продолжился, следующим уроком стало «Маггловедение» не стал брать УЗМС и Прорицание, а взял Маггловедение и Руны. Со мной на лекции по жизни магглов шел Нотт, с ним же мы будем ходить на Руны. Нормальный и адекватный парень, спокойный и не многословный. Хотя, я иногда скучаю по шумному, вездесущему Рону и занудной, читающей нотации Гермione. Но, новая жизнь, новые друзья. Надеюсь.

Люсиан

Первый урок по Маггловедению с профессором Бербидж — это просто нечто. И я не кривлю душой. Профессор о магглах знала все, и рассказывала тему так, словно она была свидетелем и видела все своими глазами, от зарождения жизни на земле, до сего момента. На нее в изумлении смотрели чистокровные волшебники и волшебницы, слушали с открытыми ртами, даже сидящий рядом со мной Теодор, скупой на эмоции и их проявление — едва сдерживался, что не закричать: «Да ладно, правда? Вот это да!» — по глазам видно, как ему этого хотелось, но воспитание не позволяет и чистокровная гордость.

А первой темой было: «Зарождение жизни на Земле». И профессор рассказывала научную версию. О теории Большого взрыва и образовании нашей солнечной системы, о том, что Земля третья планета от солнца и на ней самые лучшие условия для развития жизни. Рассказывала о том, что сначала планету покрывала вода, с минимум суши, и все организмы существовали в воде. Процесс же эволюции не стоял на месте, и через какое-то время живые существа стали выбираться на сушу. Жить и там, и там. И так далее. Остановились мы на стадии динозавров и их вымирании. А я спросил:

— Профессор Бербидж, — обратился я к ней, — а как же вторая теория, не научная, а религиозная? — она была удивлена моей осведомленностью, как и сидящий рядом со мной Теодор. Ведь чистокровные волшебники не интересуются магглами и их жизнью, теориями и всем остальным. А я чистокровный и по легенде жил с бабушкой и дедушкой, такими же чистокровными и не должен был пересекаться с магглами. На этом и основывался ее вопрос:

— Мистер Эмье, откуда вы знаете о религиозной теории? Вы с бабушкой и дедушкой пересекались или общались с магглами? — спрашивала профессор. Ответ на этот вопрос ждал и Теодор. Я не скрывал:

— Нет, не пересекались. Скажем так, это мое хобби. Кто-то карточки с квиддичными игроками собирает, кто-то цветочки выращивает, а я вот магглами интересуюсь. Точнее их историей. Не все, динозавры и развитие людей от обезьяны меня не радует, а вот начиная с древнего Египта и до нынешнего момента — да. А еще их изобретениями, которыми они облегчают себе жизнь, не владея магией, как мы волшебники.

— Это просто... слов нет, мистер Эмье, — говорит профессор, и тут же за мой длинный язык я был наказан: — раз вы так увлечены магглами и их историей, мистер Эмье, то вам не составит труда написать к следующему уроку небольшое эссе, скажем, на два свитка, на тему: «Божественная теория зарождения мира», — при этом профессор открыто улыбалась и радовалась.

Урок закончился, мы шли на следующий. Потом обед и урок у профессора Макгонагалл. А дальше по своим делам и в библиотеку выполнять заданные профессорами задания. И как хорошо, что дополнительные уроки всего два раза в неделю. Раз Маггловедение и раз Руны. Больше раза в неделю я бы не выдержал и не успел бы написать эссе на два свитка. Информации в учебниках крайне мало, а писать по памяти то, что изучал еще в маггловской школе, займет время больше обычного.

В библиотеке я сидел так же, рядом с Теодором. Тихо и спокойно, мы с ним за столом одни. Никто над ухом не ноет, умоляя прогулять следующий урок или забить на домашку, и не причитает, заставляя учиться и выполнять задания, как было раньше. Нотт тихо скрипит

пером по пергаменту и одними лишь губами проговаривает формулы или составляющие зелий. А рядом, через стол от нас сидели одноклассники, шумной толпой обсуждали задания. А в центре, как и всегда Малфой, его окружали Паркинсон, Забини, старшая из Гринграссов, а рядом, как телохранители мелькали толстяки. И взгляд его был направлен на стол за которым сидели Рон и Гермиона. Кривая улыбка, надменный взгляд, и вопрос, словно в пустоту и в никуда:

— Интересно, куда же делся Поттер? — а его тон, казалось, он и правда обеспокоен. А на деле явная и не скрываемая издевка, и смотрит он на Рона, который отстраняется от слов блондина. Гриффиндорец сдерживается, лишь не подойти и не вмазать по роже Малфоя, — Потерялся? А может, заблудился? — смеется он, а все остальные, рядом с ним сидящие поддерживают, — Что, «Золотое Трио» уже не Трио и даже не золотое? — Гермиона старается изо всех сил сдержать Рона, но тот встает и идет к Малфою. Тут же на пути гриффиндорца встают толстяки, а Малфой дает им отбой, мол, сам разберется. Отходят от него и остальные, остается за столом лишь он и Рон.

— Малфой, завали варежку, — рычит Рон, закипая от злости. Малфой напрягся, а тот сказал: — успокойся, я не буду тебя бить или с тобой ругаться. Просто отвали от нас и Гарри! — перо, которое он взял со стола слизеринца — треснуло в его руке, а голос с надрывом, взгляд полный боли и тоски, как и тогда в поезде. Они скорбят. Я мог бы рассказать им правду, но примут ли они меня — Люсиана, чистокровного волшебника, сына Пожирателя смерти и слизеринца, вот что меня волнует. Рон же тихо и с хрипом продолжал: — Гарри — наш с Гермионой друг, и он пропал — да, мы за него переживаем. Уверен, тебе не знакомы такие понятия, как дружба и скорбь, и тебе не понять нашей с Гермионой боли.

— С чего ты это взял?

— По тебе видно, — чуть ли не выплюнул Рон, — если не хочешь познать собственной рожей мой кулак или прочувствовать проклятие поноса от Герми — не упоминай Гарри и сделай вид, что его для тебя не существует. Что его в твоей жизни, и жизни всех твоих змей, — смотрит на стоящих рядом одноклассников, — никогда не было, — сказал Рон, вставая со стула, уходя к Гермионе, падая на стул и роня голову на сложенные на столе руки.

Герми успокаивала его и гладила по спине. А Малфой уткнувшись в свиток, сдвинув брови к переносице, сжав губы в тонкую нить — прошептал губами, едва различимо: «- Мне тоже его не хватает». Но, этого никто кроме меня не заметил. А сидящий рядом со мной Тео, сказал:

— Малфой страдает по Поттеру по-своему. И все его попытки казаться заносчивым и высокомерным, показывающим превосходство над остальными, это попытка привлечь внимание одного конкретного — Поттера. Он грезил дружбой с ним с детства. Готовился к моменту их встречи задолго до начала учебы. Собрал около себя все сливки магического общества, отпрысков аристократов: Блейза, Панси, Креба и Гойла, даже меня в свою компанию затащил. Стал нашим негласным лидером. И все это для того, чтобы показать Герою нужную и правильную сторону.

— И как, помогло?

— Нет. Наоборот оттолкнуло. Драко не умеет разговаривать с оппонентом на равных, его тон — это превосходство, словно у него течет по венам голубая кровь, а кости из золота или серебра сделаны. А Поттер, по слухам рос с магглами, в жутких стеснениях и с кошмарным отношением. И подход Малфоя, к его великому сожалению, провалился.

Предложение о дружбе и протянутую руку Герой отклонил, выбрал в друзья простого мальчишку Уизли, и девочку Грейнджер, таких же, как он — обычных, а не заносчивых и венценосных, как Малфой со свитой.

Часть 6 «Ликаны и анимаги»

Дни шли, недели летели. А я так и не нашел способ, с помощью которого смог бы найти остальные осколки души темного лорда. Искал в библиотеке, как в разрешённой, так и в запретной секции, под покровом ночи, накрывшись мантией-невидимкой, оставшейся у меня, с тех пор, как я был Поттером. Ничего кроме Чар «Акцио» не нашел. Но и они мне не подходят.

Ими нельзя приманить живых существ, как людей, так и животных. И призраков в том числе. Так что часть души Темного Лорда придется искать иначе. Как? Понятия не имею. Так же Чары "Акцио" не срабатывают в случае с проклятыми предметами и высшими артефактами, такими как мантия-невидимка.

Как оказалось, мантия — это Дар Смерти одному из своих потомков, а Поттер — потомок потомка. Интересно и невероятно. Смерть покинул чертоги для того, чтобы забрать душу умирающей девушки, облегчить ее страдания, а в итоге, пока наблюдал за ней — влюбился. Такая возможность, как полюбить кого-то дается Высшим Созданиям лишь единожды. И Смерть отдал сердце и душу той самой деве, которую должен был забрать в свои чертоги. Их союз дал начало роду Певерелл. У пары родились три брата: Антиох, Кадмус и Игностус.

Младший из братьев — Игностус, является родоначальником Поттеров, так как его потомок — Иоланта Певерелл связала свою жизнь с Хардвином Поттером, вошла в его род и стала Поттер. Интересные переплетения. Мне же они ничего кроме информации не дали. Так что вопрос с тем, как найти оставшиеся части души темного лорда остался открытым.

Закрыв книгу и убрав на полку — ушел досыпать. До рассвета и уроков оставалось пять часов, времени вагон. Мне как раз хватит. Прошел в гостиную, потом в комнату, лег под одеяло и под сопение Кребба и Гойла — уснул. Толстяки и правда храпят, но с храпом Рона не сравнятся. Так что меня это не напрягало. И проснулся сам, даже будильник не понадобился. Собрался, привел себя в порядок, взял книги и свитки, толкнул храпунов и пригрозил Агуаментати. Встали, переваливаясь с бока на бок. Лишь слово — завтрак помогло их поднять окончательно.

Вышел из комнаты, шел в Зал, нагнал Нотта, шли вместе. Сели тоже рядом. А потом на уроки. Первым ЗОТИ с Гриффиндором. И что странно, профессор Люпин опаздывал. Что для него не характерно. Но тут резко влетает наш декан, выключает свет и заводит проектор, говоря открыть страницу 394. Все в шоке, не понимаем, что происходит. Как оказалось, профессор заболел и вести ЗОТИ будет декан. Мы не против, а вот гриффиндорцы — очень даже.

— Ликаны?! — шокировано сказал Рон, — мы же еще на болотниках! — но профессор пригрозил снятием баллов и резко, с помощью палочки и магии перелистнул учебник на нужную страницу. Рон притих, как и все гриффиндорцы. А профессор задал вопрос:

— Кто из вас ответит мне, чем отличаются ликаны и анимаги? — высоко тянула руку Гермiona, отчаянно желая ответить, ее не спросили, даже не обратили на нее внимания. Зато ответил Рон, не поднимая руки, не смотря на экран, а в книгу:

— Анимаг — это волшебник, способный принимать животную, птичью или еще какую-то форму по своей воле, в любое время. Например, профессор Макгонагалл, ее форма — кошка, — говорит без разрешения Рон, а профессор слушает и не снимает баллы, — а ликан

— это больной ликантропией волшебник, обращается без желания каждое полнолуние.

— Хм, — выдал профессор, — тридцать баллов Гриффиндору за развернутый ответ мистера Уизли. Все так, как и сказал нам мистер Уизли. Записываем... — и пошли отличительные особенности ликанов.

Оказалось, есть обращенные, а есть рожденные ликаны, они же оборотни. Оборотнем рождаются, а не становятся. Оборотень — это потомок или двух ликанов, или ликана и волшебника. Процесс обращения у таких существ происходит так же в полнолуние, но не как у ликанов — болезненный с последующим отходняком, а добровольный, безболезненный, и отходить после полнолуния им не нужно. Оборотни живут в согласии со своим внутренним зверем.

В отличие от ликанов, оборотни могут пользоваться способностями зверя, такими как: обостренный слух, дальнее зрение, различие запахов и вкусов, сила и скорость у оборотней вне полнолуния выше человеческой. Казалось, много плюсов и ни одного минуса. А они есть. Оборотни, в отличие от ликанов практически не владеют магией, волшебников среди них один на десяток, даже реже. Ликан, хоть и укушенный и заражённый, но по-прежнему волшебник, поэтому магия при нем, лишь меняется окрас, если волшебник был светлым или нейтральным. Нюансы, как говорится, есть везде.

Что касается анимагов. Тут тоже не все гладко и идеально. Не каждый волшебник становится анимагом. Или этот Дар в крови от предков или есть к нему предрасположенность, как у профессора Макгонагалл. Анимагия — это раздел высшей Трансфигурации, изменение формы, когда одно живое существо приобретает форму другого живого существа. Анимагия, как и вся магия, перед применением должна быть тщательно изучена. Желательно, чтобы рядом был наставник, владеющий анимагией. В противном случае, волшебник может или перегореть или застрять в частичном облике или в животном, без возможности вернуться в человеческую форму. И каждый анимаг, приобретя форму должен регистрироваться, в противном случае — это карается Азкабаном.

— Урок окончен! Жду от каждого из вас эссе размером в свиток о различиях анимага и ликана, с примерами, — закончился урок, мы все шли на следующий. На Травологию с Пуффендубем.

А я смотрел на профессора и думал, какой сегодня день и какой был вчера. А именно — полнолуние. И как мне кажется, не зря, а с какой-то целью, заменяя профессора Люпина, декан дал тему: «Отличия ликанов от анимагов». Явно с умыслом или желанием предупредить нас об опасности. А в голове его же слова, когда-то давно, еще в прошлой жизни мне адресованные: «Поттер, вам вредно думать. Неприятностями чревато!», так оно и есть. Думы меня ведут именно к ним, к неприятностям.

За мыслями о профессорах, ликанах, анимагах и фазах луны, не заметил, как прошел урок с профессором Стебель, потом обед. Пришел в Большой Зал. Сел рядом с Ноттом, что-то поел и ушел, махнув, сказав ему «пока». Следующий урок у нас вечером, почти ночью. Времени полно, как и на задания. Поэтому бросил в комнату сумки с учебниками и пошел гулять по школе, думать над тем, как быть с той информацией, которая бродит в мыслях, относительно профессора Люпина и стечения обстоятельств, наталкивающих меня на мысль о том, что он — ликан.

Бродил по коридорам, поднимался по лестницам, не отпуская мысль о том, что профессор и правда может оказаться ликаном. Как это выяснить? Ответ один — проследить. Но я не смертник и заразиться ликантропией не горю желанием. Поэтому решил для себя

откинуть эту мысль и думать над той, которая важнее. Над способом найти кусочки души. Стоял около окна и смотрел на Запретный лес. С лесом меня многое связывает. Два года подряд, ещё будучи Поттером мне "посчастливилось" его посетить и нарваться на неприятности. Первый год — это во время отработок с Малфоем, когда я стал свидетелем поглощения крови единорога Квиреллом, одержимым Лордом. Во второй год — Арагог, к которому мы с Роном пришли за помощью, а сами чуть не стали обедом акроматулу и его деткам. Смотрел в окно, задумался о прошлом, как напротив меня загорелись два зелёных глаза, как изумруда, принадлежащих Гарри. Он махнул мне рукой, сказав:

— Привет...

Глава 7 «Еще кусок души и подозрения профессора Снейпа»

— Привет... — а я смотрел и не понимал, что происходит. Как Гарри связался со мной из мира мертвых, и как это выглядит со стороны? Как будто я разговариваю сам с собой или же просто стою и болтаю с потусторонним отражением? А Гарри, видя мою панику, сказал: — никто кроме тебя, меня не видит и не слышит. Так что не переживай, а лучше слушай и запоминай, как пользоваться кулоном. В прошлый раз я забыл тебе сказать.

— Чего? Забыл?

— Слушай и не перебивай, времени на общение мало. Кулон и кусок души в нем — компас. Направляешь свою магию в кулон, как в палочку, тот же принцип, и требуешь от куска души или координаты месторасположения или направление для поиска. Осколок через кулон должен указать тебе место или направить в сторону ближайшего куска. Понял?

— Вроде да, — и только хотел попрощаться, как Гарри добавил еще одну деталь. Кулон переваривает кусок лордовской души в течении года. То есть больше одного осколка в год добавлять нельзя, иначе у кулона будет несварение, и все мной пойманное и в него помещенное — вырвется наружу и придется искать их заново. А нафиг мне это надо.

На этом распрощались. А я, не откладывая на потом, решил попробовать воспользоваться советом Гарри. Достал кулон и сжал в пальцах. Призывал и помещал магию в кулон, как в палочку, с приказом направить и показать мне путь к ближайшему осколку, если такой есть. Не сразу, но от кулона пошла отдача. Сначала он словно не реагировал, был привычно холодным. Но постепенно нагревался, и когда напитался магией — завис в воздухе. Качнулся сначала в одну сторону, потом в другую и поймав сигнал потянул меня за собой, натягивая шнурок. Вел меня, как хозяин ведет собаку на поводке.

А поднимались мы все выше и выше, дошли до восьмого этажа, а там по коридорам, пока не подошли к картине с танцующими троллями и неким Варнавой Вздрюченным, так гласила надпись. Я стоял у стены и смотрел на метающийся и желающий впечатать меня в стену кулон, была бы его воля. Стоял бы так дальше, рассматривая стену, не подумай о том, что найти бы уже этот чертов осколок и идти к Астрономии готовиться.

— Дела!

Стена странно себя вела. На ней стали проявляться узоры, ручка, петли, как на дверях. Волшебным образом этот самый узор стал менять цвет с белого, каменного, на коричневый, как дверь. И в итоге дверь проявилась, приглашая меня пройти внутрь. А кулон резко дернул за шнурок и втащил меня в эту самую комнату. Непонятная комната, что-то вроде склада, и среди всего этого должен быть осколок души Темного Лорда. Где? Хороший вопрос. Жаль, кулон не скажет. Путь он мне уже показал. Упал, перестал поглощать магию. Взял его в руки — он горячий, а должен быть холодным.

— И как мне отыскать тут еще один ваш осколок, милорд Воландеморт? — спросил я, и кулон в пальцах стал нагреваться сильнее, — эй, больно же, — уронил я артефакт.

Шел вперед, осматриваясь. Тут и старый квиддичный инвентарь, и столы со стульями, и книжные полки со шкафами. Ходил, бродил, и за кулоном следил. Казалось, что в некоторых местах он менее горячий. Взял в руки и снова повторил тот путь, каким ходил до этого. И кулон заметно охладел в пальцах, когда я проходил мимо составленных друг на друга столов. А там, среди них шкатулка. К ней метнулся кулон, признавая родную энергетiku.

— Значит, вот ты какой, второй осколок души? — открыл шкатулку, а там какое-то женское украшение с ярким, синим драгоценным камнем в центре. Приложил кулон к нему и украшение стало частью артефакта. А я вышел из комнаты, которая после закрытия двери снова стала частью стены. Шел в гостиную факультета, все еще в задумавшемся состоянии. И чуть не влетел в декана.

— Мистер Эмье! — воскликнул он, — смотрите куда идёт!

— Простите, декан. Я задумался, — извинился я, быстро спрятал кулон под рубашку, а профессор спросил, что такого могло произойти и меня увлечь, что я не вижу куда иду и кто по близости. У меня была потрясающая тема для раздумий, и я ей поделился: — понимаете декан, с самого утра, с вашего урока у меня не выходит то стечение обстоятельств, которое сегодня произошло.

— Какое именно стечение обстоятельств, мистер Эмье, вас так поразило и не отпускает до сих пор? — руки профессора привычно лежат сложенные на груди, от чего широкие и длинные рукава мантии становятся похожими на крылья летучей мыши, которая завернулась ими с целью вздремнуть. Судя по виду, профессор явно меня в чем-то или подозревает, или собирается подозревать, брови его сведены к переносице, а взгляд подобен маггловскому рентгеновскому аппарату, казалось, он видит меня насквозь.

— Несколько обстоятельств, декан. Например, этой ночью было полнолуние. Потом профессор Люпин не пришел на урок по состоянию здоровья, его провели вы, декан, а еще выбранная вами тема урока. Все это складывается в моих мыслях в одну весьма не радостную картину, — смотрел на профессора, а тот смотрел на меня все тем же взглядом, пронзительным и подозрительным. Поэтому я продолжил по-другому, уведя мысль в простое стечение обстоятельств: — хотя, может так совпало. Ну, подумаешь полнолуние. А профессор и до этого не важно выглядел. Явно заболел и вот болезнь взяла свое.

— Забыли о теме урока, мистер Эмье, — сказал профессор, — она каким боком во всех этих ваших умозаключениях фигурирует? — спросил декан, а я сказал:

— Вы — профессор, вам виднее какую тему нам преподавать. Анимаги и Ликаны? Значит так надо. Не мне ученику спорить и тему выбирать, — улыбнулся, а профессор мне в ответ. Отпустил и сказал не опаздывать на ужин и на Астрономию. А сам все еще смотрел мне вслед. Да, странный вышел между нами разговор. Я вроде как намекнул на то, что в курсе о том, что Люпин — ликан, а он вроде не отрицал. С этими мыслями и еще одним куском души в кулоне шел на ужин, а потом на Астрономию.

Отступление

Северус Снейп

Люсиан Эмье — странный парень. Из старого, французского рода волшебников, явно чистокровный, а поступил в Хогвартс вместо Шармбатона. Да, причина вполне подходящая. Его матушка, как перспективный журналист проходила стажировку в «Еженедельном Пророке», здесь же повстречала отца Люсиана, закрутился роман, а потом неизвестно. Для этого парень и поступил в Хогвартс, а не в Шармбатон, чтобы быть ближе к источнику информации. А еще, как говорил сам, и не отрицали его бабушка и дедушка, хочет найти отца, по возможности врезать ему по роже за то, что бросил маму. Все так, история его не выдуманная, но иногда мне кажется, что я с ним давно знаком. Некоторые привычки и манеры, словно я их где-то видел. Но никак не пойму где и когда.

И очередная странность. Парень гулял по школе с обеда и практически до ужина, погруженный в мысли. И если бы я его не окликнул, столкнулся бы со стеной. Причина —

Люпин. Люсиан сложил все кусочки пазла в одну целую картину. Знал, что ночью было полнолуние, потом вспомнил о паршивом состоянии волка в предыдущие дни, далее отсутствие Люпина на уроке, потом выбранная мной тема и вот, он уже понял, что Люпин — ликан. Но, чтобы не подставлять профессора и не нарываться на неприятности сделал вид, что это всего лишь стечение обстоятельств. И я не стал его отговаривать. Лишь смотрел, провожая.

А еще меня насторожил ловец душ, висящий на его груди. Редкий артефакт. Такими пользуются оммедзи на востоке, когда изгоняют аякаши и мононоке из предметов или живых существ. Об этой вещице упоминается лишь в нескольких работах Британских ученых и все они утверждают — артефакт создавался некромантами, чтобы изгонять души или призраков из мира живых, переправляя его в мир мертвых. Проводился специальный ритуал, с помощью которого душа, заключенная в артефакт, отправлялась напрямик в чертоги Смерти.

Висящий на шее Люсиана кулон явно не пустой, в нем кто-то находится. Ловец духов источал энергию, темную, опасную, и казалось до жути знакомую. На парня она не повлияет, не спаразитирует, и его жизнью не завладеет, просто очередная странность от мальчика. Обещая самому себе за ним приглядывать — шел в комнату, готовиться к ночному дежурству.

Глава 8 «Кто напугал Полную Даму?»

Быть под пристальным вниманием у декана, то еще удовольствие. Нет-нет, да поймаю на себе его взгляд. Первое время меня это напрягало, слегка нервировало, а потом стало все равно. Пусть наблюдает, подозревает — плевать. Что он обо мне накопает? Ничего мне вредящего. То, что я отпрыск Пожирателя Смерти? Не важно. Узнает, так узнает. У него почти все подопечные такие. То, что я был Поттером? Пусть попробует доказать. Остальное — по боку. И да, поиски пропавшего героя до сих пор ведутся.

Директор и заместитель не оставляют попыток найти Героя. К этому подключился Аврорат и министерство. Поттера ищут не только в Британии, но и в соседних странах. И все попытки найти Мальчика-Который-Выжил — бесполезны. Он, как сквозь землю провалился. Именно такая информация всем предоставляется, а на деле Дамблдор и верные ему Авроры ищут не Гарри, а того, кто им был — меня. А вот дракла они в зад получают, а не меня. спрятаться у всех на виду — чем не шутка юмора над великими и могучими?

Так и шли учебные недели, и подкрался Хеллоуин. Ничего нового, такой же как и прежде праздник. С уроками лишь до обеда, шикарным пиром, характерными украшениями и музыкальным сопровождением. Мне же этот праздник не нравился, как тогда, когда я был Поттером, так и не нравится до сих пор. Теодор спрашивал почему:

— Так совпало, что в этот день, когда мне исполнился год, умерла моя мама, — вот и весь ответ.

— Значит, у тебя день рожденья сегодня? — спрашивал слизеринец, а я лишь кивнул. Сказал, что этот день для меня не праздник, а поминки по маме. И праздновать свои тринадцать я не собираюсь, как и присоединяться к пиру в Большом Зале. Просил оставить меня одного. Теодор ушел, а я сидел в гостиной, на диване у камина с книгой. Читал о Даре мамы — Высших Иллюзиях.

Способности Высших Иллюзий до сих пор полностью не изучены, но упоминается с том, что такие иллюзии могут сражаться на равных с волшебником или волшебным существом. Но Высшие Чары Иллюзий жрут слишком много сил. Волшебник, достигший высшего уровня этого вида магии, носит имя — Иллюзорн. Иллюзорн, призывая Высшие Иллюзии сражается за двоих или за троих одновременно. А это выматывает. Поэтому пользоваться способностям этого уровня рекомендуется в крайне редком случае, когда жизни грозит опасность или есть, кому страховать.

— Мистер Эмье! — влетает в гостиную декан, который был подобен фурии, — вы почему на пиру не были? — а у самого паника и страх. Явно, пока я тут читаю, что-то произошло. Хотел спросить, что именно случилось, и почему он так перепугался за меня и мое отсутствие на пиру в Зале, не успел, он ответил на мой взгляд: — Сириус Блэк, случился. Он хотел проникнуть в гостиную Гриффиндора. Но Полная Дама подняла крик. За это поплатилась.

— Как это, поплатилась?

— Блэк располосовал ее портрет в отместку за то, что она не дала ему пройти в гостиную, — снова тот же вопрос: «Зачем?» чуть не слетел с моих губ, как догадался сам. Поттер, он ищет Поттера, чтобы убить, тем самым отомстить за смерть Темного Лорда. Декан, видя, что я понял, сказал: — всех эвакуировали из спален переселили в Большой зал. На время, пока не найдут беглеца.

— А он разве не в курсе, что Поттер пропал? На кой дементор ему в школу проникать, чтобы Героя и Избранного искать? — этот вопрос интересовал не только меня, но и декана. Но ответ на него он не знал. А вел меня ко всем остальным студентам — в Большой Зал. Когда меня увидел Теодор, махнул рукой, и я присоединился к нему, расположившись на соседнем матрасе. Спать сегодня мы будем здесь, а во всех гостиных будут проводиться обыски. Надеюсь, Блэка или найдут или спугнут и он просто свалит, а дементоры следом. Их присутствие рядом нервировало и напрягало.

Ночь прошла без сна, а в мыслях. Как Блэк смог проскочить мимо дементоров и призраков? Дементоры бы его махом почувствовали, а призраки бы забили тревогу и Блэка скрутили бы в мгновение ока. Явно беглецу кто-то помогает. У него в стенах школы сто процентов есть сообщник. И у меня есть на эту тему лишь один подозреваемый — Люпин. Но мне это надо доказать. Как? Вот в чем вопрос. С этим я разберусь чуть позже, когда наберу доказательную базу. А именно факты и улики. И первым пунктом станет их с Блэком общее прошлое.

Утро было гадким и паршивым, не смотря на то, что директор объявил выходной. Вставали мы все разом, шумно, громко, кто-то даже матерясь, разбредаясь по гостиным и комнатам. Кто-то досыпать, а кто-то просто приводить нервы в порядок. Это касалось гриффиндорцев, особенно Рона и Гермионы. У них собрание в библиотеке.

Я стал невольным слушателем их размышлений. Сидел за книжной стойкой с подшивкой газет за восьмидесятые года, и все, что они говорили — слышал, а они меня не видели. Бывшие друзья обсуждали с Джорджем, Фредом и Джинни произошедшую ситуацию. В том числе и неосведомленность Блэка о пропаже Поттера. Джинни даже предположила, что он искал не Поттера, а кого-то другого. Но над ее словами посмеялись близнецы, сказали:

— А кого ему искать, если не Гарри?

— Он же Лорда уколошил! С него и спрос!

Не стал дальше слушать разговор гриффиндорцев, я уже нашел то, что искал, поэтому вернул газеты мадам и ушел, идя по коридору, к Стенду Славы, туда, где располагались все кубки, медали, награды отличившихся волшебников и волшебниц за последние несколько столетий. В поисках того, что могло бы мне помочь связать Блэка и Люпина. И я это кое-что нашел. Даже больше, чем искал. Поттер-старший, Люпин и Блэк вместе учились, на одном факультете. И видно по фото, что являлись они друзьями, как и еще один мальчик. Друзей было четверо.

— Интересно, — задумался я, — значит, друзья? — смотрю на улыбающуюся четверку гриффиндорцев. Хотел было уйти, как меня засек Филч, требуя ответ, что я тут забыл. Ответил: — мистер Филч, я просто ищу информацию по своему отцу. Мама у меня француженка, училась в Шармбатоне. А вот отец, его она повстречала здесь, в Британии. Возможно, он учился здесь и остались какие-то записи или упоминания, — завхоз понял и отпустил было меня восвояси, как я спросил: — мистер Филч, а вы застали Поттера, Блэка, Люпина и Петигрю? В те года вы работали или был кто-то другой?

— Застал. Еще как застал! — начал ругаться сквиб, — это редкостные поганцы и мерзавцы. Столько раз мне пакостили, и не сосчитать. А сколько они крови из вашего декана выпили! — и тут понял, что сказал лишнего, я же сделал вид, что не слышал. Просто поблагодарил и ушел.

Значит, декан учился в то же время, что и этот квартет друзей? А извечное

противостояние Слизерина и Гриффиндора сыграло с ним злую шутку. Четыре храбрых и отважных гриффиндорца сделали своей жертвой одного хмурого, мрачного слизеринца. Фу, фу, и еще раз фу, такими быть. Но, эта связь и дружба доказывает то, что пособником Блэка в стенах школы является Люпин. Старый друг, как не помочь.

Остается еще вопрос, как Блэк проник в школу незамеченным? Над этим я буду думать позже, а пока прослежу за Люпином. Скоро полнолуние, и он сто процентов в эти дни не покажется на глаза. Его счастье, что оно выпадает на выходные, и декану не придется вновь вставать на замену.

Глава 9 «Рождество, Визжащая хижина и ее обиталец»

Время до рождества пролетело незаметно. Для всех, в том числе и для меня. Уроки, задания, прогулки в Хогсмид, разрешение подписанное бабушкой Бенедикт. Гулял с Тео или один. Он мне рассказывал истории о Визжащей хижине, но посетить ее так и не осмелился. Как сказал, там нашли свое пристанище неупокоенные и буйные призраки. Я же смеялся и говорил, что визг и шум, это от гуляющего по пустым, полуразрушенным комнатам ветра. А еще пару раз я видел, как туда забегала черная собака.

Рождественские каникулы я буду проводить в школе ехать мне не к кому. Не во Францию же мне уезжать на эту неделю. Нет, это время проведу с пользой. Продолжу искать информацию об отце, а еще послежу за Люпином. На Рождественские каникулы как раз полнолуние выпадает. Так что у меня есть чем себя занять. Что касается отца. Ничего нового, кроме того, что я узнал от гоблина.

Антонин Долохов: — чистокровный волшебник из старого русского рода, явно темного. Долоховы — Берендеи, это клан волшебников-оборотней с сущностью медведя. Отец старше профессора Снейпа и Поттера с компанией. Скорее всего, родился в то же время, что и Темный Лорд, а это двадцатые или тридцатые годы.

Так же доподлинно известно все от того же гоблина, что отец верный последователь Темного Лорда, его пожиратель смерти. Больше ничего. Хотелось узнать об отце больше, хотя бы каким образом они с мамой познакомились, как жили и вообще, как так получилось, что он допустил ее смерть.

— Мистер Эмье, — отвлек меня голос профессора Люпина, — вы совсем в мысли ушли, не заметили, что темнеет, поздно уже гулять. Возвращайтесь в школу, — а я стоял у ограждения хижины и просто смотрел в пространство. А еще хотелось увидеть того пса, по возможности проследить за ним.

— Спасибо, профессор Люпин. Задумался, — улыбнулся и мне предложили пройтись. Профессор обещал меня проводить до гостиной Слизера, а я не возражал. Пусть провожает. Заодно за его действиями и поведением понаблюдаю. Скоро полнолуние, поэтому его органы чувств накалены до предела и реагируют на любой запах. А на слишком резкие, пряные, острые и терпкие особая реакция. И я решил проверить, протянул ему шоколадку с перцем. Вкусная, но есть рекомендуется с молочным коктейлем. Профессор понял, что именно в шоколаде и отпрянул, стараясь мягко отказать:

— Спасибо, Люсиан, но я откажусь. Кушайте сами, — я и откусил, жевал и наслаждался, как вкусом, так и видом профессора. И когда мы подошли к гостиной Слизера профессор оставил меня одного, сказав, что миссию свою он выполнил. Я же пожелал ему хороших снов и спокойной ночи.

Да определенно, профессор Люпин — ликан. А вот в визжащей хижине на время полнолуния его пристанище. Интересовала еще личность черного пса, который временами бежит туда и обратно. Что-то мне подсказывает, что это не просто собака. Анимэг — вполне возможно. Благодаря эссе декана, я узнал, что ликаны не нападают на волшебников, находящихся в животной форме.

Рождество подходило к концу, еще два дня и ученики вернутся, а уроки возобновятся. За

время каникул я окончательно убедился в том, что Люпин — ликан. День и вечер полнолуния, а потом и весь следующий день он не показывал носа из своей комнаты, так говорили профессора, а на деле он проводил время в Визжащей хижине. Ушел он туда с рассветом. Видел я потому что не спал. Бессонница доканала и любопытство. Поэтому я проследил за профессором вплоть до хижины, находясь под мантией невидимкой. А потом вернулся в гостиную.

— Мистер Эмье, — раздался над ухом голос декана, отвлекающего меня от книги по Иллюзиям, — позвольте узнать, что вы читаете? — показал на книгу, а профессор едва сдержал удивление, но спросил: — с чего такой интерес, Люсиан?

— Мама, Дар Иллюзий достался мне от нее, — и достал палочку из рукава рубашки, показав пару низших иллюзий, прозрачных, как Чары Патронуса, но цветных. По моей воле из коридора вышли иллюзорные Малфой со свитой, и толстяки, словно охрана. Профессор смотрел, как иллюзии растворяются, проходя через стену. Потом наколдовал того самого черного пса, пробегающего между нами. На этого пса декан весьма странно отреагировал. Казалось, он его знает. Об этом я и спросил, а декан мастерски ушел от ответа:

— Я поражен вашему уровню развития дара, Люсиан, а пса я не знаю. Определенно развитие вашего дара идет быстро, уверен, мадам и мисье Эмье помогут вам его развить.

— Я на это надеюсь, декан.

Да, определенно, профессор Снейп знает о черном псе, бегающим в Хогсмиде и живущим в Визжащей Хижине. Узнать бы и мне. Но вопрос в том, как это сделать не попавшись им всем. Пока что понаблюдаем и подождем удобного момента. Уйду с головой в учебу, а ближе к весне возобновлю наблюдения за гостями хижины. Как мне кажется, не просто так, профессор проводит там полнолуние, как и тот пес явно неспроста там обитает.

Как и планировал, забыл на время о псе и профессоре Люпине. Посвятил все это время учебе. Мы с Теодором стали почти что друзьями, приятелями точно. Он ни с кем кроме меня не общался и я кроме него никого к себе в компанию не принимал. Были попытки Драко и его свиты со мной сблизиться, точнее он посылал гонцов для переговоров. Но я его посылал, молча. Лишь отрицательно мотал головой на все приглашения блондина пообщаться.

— Ты снова ему отказал? — с улыбкой, спросил Тео.

— Не ему, Тео, а гонцу. Если Малфой хочет со мной дружить, то пусть не шлет переговорщиков и парламентаров, а приходит сам, своими ногами, лично. Я такой же наследник старого, древнего рода, как и он. Между нами нет разницы. Оба моих родителя, как и его чистокровные, в энном поколении. И при этом я не считаю себя пупом земли, как некоторые блондинистые павлины, — до блондина дошли эти слова, и больше приглашений на встречу не было. Как и его личных попыток подойти и пообщаться. А я и не настаивал. У меня других забот полно и времени на его борьбу с собой и воспитание не было.

Я таки решил навестить Хижину. Как сказал Теодору, хочу убедиться в том, что там нет никаких призраков и духов, а просто старый разваливающийся особняк. На деле же я видел, как не так давно, в ту сторону зашел профессор. А до него черный пес. Тео махнул на меня рукой, сказал, что я псих и камикадзе, не боящийся опасности. Не отрицал, есть за мной такой грешок. Еще с бытия Поттером. Иногда дурная гриффиндорская голова ногам покоя не дает. Радовало, что поддавался я на это крайне редко. Например сегодня. Но шел я с ясной головой, а не горячей. Друг же наблюдал со стороны, готовый кинуться мне на помощь.

С палочкой в руках, готовый применить что угодно, даже чары Иллюзии — переступил порог хижины. Поднимался по лестнице. Они подо мной скрипели и готовы были развалиться. Я уверен меня слышат и готовы к тому, что я приду. А я готов к тому, что увижу. Точнее кого я там увижу. А именно...

— Мистер Эмье, любопытство сгубило кошку, как говорят магглы, — сказал профессор Люпин, направляя на меня палочку, а я смотрел на того, кто за его спиной и отвечал:

— Не знал, профессор, что вы убийцей заделались, — сказал я, как мне было сказано вторым взрослым, находящимся в хижине, что есть на этот случай он, сбежавший из Азкабана убийца — Сириус Блэк. Рассмеялся и сказал: — если только в кошмарах, мистер Блэк.

— С чего такая уверенность, парень? — улыбался и светил черными, гнилыми зубами беглец, — может, я выхвачу у Люпина палочку и убью тебя Авадой? Об этом ты не подумал? — определенно, не знал бы о Блэке ничего кроме общих, доступных сведений, о его службе лорду, предательстве Поттеров и убийстве одного их друга и тринадцати магглов, то испугался бы. Просил пощады и умолял не убивать меня. Но, во-первых: — я знаю правду, не без помощи поверенного, а во-вторых: — это ни разу не было чертой моего характера. Даже когда сильно прижмет, я лучше перетерплю, но на колени не встану, умолять не буду. Так было и с Дурсями. Я голодал, сидел на воде и хлебе, взаперти, но не лил слез и не молил о помиловании. Не на того напал.

— Подумал. И вы этого не сделаете, мистер Блэк.

— Почему ты в этом так уверен, Люсиан? — спросил профессор Люпин, а я сказал то, за что хотел сам себе откусить язык:

— Если вы меня убьете, мистер Блэк, то никогда не узнаете правду о Гарри...

Глава 10 «Правда, поезд и Малфой»

— ... точнее о том, что с ним на самом деле произошло, — сказал я словив такой взгляд, думал, утону в ненависти и злости. Если бы они могли убить взглядом, как василиск, то я был бы в очередной раз мертв. И как же я рад, что Блэк и Люпин не владеют такими способностями. Но все равно пожалел о сказанных мной, с горяча словах. Только, как говорил дядя Вернон: «Сказал А говори и Б» поэтому я продолжил: — информация так сказать из первых уст, — меня втащили в комнату, прижали к стене, а я не сопротивлялся.

— Что тебе известно? Отвечай! — требовал узник, держа меня за грудки, а Люпин приставил палочку к горлу для устрашения. Честно, не испугали. Василиск и молодая версия Воландеморта на втором курсе страшнее были. Только говорить им об этом не стоит, а для вида нужно проникнуться, мол страшно и я все расскажу, только не убивайте. — Если вы помните, профессор Люпин, то боггард на первом уроке показал могилу с моими инициалами и датой жизни? — тот кивнул, а Блэк нахмурился, — так вот летом я был на грани смерти, так сказать, одной ногой в чертогах. И там встретил Гарри, — и ведь я не вру. Был в чертогах, но на пороге, а не во владениях, и да, там я встретил Гарри, весь мой рассказ чистая правда, — и пока мы ждали распределения, так сказать по отделениям, он мне многое рассказал, особенно о своей жизни. Начиная с жизни у Дурслей, магглов, родственников его мамы, до школы и приключений.

— И куда он пошел? Вернулся в мир живых или... — но так вопрос не озвучил, так как я отрицательно мотнул головой, — понятно, значит... — голос Блэк тих, с хрипами, в горле застрял ком горечи. Он отпустил мой воротник, отступил к разрушенному фортепиано и рухнул на пол, закрывая глаза, запуская пальцы в волосы и отчаянно, громко и протяжно завыв от боли и потери.

— А умер как? — спросил Люпин.

— От Авады, — следом на пол упал Люпин. А Блэк плакал и все так же громко, катаясь по полу, вырывая волосы — кричал и ругался, как на самого себя, что не досмотрел и не заметил истинный шкуры Питера, так и самого предателя Петигрю, который мастерски обвел их с Поттером и Люпином вокруг пальца. Имя рода четвертого их друга мне знакомо. Спросил у профессора Люпина, почему Блэк винит во всем их друга, почему называет предателем? Профессор был поражен моей осведомленностью об их прошлом, сказал: — я искал информацию по мистеру Блэку и вам. У меня закралось подозрение еще на Хеллоуин. Но не просто же так вы это сделали. Вас должно было что-то объединять. И я нашел ваше фото, всех четверых. А Филч подтвердил, что вы были друзьями и портили всем жизнь, — а лежащий на полу Сириус смеялся сквозь слезы:

— В том числе и твоему декану. Ему крови мы попортили, куда больше, чем Филчу, — и я не понял, он так кается или хвастается. Оказалось — кается. Сказал, что они глупыми были и заносчивыми. А потом встал с пола, и подошел ко мне, положив руку на плечо, сказав: — способный ты малый, Эмье. Что еще о Гарри знаешь? — больше ничего не сказал, а спросил про Петигрю. Он показал мне газету, в которой Рон с семьей в Египте, в его руках Кароста. Снова не понял, а Блэк пояснил: — это — Петигрю. Он — анимаг. И именно он предал Поттеров и сдал Темному Лорду дом, в котором прятались наши друзья.

— Так вы за ним в школу прибежали и его хотели схватить? Убить или аврорам сдать? — спросил у беглеца, а потом рискнул и спросил о способе проникновения в школу.

На меня смотрят, а я понимаю, что-то упускаю. Не хватает одного кусочка, чтобы собрать пазл целиком. Что же я упустил? Смотрю на Люпина, на Блэка и задаю сам себе вопрос: — Из-за кого я в хижину зашел? Ответ: — из-за пса, черного пса, ошивающегося около Хогсмида. Проводящего ночи полнолуния с профессором.

— Понял что-то? — спрашивает меня Блэк, в глазах которого и радость и слезы одновременно, а я кивнул, сказал, что понял, как именно проник в школу в ночь Хеллоуина, а так же как именно сбежал из тюрьмы и почему может спокойно проводить время с профессором в полнолуния. А вот последнее зря сказал:

— Что ты сказал? — надо мной навис профессор, а я вжал голову в плечи и ответил, что в курсе кто профессор на самом деле, меня снова спросили: — когда понял? — взгляд пристальный, когда так смотрят не можешь не ответить.

— После урока декана. Тема: «Ликаны и Анимаги. Отличия» и совпадения, которые не мог не подметить в тот день. Полнолуние, ваше отсутствие и паршивое, болезненное состояние до и на следующий день.

— Аврорат отдыхает! — падает мне на плечо в очередной раз рука Блэка. Спросил, что с крысой делать будут? Сказали, что поймать предателя не представляется возможности. Что Рон с крысюком не расстанется. Если только ловить момент, когда крыса гуляет в своем облике без хозяина поблизости.

— И чего ему не сидится на месте?

— Пока еще сидел в Азкабанае, — говорит Блэк, — кто-то из Пожирателей, находящийся в уме и рассудке, — уточняя, — Долохов или Эйвери, а может и Нотт, утверждали, что лорд в ближайшее время вернется, что метки на их руках начали темнеть и наливать цвет, а змеи шептать. Уверен, эта крыса предательская не спроста ночами по школе и ее окрестностям бродит. Что-то готовит.

Слушал слова беглеца, а в мыслях была другая идея, как схватить крысу и захватить еще один кусок лорда в кулон. Явно воскрешать лорда будут с помощью одного из осколков, по-другому никак. Значит, мне нужно найти крысу и лорда до воскрешения. Кусок в кулон, а крысу — дементорам. Но до того, как осколок окажется поглощенным кулоном, крыса мне нужна живая, а не мертвая. А еще услышал имя рода отца. Спросил у Блэка о Долохове, что имя рода такое странное. Ответил:

— Русский он. Лорд бродил по миру, собирал сторонников. Все его последователи из темно-магических семей. Наследники или лорды. Долохов как раз такой. Матерый мужик, с ним едва Грюм справился. Еле повязали в тот год.

— А как с таким матерым справились? — Люпин и Блэк переглянулись, видимо ответ не сделает чести, как им, так и Грюму. Как оказалось, аврор воспользовался женой Антонина, которая защищала их годовалого ребенка. Пригрозил пустить кровь ей и отродью, если Антонин не сдастся. Вот теперь у меня к горлу подступил ком горечи, который я никак не мог проглотить и слова нужные сказать, но пересилил: — Вот оно как? Ясно, — процедил сквозь зубы, обещая самому себе, что я найду способ и Грюм растечется вонючей лужей по полу, не знаю как, пупок надорву, но достану и отомщу за мать и отца. Плевать, поняли Люпин и Блэк причину моей злости или нет, я просто ушел, обещая не говорить о Блэке и Люпине. А крысу пусть сами ищут. Если найдут.

Вернулся к Тео злее, чем все демоны преисподней. Он спросил меня что я там увидел, сказал, что собаку, простую, бродячую, голодную собаку. А вой, как и говорил, из-за пустых, полуразрушенных комнат и сквозняка. Так что тайна визжащей хижины раскрыта. Мы с Тео

шли в гостиную. Еще немного и каникулы. А пока подготовка к годовым экзаменам. И мы с ним ушли с головой в учебу.

Пришли в себя только тогда, когда сдали последний экзамен — Трансфигурацию. Потом собирали вещи. Прощальный пир, на котором объявляли места, я прослушал, смотрел на Люпина. Жаль, но он завязал с профессорской деятельностью. Потом спать, наплевав на храп толстяков над ухом, а утром на поезд по домам. Мы с Тео договорились сесть в одном купе. Нашли свободное, положили сумки и лежа на них — спали, отсыпаясь за те напряженные дни подготовки в экзаменам. И проспали так пол пути. Пока в дверь не постучали. Я проснулся, а Тео хоть бы что. Разлепив глаза, спросил кто. Дверь открылась, а на пороге — Малфой. Один, без свиты.

— Я зайду? — шепотом спросил он, видя спящего Нотта. Показал ему жестом на свое сидение, ждал, что ему от меня надо. Дружить? Или в свиту пригласить? — Эмье, у нас с тобой не заладилось общение с первых дней, — я не отрицал, он продолжал, — я повел себя не как аристократ и будущий лорд, а как *Cul arrogant** (высокомерная задница), не спорю. На это у меня свои причины, — он не сказал, а я не настаивал. Потому что в курсе. Малфой по Поттеру страдает и скучает. По нашим соревнованиям в небе за снитч, постоянным колкостям, оскорблениям и дракам, как кулачным, так и магическим. Мы друг друга в тонусе держали, распаяя огонь в душе. А тут его запал потух, без Поттера он стал просто Малфоем. Он по-прежнему наследник рода, серебряный принц факультета, лидер, но без Поттера это уже не то, не имеет смысла.

— И что ты хочешь от меня? — он просто протянул руку, назвав имя:

— Драко Малфой, — ответил и я:

— Люсиан Эмье, — легкий кивок Драко и он вышел из купе, приглашая в гости в менор. Сказал, если надумаю — написать.

А я не знал, какие у меня планы на каникулы. Хотелось навестить бабушку и дедушку, найти могилу мамы, а еще найти того, кто расскажет мне о том дне, когда отца вынудили сдать без боя, угрожая маме и мне. И мне нужен Пожиратель, непосредственный участник событий. Так что, скорее всего я навещу Малфоев, а с ними и Тео. Ведь он из-за того, что отец в Азкабанах проводит лето или у Малфоев или у Паркинсонов. Иногда гостит у Гринграссов. Это лето проведет с Малфоями. Да, все же навещу Тео и поговорю об отце с Люциусом.

За мыслями о планах на лето прошло время, и мы приехали. Вышел из поезда, забрал багаж и шел к платформе. Там прошел в мир магглов и вызвав «Ночной Рыцарь», доехав до «Дырявого Котла», прошел через стену и шел домой — в Лютный, в квартиру, которую снимал прошлым летом. Вот и закончился мой учебный год. Осколков в кулоне стало больше. А с помощью Петигрю надеюсь получит еще один. Но, это позже, а пока просто отдыхать и спать.

Глава 11 «Патронус от Блэка и визит на Гриммо 12»

Люсиан

Лето! Жара!

А мне все равно. В Лютном переулке, не смотря на полуденное пекло — прохладно. Как и в моей комнате, которую я по-прежнему снимаю у одного старика-волшебника. Если верить его словам, он уже вторую сотню лет разменял. Полуслепой, едва передвигается по квартире, но сам за собой ухаживает и даже что-то колдует. Правда, скверный на язык и матом ругается только так, покрывая всех кого не лень. Бывало и мне доставалось, но так, ради профилактики.

Живем мы с ним мирно. Я готовлю, по дому хозяйничаю, за покупками хожу, убираюсь и белье стираю, а он меня магии учит, у него можно спокойно колдовать и надзору не попадаться. Рассказывает о Вальпургиевых Рыцарях то, что помнит. В основном о их деятельности в пятидесятых и шестидесятых. До того, как они стали Пожирателями смерти, звались именно Рыцарями. Упоминал и отца. Ничего нового о нем я не узнал, а жаль, хотелось бы.

И вот, читая очередную книгу из собрания старика, погруженный и охваченный красотой и изящностью магии луны с головой, чуть не падаю с кровати. Через стену, серебристой дымкой проникла и пробежала в комнату собака. Замерла предо мной, сев на задницу, высунув язык, заговорила голосом Блэка:

«Люсиан, здравствуй! Это — Сириус Блэк. Приглашаю тебя в гости. Адрес — Гриммо 12. Жду сегодня к ужину, к 18.00. П.С. У меня есть информация о твоём отце»

Собака растворяется серебристыми искрами на моих глазах. А я иду к старику, описываю ситуацию и спрашиваю, что это было. И как мне такому научиться. Ругани было много, особенно он поминал всяких Блэков и их манеру тревожить покой старика. Но, рассказал о способе, которым со мной связался Блэк.

— То, что ты видел, называется Патронус. Его проходят на шестом курсе. Но я тебе расскажу принцип и назначением этого заклинания. Патронус — светлое заклинание, отгоняет темных тварей и дементоров. Нужны для вызова Патронуса светлые, добрые и самые нежные воспоминания. И конечно формула, без нее не призовешь. Экспекто Патронум. Сначала вспомнил или представил, окунулся в это с головой, а потом сказал фразу. Вот когда сможешь вызывать Патронус без воспоминаний и концентрации, тогда и поговорим о передаче сообщения.

— Спасибо, Федерик, — сказал и покинул комнату старика, уходя к себе.

До ужина с Блэком еще несколько часов, успею дочитать главу о Лунных Чарах и даже кое-что проверить и применить. Использовал легкие чары «Россыпь». Это своего рода песок в глаза противнику. Короткая фраза на латыни *harenae* (песчинки) и в глазах противника мелькают вспышки, переливаясь яркими цветами. Есть еще одни чары «Лунный удар». Фраза так же на латыни *asteriscis* (звездочки) и у противника, как от удара по голове все кружит перед глазами, и мелькают звездочки. В прямом смысле этого слова. Как в маггловских мультиках.

— Время, — смотрю на часы и понимаю — пора.

Отложив книгу, переодевшись в легкие джинсы, кеды и рубашку с коротким рукавом, заделав половину волос в хвост, вторую оставив распущенными, спрятав под рубашку кулон

— шел к камину старика. Палочку держал за поясом джинсов. Назвал адрес, кинув летучий порошок, переступил камин Блэка. Меня встречал не только он, но и профессор Люпин. Меня пригласили к столу, но от ужина я отказался. Есть мне не хотелось, зато узнать то, чем меня и подкупили — очень даже.

— Вы сказали об отце. Что вам о нем известно? — спросил я Блэка. Они с Люпином переглянулись и пригласили к камину, просто выпить чаю. За чаем беседа быстрее и проще пройдет. Не отказывался присесть, даже от чая. Но о вопросе не забыл. Напомнил, а Люпин рассказывал:

— Люсиан, мы с Сириусом долго искали информацию через твою мать, обили все пороги издательства «Пророка», но нашли лишь то, кем он был и на кого работал. Больше информации по твоему отцу нам выяснить не удалось.

— Мне жаль, парень, но твой отец — Пожиратель Смерти. За Жюли Эмье, по наблюдениям ее коллег и соседей в то время ухаживал лишь один волшебник. Его нам подробно описали, кто-то даже зарисовать смог. И это — Антонин Долохов. Верный сторонник Темного Лорда.

— Мы хотели помочь найти тебе отца или хотя бы информацию о нем, в благодарность за то, что не раскрыл меня и Сириуса не сдал дементорам, а только расстроили.

— Нет, не расстроили, — отмахнулся.

— Ты в курсе? — насторожился Люпин, переглядываясь с Блэком. Они или уже успели меня в чем-то им одним известным обвинить или просто поразились спокойствию и пофигизму к информации об отце — Пожирателе Смерти. А я говорил заготовленную заранее речь:

— Недавно узнал. Все то, что я мог высказать уже давно высказано и ни раз. Так что я сижу перед вами спокойным и невозмутимым именно поэтому. Вот если бы он был на свободе, и у меня появилась возможность повторить все в лицо — другое дело. Или Патронус ему в Азкабан прислать и таким способом высказать все, что я о нем думаю — был бы просто счастлив. А так, плевать мне на него с башни Астрономии. Есть и есть. Сидит он в Азкабане и пусть дальше сидит, — говорил, а сам думал, что если бы он выбрался из Азкабана, то я высказался бы. Может, речевыми оборотами старика воспользовался. А вот насчет того, что мне плевать на его свободу и заключение — не правда, говорил я это для них, чтобы поверили и не подозревали.

Сам же хочу быть рядом хоть с одним из родителей. Плевать на то, что отец — Пожиратель. Он мой отец. И да, лорд не возродиться, а Пожиратели или Рыцари, не важно, канут в лето. Так что тема с лордом и служением ему будет не актуальна. И конечно, мечтаю и жажду отомстить Грюму за мать и приставленную к ее горлу палочку. Стоять с отцом спиной к спине и вдавливать бывшего аврора в асфальт, раскатывать его тонким слоем, применяя самые жестокие, темные и болезненные проклятия. Чтобы он кровью харкал.

— Это не все новости, которые мы с тобой хотели обсудить, — переглянулись Сириус и Римус. А я сидел и смотрел на них, в ожидании чуда. Как оказалось: — кто-то устроил Пожирателям побег из Азкабана. Думают на меня, а я склоняюсь к Питеру. Он, по приказу лорда наведалься в Азкабан, возможно, кого-то из оставшихся на воле Пожирателей взял и разнес этаж с заключенными в хлам.

— Сбежали все боевые волшебники, в том числе и твой отец, — эх, их передернуло от моей улыбки. Подумали, что я буду его искать с целью: врезать, наорать и претензии предъявить за то, что мать не защитил и тому подобное. Но у меня были совершенно другие

мысли. Их я озвучивать не собирался, но сказал для успокоения их души:

— Я не буду искать с ним встречи специально. Встречу — выскажу, нет — Патронус пришло, когда научусь. Не переживайте, мистер Блэк, мистер Люпин. Я готовлюсь к следующему учебному году, читаю, домашнее задание делаю. У меня нет времени на отца и разборки с ним.

— Мы рады, Люсиан, что ты слышишь голос разума, — меня вели к камину, чтобы проводить, как я услышал чье-то бормотание. Похоже на старческое брюзжание Федерика, когда он чем-то недоволен, а высказать этого кроме как самому себе не может. А иногда в голосе старика мелькали скрипучие, как несмазанные петли нотки. Уши режет. Так и этот брюзга, что-то говорит, ворчит себе под нос, что-то далекое вспоминает, кого-то ругает и костерит, а потом резко затыкается, стоит Блэку сказать фразу: — Кикимер, замолчи, коряга ворчливая! — эльф говорит уходя: «Хозяюшка, была бы жива моя хозяйюшка...», его голос стих.

Казалось, его больше нет в доме, а вот кулон, висящий на шее под рубашкой, наоборот дал о себе знать, резко понизил температуру, становясь холодным. Думал, кожа примерзнет, как язык или губы к железке, если их прислонить. Активность артефакта значит одно — осколок лордовой души рядом. И эльф как-то с этим связан. Или знает об осколке или им владеет. Узнаю, позже, а пока домой.

Рассказать старику о разговоре с Блэком и Люпином. Тот сказал, что они не просто так мне об этом рассказали. Возможно, с моей помощью они планируют найти отца, а с ним и всех беглецов. Или использовать меня, чтобы его выманить. Как Грюм использовал маму, угрожая убить ее, если отец не сдастся. Не отрицал такой возможности. Но ловить отца и всех Пожирателей за свой счет не собирался. У меня на это лето другие планы и одна важная цель: — найти Петигрю, а ним и осколок души, поглотить его и жить еще год спокойно. А отца увижу по ходу дела.

Глава 12 «Петигрю, осколок и отец»

Вот уже две недели, как я пытаюсь призвать телесный Патронус. У меня ничего, кроме серебристого облачка не выходит. И старик, как назло, отказывается помогать. Только и говорит: «Твои воспоминания должны быть светлыми и счастливыми. А раз не получается, значит, в них не хватает света и счастья». А откуда у меня свет и счастье, если в моей жизни ничего светлого нет.

В прошлой жизни исключительно Дурсли и их «внимание», потом школа и опять же, ничего особенного. Да, магия и волшебство, чудеса и сказка. Но вот хрен с маслом. Не вызывается и все. Перепробовал множество моментов, от встреч с Хагридом и новостью, что я — волшебник, до полета на машине мистера Уизли. Даже дружба с Роном и Гермионой, как и наши приключения не помогают его, этот чертов Патронус вызвать.

Так что я пока бросил эту затею и уделил время кулону. Поглотить тот осколок, который хранит эльф Блэков или располагает информацией о его нахождении — успею. Мне нужно как можно скорее поглотить тот осколок, который у Петигрю. С помощью того осколка он и возродит лорда. Ведь не зря устроили побег Пожирателям. Что-то намечается. И весьма не доброе. Поэтому нужно действовать как можно скорее и на корню зарубить воскрешение Воландеморта. Сперва настроиться. Сесть в нужную позу, спиной к подушке, ноги скрещены, спина прямая, в пальцах зажат кулон. Короткий приказ найти осколок и волшебника рядом и вот мне уже скидывают координаты. Проблема в том, что я не умею аппарировать. И просить некого. Если только...

— Кикимер! — мой крик на авось и вот, хлопок аппарации и передо мной стоит эльф. Смотрит на меня и казалось, даже принохивается. А когда признал во мне кого-то или унюхал что-то, поклонился и сказал:

— Что угодно чистокровному наследнику двух старых родов от Кикимера? — не стал откладывать на потом, а решил сразу узнать у эльфа на счет осколка души лорда. Раз появилась такая возможность, грех не воспользоваться.

— Два вопроса. Первый: — располагаешь ли ты неким предметом, в котором заключена часть души темного лорда? Или же знаешь, где она находится? — показал на кулон, — в нем уже два куска души, они среагировал на тебя, или на то, что у тебя, — эльф упал на колени и стучал головой о пол, говоря:

— Все так, чистокровный наследник, все так. У старого Кикимера и правда есть предмет с темной магией темного волшебника. Кикимеру отдал эту вещь хозяин Регулус, просил уничтожить, а Кикимер не смог. Хозяин Регулус зря отдал свою жизнь, чтобы добыть этот предмет, — каждое слово и удар лбом о пол. Свои уши эльф выкручивал и того гляди готов был их оторвать. Я же сказал:

— У тебя будет возможность выполнить волю мистера Регулуса. Кулон поглотит кусок души лорда, и таким образом будет уничтожен. Но в следующем году. В этом году я хочу дать поглотить кулону другой кусок, которым собираются воскресить лорда.

— Молодой хозяин Регулус был бы против этого. Он ушел с пути служения лорду, когда узнал о нем правду, — спросил, какую, эльф ответил: — лорд испугался Высшего Брата — Смерти. Он искал способ оставаться живым, даже после Авады. И он его нашел. Хозяин Регулус был бы и дальше верен лорду, не разломай тот душу на несколько частей. — Ясно. С этим разобрались. Кусок поглотим, волю Регулуса исполним. И второй вопрос к тебе,

Кикимер. Перенесешь меня по определенным координатам? Там находится нужный мне осколок. Сам я пока не умею.

— Чистокровный наследник может положиться на старого Кикимера. Молодой наследник поможет старому Кикимеру выполнить волю хозяина Регулуса, а старый Кикимер поможет чистокровному наследнику добыть еще один кусок души темного волшебника.

Вот и решена проблема с перемещениями. Этот год у меня есть помощник. Показал эльфу координаты, он сказал что это недалеко. Готов был меня прямо сейчас и перенести. Я не возражал. Палочка за поясом джинсов, кулон в руке, другая рука протянута эльфу. И мы аппарировали. Оказались у какого-то полуразвалившегося дома. В нос бьет запах старости и сырости. А еще слышу шипение змей. И они недовольны визитом незваного гостя. Готовы передать сообщение хозяину дома, как я сказал:

— *Я его сторонник, сын его верного последователя.*

— *Проходи, сторонник,* — шипении прекратилось и дверь передо мной открылась. Эльфа я отпустил, сказал, домой меня вернут другие волшебники. Эльф поклонился и исчез. А я шел в дом. Там, у едва теплящегося камина сидело нечто, отдаленно напоминавшее человека. А рядом с ним мельтешил Петигрю. За углом же меня поджидала змея. Я шел медленно, едва слышно. Шепотом считая удары своего сердца. А в голове зрел план, как все проверить и не быть заваженным на месте. Ведь меня уже заметили.

— Кто ты? — спросил Петигрю, направляя на меня палочку, — как сюда попал?

— Люсиан Эмье, — легкий поклон и я продолжаю двигаться к лорду. Кулон казалось примерз к моим пальцам, больно, — я сын Жюли Эмье и Антонина Долохова, вашего милорд, верного последователя, — еще один поклон.

— Ах, какая прелесть! — восторженно хрипел голос существа, — пошел по стопам отца, похвально, похвально, юноша! — он говорил, а я был уже близко. Мне осталось только протянуть руку и коснуться кулоном любой части его тела. И когда лорд протянул мне свою руку, чтобы я его поприветствовал и поклялся в верности, как отец когда-то. Я наклонился, и коснулся рукой его руки, в которой был зажат кулон. Тут же при соприкосновении это нечто с диким и громким воплем всосалось в кулон, становясь его частью. Артефакт заметно потяжелел и нагрелся. Переваривает осколок и сливает с остальными.

— Авада... — хотел было сказать Петигрю, как я остановил, показав на кулон:

— Стоп! Мистер Петигрю, дай объясниться. Этот кулон поможет лорду возродиться еще могущественнее, чем прежде, с целой душой и поддержкой Смерти — Темный Лорд станет непобедимым. Именно Смерть дал его мне. Артефакт рода Певерелл.

— А ты? Кто ты?

— Как и говорил, я — сын Долохова. И я хотел бы увидеть отца. *И леди, не облизывайтесь на мою ногу. Я сказал правду,* — сказал змее, она от меня отползла, уползая в тень. А Петигрю протянул мне руку, сказав:

— Если ты меня обманул, мальчик, то моя Авада покажется тебе избавлением. Получишь столько Круцио от Пожирателей Смерти, что об Аваде молить будешь. Если сможешь, — моя рука в его руке и мы аппарлируем. Оказались снова в Лютном. Родной переулочек. И кажется, недалеко от квартиры и старика Федерика. На вопрос, чей это дом, Петигрю ответил: — это дом Бартемиуса Крауча-младшего. Именно он устроил побег, я же был все это время при лорде. Заботился о нем, готовился к его воскрешению.

— Понятно. А можно мне с отцом наедине поговорить? Не хочу других беспокоить, — Петигрю сказал мне ждать его на улице. Я и ждал. Заодно продумывая все, что буду

рассказывать отцу, чтобы потом он пересказал это другим Пожирателям. Легенду о том, что я выполняю волю Смерти и собираю все осколки души, чтобы воскресить лорда еще могущественнее прежнего — проканала. С Петигрю точно. Надеюсь, прокатит и с остальными. И пока думал над всей мешаниной, как в голове, так и в ситуации, вышел Петигрю, а следом за ним — отец. Он не спрашивая моего имени и не требуя показать проверку крови — подошел и сжал меня в своих медвежьих объятиях.

— Истинно Берендей! — прошептал я, так как на полноценный голос воздуха не было. Отец меня тут же отпустил и рассматривал по-другому. Держа шершавыми, мозолистыми ладонями мое лицо смотрел в глаза, поглаживал большими пальцами по щекам и бровям, говоря:

— Жюли, моя Жюли, — а потом снова прижал, но не как медведь, а аккуратнее, говоря, — ты так на нее похож, на мою Жюли. Истинно наш сын. Люсиан, Люси, это было желанием Жюли так тебя назвать. У меня бы фантазии не хватило. Да и французских имен я знаю мало.

— Отец, я рад, что ты не в Азкабанах, но вас будут искать, — говорю ему, а он не спорит, говорит, что лорд в ближайшее время возродится и тогда им не придется прятаться. Огорчил, сказав: — отец, лорд в этом году, как и в следующем не возродится.

— Почему? — нахмурился отец.

— Вот, — показал на кулон, говоря, — это — ловец душ. У меня приказ от Смерти собрать все куски души лорда, чтобы воскресить его настоящим, полноценным, а не частичным и неполным. Душа лорда была разделена, как и его мощь. Если лорд воскреснет с помощью одного из осколков, то это будет не лорд, а его жалкая копия, с воспоминаниями, знаниями и частичной магией.

— А кулон, когда ты соберешь все осколки души милорд, вернет нам прежнего Темного Лорда? — задумался отец, а я не отрицал, он продолжал: — да, по мне так будет правильно. Вернуть его с целой душой, а не с огрызком. Ответь на вопрос, когда ты умудрился Смерть встретить?

— На втором курсе школы. Я все тебе расскажу, но в следующий раз. Пока что мне нужно домой. Скоро в школу, готовиться надо. И да, есть вероятность, что меня могут использовать, чтобы выманить тебя.

— Кто?

— Блэк и Люпин. Опять же, это долгая история. Ее нужно не на ходу рассказывать, а в тихой, домашней обстановке. Как окрепнешь, то приходи к старику Федерику, я у него комнату снимаю, по хозяйству помогаю, а он меня магии учит, — старика Федерика отец знал, и обещал меня навестить в следующий раз. А пока просто довел до дома.

Еще раз на прощание прижал к себе и сказал, что он рад со мной познакомиться и видеть во мне ту, кому отдал свое сердце и душу. От этих слов все мои претензии и выражение старика просто испарились. Ругаться на отца, когда на тебя смотришь с обожанием, а с нежностью и любовью в глазах вспоминают мать — не выходит.

Часть 13 «Письмо, Косая Аллея и Малфои»

С того дня, как я скормил кулону еще один кусок души и встретился с отцом — прошли две недели. Это время я снова посвятил Патронусу, но так и не смог его призвать. Ничего кроме облачка у меня не выходило. Я пробовал использовать даже воспоминания о нашей с отцом встрече и его взгляд, когда он вспоминает маму и с какой теплотой смотрит на меня. Не помогло.

Плюнул и снова ушел в Лунную магию. И немного времени уделил Иллюзиям. Не заметил, как подошло время к покупкам и вот оно долгожданное письмо с прилагающимся списком книг. Жалел, что у меня нет совы, но у меня есть камин, точнее он есть у Федерика, а я им пользуюсь. Написал письмо Драко, предлагая встретиться на Косой Аллее, если он еще не ходил за покупками к школе. Всего пара строк и привет Теодору. А через несколько минут ответ, так же, через камин:

«Здравствуй, Люсиан!»

Нет, за покупками я еще не ходил. Если не против, то можем встретиться и пройтись по магазинам вместе. Мы отправимся на Косую Аллею завтра, после полудня. Теодор к нам присоединиться. Встретимся у книжного.

П.С. Отец и матушка хотят с тобой познакомиться»

Я было не против пообщаться с лордом Малфоем и леди Нарциссой. Не смотря на наше с Люциусом общение в прошлой жизни, хотелось увидеть разницу между разговором с Героем и сыном сторонника. Уверен, отец уже пересказал всем Пожирателям, в том числе и Люциусу о моей миссии от Смерти. А раз так, то Люциус будет ко мне благосклонен, надеюсь на это. И леди Малфой, о ней я знаю мало. Лишь то, что она урожденная Блэк, младшая из трех сестер, не более.

Время до встречи я посвятил урокам и Чарам Иллюзий. Колдуя несколько иллюзий одновременно. Мог призвать уже три разом. Не большие. Например, последняя моя Иллюзия — это кошка сидящая на дереве, и собака под деревом, гавкающая на кошку. Пока без звука. Лишь немое кино. Длиться иллюзия от силы минуту, а потом я около часа лежу без сил. Это пока что мой предел. Но, как говорит Федерик — уже неплохо. Из его уст — это похвала.

И вот, следующий день и встреча с Малфоями на Косой Аллее. Мне только из дома выйти, по переулку пройтись, за угол повернуть и я буду на Косой Аллее. А там, у книжного вижу три блондинистые макушки и одну темную, принадлежащую Нотту. Иду к ним и первым делом:

— Здравствуйте, лорд Малфой, — поздоровался с мужчиной и отметил, что он ни капли не изменился. Все такой же, каким я его помню по второму курсу. Ухоженный, элегантный, слегка надменный и каплю высокомерный. Как и положено аристократам его воспитания. Протянул руку для пожатия и получил ответ, — леди Малфой, — коснулся легким поцелуем ее руки, рассматривая женщину. Как и говорил мне Федерик, она — красива и изящна, как цветок. Не зря носит свое имя и статус одной из красивейших женщины в магической Британии. Потом протянул руку другу: — и тебе Драко, здравствуй, — пожал руку парня и сказал Теодору, — привет, Теодор, — руку мне пожал, но вид имел кислый и хмурый, спросил: — что случилось? — ничего не сказал, просто отрицательно мотнул головой, мол, потом скажет.

А я шел с Малфоями и Тео внутрь книжного магазина. Там, прошлись по списку,

удивились лишь раз. На книге по ЗОТИ. По словам леди Нарциссы, этот автор был актуален во времена их с лордом Малфоем обучения. Возможно, профессором станет кто-то из того времени или просто волшебник старой закалки. Взяли все необходимое и шли к кассе. А там все Уизли и Гермиона. Мы делали вид, что их не видим и нам их присутствие не мешает, а вот они наоборот активизировались, особенно видя нас с Тео в компании Малфоя. Говорили, вроде не на всю лавку, а шепотом, но слышно многим, особенно нам:

— В полку Псов прибыло, — смотрит на меня, — еще подросток, а уже видно будущее, — я не понял с чего это такие слова в мой адрес, и с какой радости меня уже в Псы записали, как оказалось: — как не прикрывайся именем рода матери, род отца всплывет наружу, — говорила миссис Уизли. А Рон и Гермиона, да и Джинни с близнецами прожигали меня ненавистным взглядом. А вот лорд Малфой был крайне удивлен. Я же был уверен в том, что отец уже рассказал ему и остальным, как обо мне, так и о моей миссии. Ан нет. Не рассказал. Пришлось для лорда Малфоя еще раз представиться: — Я — Люсиан Жюли Эмье. Матушка: — Жюли Бенедикт Эмье, отец: — Долохов Антонин Романович, — легкий поклон и шок у стоящих рядом невольных слушателей, я же продолжал: — о том, что я сын Долохова узнал недавно, летом, — вру, но так надо. для жизни и здоровья полезнее. Увы, мой ответ не устроил Уизли, они не верили, сказал: — а я и не нуждаюсь в вашей вере, миссис Уизли. Кому надо, те поверят, а кому не надо, на тех плевать.

— Ах ты! — возмутилась было Молли, как Рон и Гермиона ее от меня оттащили, сказав, что быть сыном Пожирателя смерти не значит быть таким же Пожирателем, как он, и даже то, что я учусь на зеленом факультете не делает меня последователем лорда. За это я был им благодарен, но, видя взгляд, в котором читался негатив и холодность, я понимал — со мной не то, что дружить, взглядами обмениваться не станут. Раз я отпрыск Пожирателя, для них меня отныне нет. Отныне мы по разные стороны баррикад. Жаль, но ничего не попишешь.

— Я — Эмье, а не Долохов, даже письмо пришло на имя этого рода. И да, будь я Долоховым, судить ребенка по отцу и его поступкам — не делает чести взрослым, продвигающим светлый путь. Дети за родителей ответственности не несут. Лишь за себя и свои поступки.

— Хорошие слова, Люсиан, — говорит леди Нарцисса. Ее рука ложится на мое плечо, сжимая и поддерживая, а голос, словно соловьиная песня, услада ушам. Тон и интонация, как мед для медведя, сладко, тягуче. Леди смотрит на Молли и говорит: — миссис Уизли, если у вас есть доказательства служения Люсиана лорду — предоставьте, нет — не судите, да не судимы будете, — улыбка леди охладила пыл Молли. От нас отстали и мы могли спокойно приобрести книги.

Вышли из книжной лавки с покупками, направляясь за мантиями и далее по списку. А по пути меня просили посвятить лорда и леди Малфой, да и парней заодно в тайну семьи Долохова и Эмье. Не стал скрывать и все рассказал, даже то, что узнал от Блэка и Люпина. Леди была поражена и зла на Грюма, его способ не делает чести аврору. А использовать женщину, защищающую ребенка, как заложницу — мерзко и гадко.

Но авроры не чураются применять разные способы, чтобы поймать или выманить преступников. А Пожиратели для них такие же преступники, как и все остальные. И не важно, что большинство из них наследники старых, аристократических родов. На воспитании и манерах были подстроены многие ловушки. Так же и попался отец Теодора. Не смог оставить без поддержки друга, и вместе с ним был загнан в ловушку и схвачен.

— Люсиан, не обращайтесь внимания на таких, как Уизли. Их разум и речи пропитаны

лимонным мармеладом, как и у их главы — Дамблдора. Сами они могут так не думать, но как его последователи — обязаны, — говорит леди Малфой, — даже Сириус и тот повелся на его слова. А потом поплатился. Как и его друг Люпин. Да и все те, кто верен Альбусу — долго не живут, а те, кто живы — несчастны.

— Оно и видно, — говорю я, имея в виду Уизли, — дементор с ними. Лорд Малфой, вы были удивлены тому, что я сын Долохова. А разве вы с ними не виделись? — тот был удивлен моей осведомленности, пришлось раскрыть одну из карт, — я с ним виделся, не так давно. Потрепанный, уставший и осунувшийся.

— Нет, я с беглецами не виделся. Ждал, когда Петигрю воскресит лорда, но тот сказал, что есть некие обстоятельства и лорд вернется к нам через несколько лет, когда заручится поддержкой Смерти. Большого о лорде я не знаю. А вы? И как вы нашли Антонина?

— Помог один эльф, который задолжал мне услугу, — я не говорил лжи, только правду, опуская некоторые подробности, — я попросил его меня перенести к ближайшему последователю темного лорда и он перенес меня к Петигрю. Я сказал ему кто я такой, чей сын и попросил егостроить встречу. Он не отказал и я увидел отца. Ему даже доказывать ничего не нужно было, — Драко и Тео смотрели на меня, внимательно слушая, а леди сказала:

— Значит, Антонин увидел в вас вашу матушку, — рука леди потянулась к моей щеке, заправляя за ухо выбившуюся прядь. Леди говорила то, что и отец: — родному, любящему сердцу не нужны слова и доказательства, достаточно посмотреть и увидеть, — улыбка и касание теплых пальцев. Драко счастливчик, у него есть мать и отец, они рядом, их не разделяет закон и межмировая грань. Шепнул другу:

— Драко, дорожи ими. Остальное — неважно, только родители, которые рядом и любят тебя, — он кивнул, а Тео еще сильнее поник. Не выдержал, оттащил его от нашей компании, спрашивая, точнее требуя: — Тео, говори! Вижу, тебе выговориться надо. Я слушаю.

— Отец! — шепот друга, — он не удосужился мне даже строчки написать. Не говорю уже о том, чтобы увидеться. Ему на меня наплевать, — со злостью, сквозь зубы процедил Тео. А я предположил, что возможно, он не важно себя чувствует и не может элементарно перо держать. Все-таки Азкабан — не курорт, здоровье гробит только так, а его отец далеко не молод.

— Ты об этом не подумал? — парень в шоке, злость отошла, на смену пришло переживание и волнение за родителя, — Тео, я попробую написать отцу, или наконец-то призвать Патронус, и спросить о мистере Нотте. Если он мне ответит, то я тут же сообщу тебе. А еще мы с ним хотели перед школой увидеться и пообщаться. Поделиться воспоминаниями, так сказать.

— Буду тебе благодарен, Люсиан, — не выдержал и прижал меня к себе, а потом, когда отпустил, шепотом добавил: — а из-за Уизли и Грейнджер не переживай. И сделай так, как они — оплакивай. Они потеряли тебя, ты их. Они не примут тебя отпрыском Долохова, даже если узнают, кем ты был до этого, — я в ступоре, а Нотт, зараза такая больше ничего не сказал. Но и этого мне вполне хватило. Спросил, с чего он мне это сказал, ответил: — у меня феноменальная память, на лица, жесты, движения, мимику, пластику, даже на манеру держать перо или палочку. Мне хватило того года, чтобы начать подозревать тебя. Думать, кто ты такой, Люсиан. Точнее кем ты был до прошлого года. А сегодня, в книжном, я убедился в этом окончательно. И я не требую от тебя рассказ и признание. Просто подожду, когда ты сам мне все расскажешь.

— Когда-нибудь, — задумчиво ответил.

— Я не тороплюсь. И да, спасибо за отца и поддержку, — мы с Тео вернулись к Малфоям. Нас не пытали относительно темы разговора, а просто повели по списку дальше. А когда список закончился, мы разошлись.

На прощание леди Малфой коснулась моего плеча, сказала, что рада познакомиться с другом Драко. Люциус прощался до первого сентября и платформы, как и Драко с Тео. Я пошел по Аллее, завернул в Лютный и шел домой. Надеялся за оставшееся время найти воспоминание, призывающее Патронус. Готов был даже с помощью заветной мечты его призвать. Лишь бы удалось.

Часть 14 «Разговор с отцом, Патронус, поезд и профессор ЗОТИ»

За неделю до школы меня навестил отец. Пришел он к Федерику простым способом, не пользуясь камином. Просто постучав в дверь. Открыл я и замер. А отец зашел и снова прижал меня к себе в медвежьем захвате. И выглядел он намного лучше прежнего. Гладковыбритый, причесанный, не в робу тюремную одет, а в рубашку, брюки и какой-то камзол, с пуговицами на манжетах и груди, вся одежда в черных тонах. Профессора Снейпа мне напомнил. Прошел, заглянул поздороваться с Федериком, а тот сказал:

— Долохов, зараза ты русская, как же давно ты меня не навещал. Совсем забыл старика, — на что отец отшутился: — Как я мог, Федор, как мог! — наиграно возмущался отец, — ради того, чтобы навесить старика даже из Азкабана сбежал! А ты говоришь, что я забыл! — оба рассмеялись, а потом отец, став серьезным, поблагодарил: — Спасибо тебе, Федор, за сына, за то, что приютил и под крыло взял, — пожимая руку, хлопая старика по плечу, говорит отец. А старик сказал, что это меня надо благодарить, что я терплю его ворчания, сквернословия и брюзжания. А еще за помощь, которую старику оказываю. Сказал, что терпение у меня ангельское, другой давно бы послал, но не я. И послал нас в мою комнату, мол, там общайтесь и не мешайте старику отдыхать. И мы ушли ко мне в комнату.

Рассказал отцу все, как есть, ничего не скрывая. Сначала и до конца. С письма и Хагрида, заканчивая недавним визитом на Гриммо к Блэку. Тяжелее всех мне дался рассказ о моей прошлой жизни, до смерти, когда я был Гарри Поттером. Отец был шокирован не навешанной на меня чужой личности, а рассказом о том, что я был на той стороне и видел самого Гарри, его душу. И конечно миссия Смерти так же вызвала у отца ступор и недоумение. Сказать ему на эту тему было нечего. Только то, что раз мне доверили собрать душу лорда, то так тому и быть.

Потом рассказывал он. О их с мамой прошлом. О том, как они познакомились. Необычная и романтическая история. Мама и отец любили одно место — кофейню. По словам отца, кофе там самое лучше в квартале. А день встречи — утро. Мама бежала в офис «Пророка», а отец зашел в кофейню по привычке. И так получилось, что зашли они в одно время и оказались в одном месте. Столиков пустых не было. Пить горячий кофе на ходу — не то. А свободное место лишь рядом с отцом. Мама, как и все посетители была в курсе, кто сидел в самом дальнем углу, с чашкой черного, без сахара кофе, смотря в окно на проходящих мимо прохожих. Выбора, кроме как составить компанию отцу у нее не было. Вот и оказались они сидящими друг напротив друга.

— Любовь с первого взгляда? — спросил отца.

— Нет, — говорит, — с первого Круцио, — мне было интересно, что он имел в виду, оказалось: — я тогда попал к лорду в немилость. Мне не удалось полностью выполнить одно из его заданий. И я был изрядно наказан Круцио. У лорда они болезненные. В сто крат обжигающее, чем у того же Грюма или у Беллатрикс. И я в таком поганом состоянии шел в кофейню. А там твоя мама. Она замученная и сонная пила третью кружку, а сидела на моем любимом месте. И я присоединился к ней. Между нами завязался разговор. И казалось, рядом с ней боль от пыточного отступала. Ее усталость и сонливость проходила. Мы смеялись, потом я проводил ее до дома, а потом, каждый день или через день мы

пересекались в кофейне и сидели просто так, рядом.

— Первое свидание когда было?

— Через три недели после Круцио. А свадьба через два месяца. Потом Жюли забеременела тобой. А когда родила тебя, я готов был летать от счастья. Этот год с тобой и Жюли был самый лучший в моей жизни. Думал, стану как Малфой с родовым менором, обзаведусь семьей. Жена есть, и ты родился. Уже и домик присмотрел и эльфов домовых, а потом новость, как гром, среди ясного неба: "Лорда не стало!", а авроры устраивали облаву за облавой. Ловили нас, используя грязные, подлые методы. Зачистка не обошла стороной и нас с Жюли. Дальше ты знаешь. Тринадцать лет в Азкабана и побег. И вот, я тут, рядом с тобой.

— Рядом, — улыбаясь, ответил, а шепотом добавил: — лишь мамы с нами нет.

— За Жюли мы с Грюма спросим. Три шкуры с него спустим! Встану на ноги, наберу прежнюю магическую мощь и меня никакая сила, чистая или нечистая не остановит, раскатаю его в кровавую кашу. А тебе, если понадобится помощь — обращайся.

— Как?

— Патронус? — сказал, что не выходит. Пробовал призвать телесную форму все лето, перебрал всевозможные варианты воспоминаний и все без толку. Тогда отец сказал, что я могу пользоваться не только прожитыми воспоминаниями, но и создать их, в своем разуме. Например, как мы с ним, плечом к плечу будем стоять и Грюма с асфальтом ровнять. Эти мысли во мне вызывали улыбку. А отец предложил попробовать зацепить этот момент и ощущения и поверить. Достал палочку, закрыл глаза, окунаясь в эти мысли и живя этим желанием, произнес:

— Экспекто Патронум! — из палочки вырвался сгусток серебристого цвета, окутывая комнату, он начал принимать форму и ей стал:

— Журавль... Жюли... — шепотом сказал отец, наблюдая за летающей под потолком птицей, — у тебя такой же Патронус, как и у нее. Ты — это она, — прижимая меня к груди и целуя в макушку, говорит отец. Журавль растворился серебристой дымкой, а я все так же сидел в его объятиях. Лишь раз за это время я нарушил тишину, спросил о мистере Нотте, как он и что с ним. Сказал, что плохо, здоровье его подорвано и силы практически на нуле. Ему предстоит реабилитационный период, отец и Крауч-младший обещали сделать все возможное, чтобы поставить мистера Нотта на ноги. Был ему и Краучу за это благодарен.

Отец ушел поздно вечером. Пожелал мне хорошего года и просил хотя бы раз в неделю присылать ему Патронус. Пообещал и снова ушел с головой в книги и уроки. А через неделю — первое сентября. На платформе, у поезда, нашел Малфоя и Нотта, обменялся рукопожатиями с лордом и леди Малфой, и мы с друзьями зашли в поезд в поисках купе. А там разговоры о каникулах, а еще я передал Тео слова отца о состоянии мистера Нотта. Он так же, как и я был благодарен отцу и Краучу за то, что помогают его отцу встать на ноги.

За разговорами прошло время, а уже подъехали к станции «Хогсמיד». Мы с парнями переоделись, взяли вещи и шли к выходу. Первогодок, как всегда встречал Хагрид. Он рассадил их по лодкам, а мы шли к каретам. По пути видел недовольные и мрачные лица бывших друзей. Все так, как и сказал Тео. Даже если они у знают о том, что я был Поттером, меня не примут. Для них я — Долохов, а то, что имя рода у меня мамино — не волнует.

Плюнул на все и всех, шел с Драко и Тео к дверям Большого зала. Их перед нами открыли, и мы шли к столу, а по пути я смотрел на профессорский стол. Лишь кивком головы поприветствовал декана, хмыкнул на встречный взгляд директора, а на остальных не

посмотрел. Подойдя к столу, слышал разговор старших, особенно возмущался Маркус, говоря:

— Это же надо было, бывшего аврора профессором назначить! И кого? Ненавистника темных родов, яркого фанатика директора и его взглядов. Волшебника, прикрывающегося светлыми помыслами и поступками, но готового применить любые меры и способы, не важно кровавые они или нет, лишь бы добиться желаемого результата, — и это определение мне напоминали слова отца и Федерика. Спросил кто. Как оказалось: — Грюм, — а я так улыбнулся, пиранья позавидует. На вопрос Маркуса, почему я так красочно улыбаюсь, ответил:

— Недолго профессору Грюму небо коптить осталось, — шепотом, но этот шепот хуже крика. Прониклись все, а я пояснил, — месть Долоховых будет кровавой, за то, что угрожал маме, которая защищала меня, сидящего в колыбели — он ответит. Отец раскатает его тонким слоем, как масло по тосту.

— Отец!?! Ты — Долохов? — спросил капитан, я кивнул.

Флинт и слизеринцы от откровений шарахнулись, а когда отошли от новости, стали упрекать, что молчал и не говорил об отце. Сказал, что сам узнал летом. И даже виделся с отцом. От откровений одноклассники пребывали в ступоре, но окончательно приняли, стали считать частью Серпентария. А не просто чистокровным потомком старого рода. А пир, пока мы обсуждали моего родителя уже закончился. И как оказалось, мы прослушали то, что в этом году состоится Турнир трех волшебников, следовательно квиддич отменяется. Но, Маркус сказал, что отменить могут игры, а тренировки никто не отменял и еще:

— Люсиан, тебя это тоже касается!

— С какого? Я в команду не вхожу!

— На свое место буду тебя тренировать. Этот год для меня последний. капитаном будет Малфой, — блондин на этих словах пытался высказаться против, но слова капитана: — не обсуждается, — и Драко буркнул: «ладно». А капитан был доволен, как и моим согласием.

Я был не против попробовать играть на другой позиции. Пусть в небе, в поисках снитча Драко летает. Не возражал быть как Маркус, на метле и с битой в руках, отбивая бладжеры или в сторону, или в противника, если тот нарвется. Поэтому, как и приказано капитаном, каждую среду и субботу, ровно в шесть утра я буду на поле. А пока мы шли в комнату. В этом году меня переселили к Драко и Тео, а Блейз ушел к храпунам. Был не против поменяться, так как все равно большую часть времени он спит вне комнаты. А у кого? Плевать. Разложил вещи, сходил в душ, переоделся и под одеяло. Утром у нас первым уроком ЗОТИ с профессором Грюмом. А перед сном решил порадовать отца.

— Экспекто Патронум! — вылетел серебристый журавль, под шокированные взгляды друзей, я диктовал сообщение: — Приватос! Антонину Долохову! «- Здравствуй, отец. Доехали нормально. Без происшествий. А в школе меня и всех слизеринцев ждал сюрприз. Грюм — профессор ЗОТИ. Передавай привет мистеру Нотту и всем своим. Люсиан», — о том, что я освоил Патронус, меня спросили лишь раз, сказал, отец научил, чтобы сову не гонять, а магией пользоваться. Больше вопросов не было. И мы выключив свет, легли спать.

На урок ЗОТИ к профессору Грюму мы с Драко и Тео шли, как на каторгу. Все без исключения ждали, что нам предстоит пройти через круги ада и пекло преисподней. Ведь мы были уверены, наше темное происхождение и родители-Пожиратели Смерти, служащие лорду, как в прошлом, так и в перспективном будущем — станут темой урока или хотя бы способом донести разницу между сторонами силы. Показать пример света — это гриффиндорцы, и тьмы, а это — слизеринцы, то есть мы.

Настроение ни к черту, завтрак в горло не лез, так, что-то затолкали, чем-то запили и пошли на ЗОТИ, как всегда с Гриффиндором. Пока не видят Тео и Драко, смотрел на Рона и Гермиону, тоскуя и вспоминая былое. Иногда мне их не хватает. Даже не иногда, а часто. Но я для них мертв, или без вести пропал. А если и раскрою правду, скажу, что я был Поттером все это время, будет так, как и сказал Тео — они меня пошлют. Зачем им друг отпрыск Пожирателя Смерти? Бывшие друзья моего взгляда в их сторону тоже не видели, но все равно сидели мрачнее тучи. Ведь Гарри так и не нашли. И не найдут, в мире живых точно.

А урок начался. Резко и громко закрылась дверь, а между рядами, хромая и кряхтя, опираясь на посох, стуча протезированной ногой по полу — шел профессор Грюм. Одобрительно посмотрел на гриффиндорцев, бывшим друзьям уделил внимания больше остальных, задержался у их парты на несколько секунд дольше. Нас же слизеринцев рассматривал внимательным, пристальным взглядом, с помощью волшебного, всевидящего глаза. Что-то для себя отметив — кивнул, потом подошел к доске и начал писать тему урока. А ей стала:

— Классификация магии. Итак, brave гриффиндорцы и хитрые слизеринцы, кто из вас мне ответит на вопрос: Какой бывает магия? — думал, Гермиона потянет руку и скажет, развернуто и подробно, но она молчала, как и весь алый факультет. Тогда Грюм обратился к нам: — раз львята молчат, может, вы змейки мне скажите, какой же бывает магия? — подходит ближе к нам с Драко и Тео, — уверен, мистер Малфой, мистер Нотт и вы, месье Эмье знаете ответ. Так зарабатывайте баллы для своего факультета, — и на удивление в голосе нет издевки, лишь одно слово прозвучало в определенной тональности: «змейки». Мы с друзьями переглянулись и первым сказал Драко:

— Магия делится на три вида: темная, светлая и стихийная.

— Десять баллов Слизерину, спасибо, мистер Малфой, а теперь примеры темной магии, — смотрит на меня, — месье Эмье. Вам известно, что входит в раздел темной магии? — кивнул и ответил:

— Все проклятия, Непростительные и ритуалы. Любые, — уточнил. За что получил так же десять баллов и просьбу классифицировать проклятия, какими бывают они и вопрос, почему все проклятия входят в раздел темной магии. Ответил: — Проклятия бывают трех видов: низшие, средние и высшие. Проклятия — это намеренный вред жизни и здоровью человека, поэтому и входят в раздел темной магии. Если от заклинаний можно выставить щит или отбить другим заклинанием, то проклятие только снять, путем трудоемкого и сложного процесса. Все проклятия без исключения считаются темными, потому что даже низшими, такими как: «Безудержный танец» или «Гнойные глаза» можно нанести непоправимый вред здоровью и даже жизни.

— От чего зависит такой результат?

— От влитого в проклятия количества магии. Чем ее больше, тем дольше и сильнее эффект. И конечно желание волшебника, который проклинает. Бывали случаи посмертного проклятия, а такое не снять, потому что в уплату проклятия отдана жизнь, — профессор и все ученики заинтересовались, а я по желанию профессора и просьбе друзей рассказывал: — был случай, как один волшебник на смертном одре проклял другого. Тот увел у него жену путем приворота, а самого волшебника, у которого жену увели, проклял «Гниением» или «Чернильной кровью», не помню. Волшебник, в предсмертной агонии отдав остатки жизни и магии, проклял разлучника и убийцу «Безудержным танцем». И тот танцевал до тех пор, пока не стер ноги в кашу, а умер от разрыва сердца и неумемной боли.

— Жуть, — слышу со стороны Гриффиндора.

— Посмертные проклятия, как и сказал месье Эмье — не снимаются, даже путем ритуала. Высшие проклятия снять можно, а вот посмертные — нет. За ответ и экскурс в историю, тридцать баллов Слизерину. А теперь о светлой магии, — перешел к Гриффиндору. И отвечала Гермиона. Рассказывала о светлой магии, что к ней относятся целительская магия. Гермиона так же, как и я привела примеры и даже рассказала историю о чудесном исцелении. Скорее сказку, но не суть. Потом упомянула несколько высших Чар, такие как Патронус.

— А к какому разделу относятся боевые заклинания и защитные? — спросил Грюм, ответил Невилл, сидящий за спиной Рона и Гермионы. Сказал, что все знакомые нам боевые заклинания, относятся к стихийной магии, ведь каждое из заклинаний несет в себе какую-то стихию. И дальше разговор пошел о стихийной магии. О ней рассказывал Невилл. Подробно и с примерами. Грюм просил, а он приводил примеры:

— Например, Агументати — это стихия воды, как и Фризан. Локомотор или Флипендо — это стихия воздуха, Релашио и Лакарнум Инфламаре — относится к стихии огня, Инкарцерро — это земля, веревки и все такое, — мы смотрели на Невилла, как и все студены и слушали. Да, если так подумать, то каждое боевое или защитное заклинание можно отнести к стихии. Было интересно узнать такую вот классификацию. О светлых и темных заклинаниях в курсе, Федерик мне многое поведал, как сам, так и с помощью книг.

Урок закончился, нас отпустили. Гриффиндор шли на Чары с Когтевраном, а мы на Травологию с Пуффендубом. Потом у нас обед и дальше Руны. А потом несколько часов на выполнение заданий, а после ужина свободное время, чтобы подготовиться к Астрономии. День, как день. Ничего необычного и странного. И Грюм удивил. Думал, он нас слизеринцев с потрохами съест не жуя, а тут родителей не припомнил, в службе лорду с пеленок не упрекнул. Странно, но ладно. Это первый урок. Кто знает, что ждет нас в будущем.

И вот прошел месяц. За ним второй. Ничего выдающегося и неординарного за это время не произошло. Уроки, как уроки. Не считая тренировок Маркуса, которого хочется проклясть и спать дальше, за способ пробуждения, которым он против нас пользуется. Хотелось так же его разбудить. Прийти глубокой ночью или под утро к нему в комнату и над ухом призвать голос петуха, орущего блажью, словно его по живому режут. Но, он старше и проклятий знает больше. Не прокатит. Так что мы с Драко и Тео вставали и шли переодеваться. Позиция загонщика, которую я постигал — меня радовала. То, что я легкий и юркий, а не грузный и мощный, как храпуны, давало мне преимущество маневрировать между противниками и выносить их с поля с меньшим количеством травм.

Не заметили, как пролетело время. Приближался Хеллоуин, а с ним не только ненавистный праздник, день рождения и смерти мамы, а еще и визит гостей из других стран. Вечером придут школы, участвующие в Турнире Трех волшебников. Не хотел во всем этом показушном приветствии участвовать, но просьба декана и я сижу рядом со всеми и жду, когда же придут гости. А пока вижу новые лица. Как сказал мне Драко — это распорядители и смотрящие турнира. Один из них — Крауч-старший, который в шляпе и плаще, а второй, который пополюе — Людо Бэгмэн. Мне все равно. Махнул рукой и ждал школы и учеников.

Первыми прибыли болгары из школы Думстранг. Матерые и закаленные боями и сражениями вояки. Все как на подбор. Качки и атлеты. Короткие стрижки и традиционные одеяния в красных тонах. Рубаха, штаны-шаровары, подпоясанные кушаком, заправленные в сапоги, на плечах отделанный мехом плащ, а в руках посохи. Палочками болгары не колдуют. В знак приветствия показали огненный танец с применением стихии. Пока болгары танцевали, я смотрел на директоров, на Альбуса и Каркарова, которые обменивались рукопожатиями и о чем-то разговаривали или что-то вспоминали. Как сказал мне Тео, Каркаров — бывший Пожиратель смерти. Почему бывший? Так Игорь сдал многих Пожирателей, в том числе и декана. Надо отцу весточку передать и рассказать, кто посетил школу. Среди них видел знаменитого Крама, играющего в сборной Болгарии на позиции ловца. Парней из Думстранга распределили за наш стол.

За болгарамн, подобно бабочкам, влетели французы из школы Шармбатон. Утонченные и изящные феи. У них, как и у болгар форма определенного цвета. Синяя. У девушек — это платья, шляпка, перчатки, туфли и пальто на пуговицах. А у юношей — брюки, рубашка, пиджак, перчатки, шляпа и пальто. В отличие от болгар, французы показали иллюзорный танец, с летающими бабочками и пылью. А еще присутствовала магия обольщения. Сказал парням дышать как можно медленнее и лучше вообще не дышать, а то попадут под чары какой-нибудь феи. Их разместили за столом Когтеврана. Следом представили директора их школы. Выдающая во всех смыслах мадам Максим. Явно она, как и Хагрид полувеликан. Не мадам — это просто нечто. Директор, смотря на нее с обожанием, проводил к столу профессоров и передал слово распорядителям.

Бэгмен и Крауч по очереди рассказывали правила турнира. А перед этим представили Кубок Огня. Оградили его ограничением по возрасту, только выпускные курсы и никого младше. Всех тех, кто не достиг нужного, для состязаний возраста и решит пройти к Кубку — ждет наказание. Какое? Не сказали. Но желающих проверить и узнать — не было. Как и участвовать. Наши выпускники сказали, что они не смертники и жизнь им дорога и жить им нравится, а лишаться какой-то из частей тела не хочется. Так что пусть ищут камикадзе на других факультетах. А мы будем наблюдателями и зрителями.

Когда пир и приветствие закончилось, нас отпустили по гостиным — спать и отдыхать. Болгары шли за нами, для них были выделены комнаты в подземелье, а французы в башню Когтеврана, с той целью, расположиться и жить там, пока проходит турнир. Не в каретах и корабле же им жить? Я же шел на парашут башни Астрономии, чтобы отправить весточку о предателе отцу. Призвал Патронус и диктовал сообщение:

«Приватос! Антонину Долохову! Привет, отец. С Самайном не поздравляю, как и не жду поздравлений с днем рождения. Помяни маму за меня и передай наилучших пожеланий мистери Нотту от Теодора. П.С. А в школе Каркаров! Крепко обнимаю, Люсиан»

Часть 16 «Имена Чемпионов и первое испытание»

К великому и прискорбному сожалению Маркуса и нашему неописуемому и безудержному восторгу — тренировки закончились. А все потому, что поле понадобилось для первого испытания Турнира. Мы с парнями выдохнули с облегчением, а Флинт обещал устроить нам тренировки без полетов, простые физические нагрузки, чтобы не расслаблялись. Это не так страшно, поэтому отмахнулись, а он говорил: «Ну-ну», предвкушая будущее.

А время, оговоренное для решения на участие в Турнире, подходило к концу. Уже завтра огласят участников турнира. Мы же с парнями стали свидетелями представления. Близнецы, желающие быть участниками Турнира, изобрели возрастное зелье, и решили это продемонстрировать. Мол, они выпьют зелье и таким образом обманут Кубок. Выпили, прыгнули в ограничительный круг, ничего с ними не приключилось. Все им аплодировали, а мы смотрели и ждали от Кубка ответ. Дальше Уизли кинули свои имена в огонь и снова ничего. Опять куча оваций и аплодисментов. Казалось, все, победа. Но Кубок обмана не простил, и близнецов обдало волной голубой энергии кубка. Парни рухнули на пол, а через несколько мгновений на полу лежали старые, дряхлые старикашки. Путались в бороде, кувыркались и колотили друг друга, обвиняя в глупости и наивности. Когда их разняли и подняли на ноги — отвели к мадам Помфри. Медиведьма оказала им первую помощь, оставив в лазарете на неделю точно. Возраст восстанавливать.

А в вечер оглашения, как и было обещано, называли имена будущих Чемпионов Турнира. Нас всех собрали в зале после ужина и вынесли кубок к столу профессоров. И директор провозгласил начало отбора. Кубок в подтверждении поднял вверх столб пламени и выплюнул первую бумажку с именем. Директор Дамблдор огласил имя:

— Виктор Крам — Думстранг! — болгарин встал из-за стола и шел к профессорам, чтобы подтвердить свое участие и пройти в комнату Чемпионов. За ним шел Каркаров. Вылетела следующая бумажка и имя:

— Флер Делакур — Шармбатон! — француженка, подобно лебедю выплыла из-за стола и повторила путь болгарина. Согласилась на участие и прошла в комнату к Краму. За ней мадам Максим. И следующая бумажка с именем Чемпиона от Хога. И им стал:

— Седрик Диггори! — пуффендуец вышел из-за стола под бурные аплодисменты сокурсников и большей части школы. Шел к столу профессоров, забрал бумажку с именем, дал согласие на участие и шел к остальным участникам. Как и Альбус. И все, на этом отбор закончился. Кубок убрали, а нас всех отправили по гостиным. Через неделю состоится первое испытание. В чем оно заключается? Без понятия. Увидим.

А в комнату, стоило нам с Драко и Тео зайти, вошел, переваливаясь с лапы на лапу, серебристой дымкой медведь. Парни поняли от кого это послание, хотели уйти, но я сказал, что они не услышат голос и слова отца. Только я. А если что-то важное, то я передам. И медведь, встав напротив меня, заговорил голосом отца:

«Привет, сын.»

Маму за тебя помянул, пожелание скорейшего выздоровления Максимилиану передал, а подарок на твои четырнадцатилетие все равно подготовил. Потом, при встрече, на каникулах отдам. Буду ждать встречи на Рождество. Передавай привет Тео от Макса. Он его любит и по нему скучает.

П.С. Каркарова ждет расплата за предательство.

Крепко обнимаю, отец»

— Тео, мистер Нотт медленно, но верно идет на поправку. Передавал тебе привет. А меня отец ждет на Рождество. Скорее всего будет ждать меня у старика Федерика. Так что я в это Рождество напрашусь к тебе, Драко, для достоверности, и чтобы отвести подозрения, — друг не возражал. Письмо отцу отправит. Тео же был мне благодарен за отца и весточки от него. Хоть так, да в курсе. Мы с парнями не стали засиживаться, а легли спать. Напряженная неделя вышла. А утро вечера мудренее, как говорят у отца на родине. Так что спать и отдыхать.

Первое испытание — это мрак! Тому, кто придумал сделать испытанием — драконов, нужно самому к этим ящерицам крылатым в пасть залезть. Это же додуматься только, как-то отвлечь дракониху, сидящую на цепи, высиживающую яйца, чтобы забрать одно из них. И плевать, что яйцо не ее, а сброшенное, ей не важно. Спалит до костей, пепла не оставит. Или сожрет, проглотив не жуя. Кошмар!

Мы с парнями сидели на трибунах и заочно поминали всех участников. Особенно Флер. Она — девушка, вейла, а не драконоборец. На этот образ пойдет Крам, а Диггори так, оруженосец. Но, они Чемпионы Турнира, а дракон их испытание. И первой парой дракон-волшебник, а на деле укротитель, стал Крам и Китайский шар. Крам применил к драконнице проклятие «Гнойные глаза» и пока та ничего не видела и плевалась на всех подряд огнем, схватил яйцо и сбежал.

Следующей парой стала Делакур и Зеленая Валлийка. Флер, как истинная вейла применила на драконе очарование, заколдовала ее глаза в глаза и почти успела сбежать без последствий с добычей. Драконница лишь слегка опалила ее ногу в запале гнева и злости. Последним был Диггори и его дракон. Ему достался самый буйный и злой — Венгерская Хвосторога. Пуфф, чтобы отвлечь внимание дракона трансфигурировал камни в овец и направил их к дракону. Дракониха на наживку повелась, за овцами рванула и одну даже поймала и почти проглотила, как увидела крадущего яйцо Диггори. Думали, его по кускам собирать будут, как досталось тому от хвоста Хвостороги. Пуфф лежал в углу, у стены, прижимая к себе яйцо, а Хвосторога кружила над ним, как коршун, плевалась огнем и рычала. И тут меня как громом поразило, я слышал рев дракона, а в голове ее рев складывался в слова:

— **Ненавижу, убью!** — я сидел в шоке и не понимал, что происходит, продолжая слушать гневные вопли и угрозы: — **вздумали моих детей забрать? Я этого так не оставлю! Всех спалю!** — меня толкал в плечо Драко и спрашивал:

— Эй, ты чего?

— Я ее понимаю, — показал на драконницу, — Дар отца пробудился, — спросил меня о каком даре я говорю, назвал: — «Душа Леса». Я мало, что о нем нашел, лишь упоминалось, что волшебник, владеющий этим Даром, понимает животных. Думал, медведи там, лисы, волки, тигры, но не драконы же! — шокировано сидел и думал, как бы у отца этот момент выяснить. До Рождества далеко, полтора месяца еще. Меня же любопытство съест.

— А других драконов ты понимал? Или только эту? — показа на Хвосторогу Тео.

— Не обратил внимания. Там быстро все прошло, а тут вон как все запущенно, — показал на Диггори и группу спасения. Он как лежал без сознания с яйцом в руках, так и

лежит. А драконих все еще над ним кружит, рвет и мечет, желая спалить всех в угольки. Да, не повезло пуффу. Дама с характером попалась. Кое-как но дракона удалось усмирить, Диггори вытащить с арены. Тут же отправили в лазарет. А места распределены следующим образом: первый — Крам, вторая — Делакур, и третий — Диггори. И я считаю — заслужено.

Большая часть зрителей, все еще обсуждала случившееся, жалела Диггори, восхищалась Крамом и поддерживала Флер. Нам же было все равно. Драко и Тео волновал мой Дар, в каком виде он еще себя проявит. Не откладывая на утро, теми же ногами я призвал Патронус и отправил отцу сообщение о том, что у меня открылся дар «Душа Леса» и просил меня хоть кратко, но просветить в этом направлении, может, что-то почитать. Обещали помочь и Драко с Тео, поискать информацию в библиотеке Малфоев на каникулах. За это им спасибо.

Впечатления первый тур Турнира оставил не ахти какие. Одна сплошная нервотрепка и переживания. А еще драконы. Жалко чешуйчатых. Ими и их инстинктами материнства воспользовались, на посмешище, как клоунов выставили и вред здоровью нанесли. Китайскому — глаза повредили, а Венгерке чуть каменная овца поперек глотки не встала. Повезло лишь Валлийке. На их же укротителей — плевать. Сами виноваты. Так что от второго тура ничего хорошего ждать не стоит. Очередное издевательство и трата времени. Не более.

Часть 17 «Святочный Бал и Рождество»

Пролетел ноябрь, во всю шел декабрь. Времени до каникул оставалось все меньше. Еще три недели и по домам. А перед этим, в честь Турнира, по старой традиции, объявили Святочный Бал. То есть танцы. Приглашаются с третьего по выпускные курсы, пара на балу обязательна, как и парадная форма одежды. Девушкам — платья, юношам — костюмы. И стоило девушкам узнать о бале, спокойная жизнь у нас, парней, закончилась. У Драко, Блейза и Тео точно.

Тео атаковала — Дафна, Блейза — Панс, а Драко — Астория. При этом, не нахрапом, а тактично и элегантно, издалека. Фраза Панс: «Блейз, а какое мне платье подойдет? Черное, под цвет волос или стальное, под цвет глаз?» убедила бедного Забини окончательно сдать позиции и пригласить девушку, сказав: «Стальное, чтобы нам с тобой не сливаться». У Даф и Тео все происходило молча. Она посмотрела, а он пригласил. Как и у Драко с Асторией. Остался без пары лишь я один.

Думал, я не пойду на бал. Да и не хотелось мне. Танцевать я не умею, так, легкий вальс или что-то не динамичное. Меня не заставляли, говорили, что еще есть время найти пару на танцы. А я отмахивался, мол, не мое это. Да и пару найти за два дня до Бала нереально. Так думал, пока Судьба не свела меня с одной заплутавшей француженкой. Маленькая девочка, даже не первокурсница, пыталась что-то сказать проходящим мимо студентам, а те ее не понимали. Говорила она быстро, тараторила, потому что нервничала. А в руках толи карта, толи записка, мятая и потрёпанная. И мечется, то в одну сторону по коридору пойдет, то в другую. Подошел и спросил, на ее родном:

— *Потерялись, мадмуазель? Вам помочь?*

— *О! Какое счастье!* — обрадовалась девочка, — *я плохо знаю английский, а мне нужно к мадам Синистре. Карта показывает этот коридор...* — говорит она быстро, при этом успевает посмотреть по сторонам, а еще заправить светлую прядь волос за ухо, снова и снова, — *... а куда мне сворачивать я так и не поняла,* — потом смотрит на меня и замолкает. А я сказал, держа в руках карту и ее руки, так вот получилось, она не замечала, я не привлекал к этому внимания:

— *Вам, мадмуазель, прямо по коридору и направо, а потом по лестнице вверх, профессор, которую вы ищете, находится именно там,* — улыбнулся ей, она мне. Руки я отпустил. А когда спросили, кого благодарить, представился: — *Люсиан Эмье,* — француженка удивилась, что я учусь в Хоге, а не в Шармбатоне. Имя моего рода хорошо известно во Франции, сказал: — *моя мама проходила стажировку в «Еженедельном Пророке», здесь же встретила папу, родила меня, и здесь же умерла. О маме я знаю от бабушки и дедушки, а вот об отце — ничего.*

— *Печально. А я — Габриэль Делакур,* — сестра Чемпионки, и да, они поразительно похожи. Габриэль — это миниатюрная копия Флёр. Хотел попрощаться с девушкой, как у меня мелькнула мысль пригласить ее на Бал, спросил:

— *Габриэль, могу пригласить вас на Бал?* — девочка в шоке, я не меньше, но она дала свое согласие. Пожелал ей всего хорошего и обещал быть у башни Когтеврана в шесть вечера, перед началом Бала. Оговорили лишь внешний вид. Она в нежно-голубом платье, я в темно-синем костюме. Еще раз пожелав всего хорошего ушел пол своим делам. А потом, в комнате, сказал Тео и Драко, что присоединюсь к ним на Бал, а парой станет младшая Денлакур.

— Ты попал, Люсиан! — говорит Драко, просил почему, друг ответил: — вейла, пусть и не чистокровная, но все же вейла. Очарует и женит на себе, — сказал, почему бы и нет. Они же с Асторией и Тео с Дафной в будущем тоже поженятся, так почему мне нельзя?

— Можно, — говорит Тео, — просто готовься, со стороны матери все в роду вейлы, а они сплошное очарование и коварство в одном флаконе. Проверять на верность будут опытным путем — соблазнением. А еще ревностью. Так что попал ты — Люсиан, крупно.

— Возможно, это просто танец, ничего более, — отмахнулся я и отвернувшись на бок, укрывшись с головой в одеяло, просто уснул. А думал перед этим о том, что на меня магия вейл не подействует. Или из-за мамы и ее стихии воздуха, явно вейла в предках была, или из-за отца и рода Берендеев. Так что плевать, как и говорил.

День бала!

Девушки бегают и суетятся, а парни на них смотрят и в сотый раз говорят, что они замечательно выглядят и все идеально. И лишь я один сижу спокойно у камина и читаю, жду время, чтобы пойти за Габриэль. На меня с желанием прибить смотрят друзья, завидуя тому, что я в отличие от них, не слушаю несколько часов подряд один и тот же вопрос, но в разной форме и не отвечаю на него, при этом каждый раз меняя слова, подгоняя ответ под заданный вопрос. На все их претензии я просто улыбался и ничего на это не говорил.

А к обещанному времени я стоял у башни Когтеврана и ждал Габриэль. И она спустилась, шурша подолом длинного, светло-голубого платья. Волосы девочки были заделаны в прическу, и только одна прядь спускалась на грудь. Протянул ей руку, и в моей ладони лежала рука в бархатной перчатке. Следом вышла Флер, а встречал ее Роджер Дэвис, выпускник факультета Когтевран. Флер, увидев меня рядом с ее сестрой, легко улыбнулась и пожелала нам с Габриэль хорошего вечера, сказав для меня на ее родном:

— *Люсиан, приглядите за Габи на этом вечере, — ответил:*

— *Неприменно, Флер, — на нас смотрел Роджер, а я пожелал уже им обоим, на английском: — Хорошего вечера, Флер, Роджер, — пожелал и взяв Габриэль под руку повел ее в большой зал, который на этот вечер был отдан под танцевальный зал. Первыми, как и положено, Бал открывали Чемпионы. Флер с Роджером, Седрик с Чанг, а Крам пригласил Гармиону. Я был в шоке, как она преобразилась. Ее платье — это невесомые лепестки фиалки или сирени. Танцевала она, как фея, особенно в руках громамы Крама. Далее в танцевальную часть зала вступили и остальные пары, в том числе и мы с Габриэль.*

Вечер в компании Габи, это что-то необычное. Такого я не испытывал и не испытаю впредь, если отпущу и забуду. А я не хотел бы забывать этой легкости, которую я ощущал, находясь с ней. Именно поэтому сказал у двери в башню Когтеврана, когда провожал девушку:

— *Было приятно провести вечер в вашей компании, мадмуазель Габриэль, — все это было сказано на ее родном, а на прощание коснулся легким поцелуем ее пальчиков в бархатной перчатке, пожелав спокойной ночи. Мне пожелали того же в ответ и сказали:*

— *И мне было приятно провести вечер с вами, Люсиан, — предложил перейти на «ты», девушка не возражала и сказала: — с тобой. Не против, если буду называть тебя Лиан? У мамыной кузины есть брат Люсиан, и его называют Лианом.*

— *Не против. Могу называть тебя Габи? — девушка была не против, на этом и разошлись. Называли друг друга на «ты» и по короткому имени.*

В таком невесомом и воздушном состоянии, словно крылья за спиной выросли,

вернулся в комнату собирать вещи. Послав отца Патронус, что я скоро буду дома, шел к декану с просьбой воспользоваться его камином, а не терять время на поезд. Декан не отказал, но просил не распространяться. А то все захотят камином домой перейти. А это не понравится директору, не по его установленным правилам, что все студенты едины и никого не выделяем.

По сути дела, все те, кому есть куда камином перемещаться, могли бы воспользоваться такой возможностью, как перейти из одного места в другое всего за минуту. Или через директора, или через деканов. Но у нас в школе все едины и все едут на поезде, как туда, так и обратно. Слово директора — закон! А по мне — глупость! Но я пообещал декану, что никому не скажу и перекинув через плечо сумку — шагнул в камин, оказываясь дома.

Встречал Федерик и отец, который не долго думая схватил меня медвежьей хваткой и не выпускал так минут пять точно. Говорил, что скучал и что эти каникулы я проведу исключительно с ним. У него на меня планы. И это никак не связано с учебой, хотя и ей мы время уделим. Принцип Дара «Душа леса» мне расскажут, а дальше я сам разберусь. А пока мне вручили подарок. Пока один, который на день рожденья. Не хотелось праздновать этот день, но раз этот день я проведу с отцом, а не один или как в прошлом — с Дурслями, то отметим.

Меня все так же, схватив в охапку, переместили в какое-то кафе, а там, на выбор предложили любой торт или пирожное. Выбрал любимый — «Алый Бархат», взял кусок себе, отцу и старику, угостим его позже. Хотел придвинуть тарелку к себе и отломить кусочек, как отец взял край тарелки и достав из кармана пальто свечи, собирался их втыкать. Остановил, спросил, что он делает:

— Как что? Торт и четырнадцать свечей! — удивлялся он, а потом спросил: — или ты предпочтешь четырнадцать кусков торта и одну свечку?

— Я тебе Карлсон, что ли? — спросил и мы с ним рассмеялись.

Свечки так и не коснулись торта, но рядом лежали. Когда торт был съеден, мне протянули подарок — коробку, обтянутую лентой. А внутри фото, как маггловские, так и волшебные. И на них мама, кое-где и отца видел. Но по большей части фото мамы. Совместных фото сделать не успели. Я прижал к себе альбом, а отец прижал к себе меня. Уткнувшись в его плечо я просто сидел с альбомом в обнимку. А потом, перед самым закрытием, мы покинули кофейню и вернулись домой, в квартиру Федерика.

Открывая дверь, проходя в квартиру, отец говорил о планах на неделю. Что завтра, первым делом, после подарков и горячего шоколада, мы навестим бабушку и дедушку Эмме, возможно, заглянем и к его матушке. Шли к Федерику, хотели угостить старика праздничным тортом, как нарвались на незваных гостей, нарушивших наше с отцом праздничное настроение.

— Еще минус праздник, который буду отмечать, — говорю отцу, смотря на Федерика, сидящего в своем любимом кресле, смотрящего на огонь в камине пустыми, безжизненными глазами. Авада на лицо. А тот, кто оборвал жизнь, сидит в соседнем кресле и пьет чай, заедая печеньем. Не поворачиваясь, визитер сказал:

— А я вас ждал...

Часть 18 «Испытания»

— А я вас ждал, — сказал незванный гость, все еще не поворачиваясь, сидя к нам спиной. Смотрел в огонь и держа в руках чашку с чаем. А когда отставил чашку, кряхтя и скрипя протезом, опираясь на посох — встал. Прошел мимо мертвого Федерика, посмотрев на него — хмыкнул, и прямо к нам с отцом. Его магический глаз мельтешил и кружил в глазнице, издавая звук, трущихся друг об друга шестеренок. Раздражало. Руки отца для успокоения меня и его лежали на моих плечах. Грюм, встав напротив нас, почти вплотную, смотря на отца, а не на меня, сказал: — считай мой уход без боя — подарком на Рождество, как достойному противнику. Проведи последнее Рождество в своей жизни с сыном, а потом жди от меня привет, — так же проскрипев и простучав протезом по полу и кряхтя — ушел. А мы с отцом подошли к Федерику, закрыли ему глаза и проводили в мир иной. Хоронить не стали, аппарировали к какой-то скале и так кремировали, а пепел старика унес ветер.

Вернулись, помянули и съели за него кусок торта, потом разошлись по комнатам спать. Настроение у обоих не к черту, и планы соответственно полетели коту под хвост, так сказал отец, а я запомнил. Вместо того, чтобы навесить родню в Париже, мы устроили с отцом спарринг. Эх мне и досталось на орехи. По сути своей я не боевой волшебник, предпочитаю не боевую магию, а мамину иллюзорную. Но ради того, чтобы иметь возможность за себя постоять, если что, учился боевым заклинаниям и щитам. Конечно, за неделю каникул или даже две матерым, боевым волшебником, как отец я не стану, но хоть базу и азы получу.

Так время и пролетело. Из каникул я помню от силы несколько дней все остальное время лишь вспышки магии и формулы атак и защиты. А последние перед возвращением в школу дни мы с отцом, как и планировали проводили в гостях. Навещали бабушку и дедушку Эмье. Всего на два дня, но мы к ним аппарировали. Бабушка и дедушка, как и отец в первые секунды нашей встречи не выпускали меня из объятий и говорили, что к ним вернулась Жюли. Во мне они видели ее, как и отец.

Время, проведенное с бабушкой и дедушкой — это время тихого, семейного времяпровождения, наполненного воспоминаниями, улыбками, и печальными, полными тоски и грусти взглядами. Был упрек и к отцу, который не смог защитить и сберечь маму, который виноват в ее смерти не меньше остальных обстоятельств. Говорили, что если бы не его опасная служба, то Жюли была бы жива и у них была бы полноценная, счастливая семья. На что отец говорил, что как раз, ради семьи и будущего он лорду и служил, смотрел в перспективу, в будущее. Ведь лорд старался ради чистокровных, а не маггловских отпрысков.

По его словам, лорд хотел напомнить всем о законах магии и традициях, которые были похерены и изменены ради маггловских волшебников. Бабушка и дедушка не спорили, говорили, что не все можно было предугадать, но можно было постараться свести потери к минимуму. Отправить Жюли и меня к бабушке и дедушке, во Францию, а сам бы он сражался за будущее чистокровных родов дальше. Мы бы были в безопасности и никто не угрожал бы нашей с мамой жизни. Не было бы той с Грюмом ситуации.

— Абы, да кабы, — говорит отец, — сопливых вовремя целуют, — говорит отец, настраиваясь на возвращение в Лютный. А меня в очередной раз прижали к себе и сказали, что я — копия мамы. Мне приятно, правда, но начинало раздражать. Поэтому я сказал:

— Я — это я, а не мама. Да, я на нее похож, и мне импонирует ее магия, но я, это — я, Люсиан, а не Жюли, — буркнул я напоследок, перед тем, как мы с папой аппарировали в

Лютный, оказываясь у дома старика. У него не было наследников, поэтому дом стал моим, гоблины подсустились и оформили на меня, как на единственного наследника. А на следующий день мы с папой разошлись, до лета. Он — готовится к дуэли с Грюмом, а я в школу. Смотреть на Грюма и желать ему самой мучительной, кровавой и жуткой смерти, естественно от папиной руки. А Чемпионам в ближайшее время предстоит второй тур и испытание. Что будет и какое задание? Без малейшего понятия. Одно точно — ничего хорошего ждать не стоит.

По возвращению в школу, как раз к ужину, шел в Зал и видел сидящего рядом с директором Грюма, они с директором что-то активно обсуждали и даже улыбались. Когда профессор заметил меня, то приветливо улыбнулся и шутовски по поклонился. А я улыбнулся и в такой же манере кивнул. Директор не понял нашего обоюдного приветствия и спросил Грюма, мол, что это было. Тот отмахнулся и сказал, что это наши с ним моменты. Директор согласился. Ужин прошел молча, меня ни о чем не спрашивали, просто помянули старика и все. Рассказал о каникулах уже в комнате. Шок у всех. Но, по словам друзей, папа в форме и без угрозы жизни близким — раскатает профессора в кровавую кашу. Не спорил, а ждал лета и дуэли.

А время подошло ко второму испытанию. И им оказалось погружение в воды Черного Озера в поселение русалок, у которых в плену кто-то важный для Чемпионов. И на дне озера оказалось два не безразличных мне человека. Готов был сам прыгнуть в воду, когда узнал, кого похитили у Флер. Маленькую, девятилетнюю девочку. А у Крама заложником стала подруга, пусть и бывшая. Уверен, Крам справится с испытанием, а вот за Флер я переживал. Она — вейла, а вейлы и русалки, как две враждующие в далеком прошлом расы не переносят стихию друг друга. И скорее всего, Флер не сможет спасти Габи.

— Что делать? — спрашиваю у декана, — пусть и на четверть, но Флер вейла, русалки не дадут ей спасти сестру. Нападут и навредят.

— Думаешь, если Чемпион не спасет заложника, тот останется на дне? — я не был в этом уверен, но такая вероятность присутствовала. Профессор не отрицал, но говорил, успокаивая: — если распорядители не спасут девочку, а оставят ее на дне Озера — будет скандал мирового масштаба. А это Британии не нужно, поэтому девочку спасут. Не переживай. Просто Флер будет на последнем месте в турнире, — рука профессора на моем плече, а потом вопрос личного характера: — как себя чувствует Антонин?

— Готовится к дуэли с Грюмом, — сказал я, а профессор удивился, спросив, когда успел нарваться, ответил: — в Рождество. Он пришел домой к Федерику, пока нас с отцом дома не было, убил старика, дождался нас и вызвал папу на дуэль. И он ждет лета. Говорил, что его какое-то время в Британии не будет, вернется на родину, и будет там наращивать мощь и восстанавливать прежнюю форму. Профессор повторил слова друзей, что папа в своей былой форме, а еще подпитанный злостью не проиграет Грюму, а сделает из него отбивную или фарш. А пока мы разговаривали и обсуждали предстоящую дуэль отца и бывшего аврора, закончилось испытание для Крама, Седрика, а Флер, так и не смогла доплыть до дна Озера, в деревню русалок. Ее атковали и ей пришлось выплыть. А Габриэль спас Седрик, потом, после того, как вернул на сушу Чанг.

— Вот видишь, — говорит профессор, — а ты за девочку переживал. С ней все хорошо, — и все зрители, мы в том числе шли в школу, по гостиным. А следующее

испытание назначено на конец апреля. Опять же, каким будет последнее, завершающее турнир испытание — загадка. Для всех. Но места пока такие: Крам — первый, Диггори — второй, а Делакур — третья. Но, француженка не расстроилась. Это всего лишь турнир: главное выжить, а победа на втором месте. А пока у нас почти три месяца учебы, так же Маркус возобновил тренировки и мы как положено, по расписанию и по времени на месте. С Грюмом у нас все так же. Переглядки и улыбки. На уроках я — мисье Эмье, в мыслях же долоховский выродок, или пожирательское отродье. Уверен в этом. Но он с детьми не воюет, сам мне об этом сказал. Взять в заложники, пригрозить жизнью или здоровьем, чтобы достать родителя — может, а вот убить, как равного — нет.

— Подрастешь, лет так до тридцати, заматереешь к пятидесяти, вот тогда и будешь считаться противником. А пока ты — сопляк, — говорил Грюм, — ребенок, которому расти и расти. И мне не ты нужен, а папаша твой! — показал на глаз, — у меня его в бою отнял, еще во время первой магической с лордом вашим. Но, признаю. Папаня твой — хорош. Боец что надо!

— Хм, — фыркнул я, — и вы, чтобы уравнивать шансы или получить превосходство мою мать на мушке держали? И меня заодно?

— Да, в тот год падения Воландеморта, многое произошло. А за свои поступки я не каюсь. Она связалась с Пожирателем, знала, на что шла, когда замуж за Пса выходила, — ничего ему на это не ответил, лишь сказал, что буду рад, когда отец шарахнет Авадой ему в лоб. Потом ушел.

По пути в гостиную и нашу с друзьями комнату, у меня в голове крутились мысли, одна единственная. Накладка по моментам и не состыковка. Лорд погиб 31 октября, а отца повязали во время смерти лорда, почти сразу. Не вяжется, слишком быстро все. Или же был тот, кто все разыграл, как по нотам.

Тогда должно было происходить несколько событий одновременно. Что-то вроде: Лорд приходит к Поттерам, те погибают, все трое, авроры же в это время, пока лорд у Поттеров, пустили слух, что Воландеморта нет. А уже потом, когда последователи ринулись на подмогу господину, авроры нападали и вязали всех, кого не убили. С кем-то пришлось повозиться. Не с такими, как Малфои, а с боевыми, как отец или Эйвери с Руквудом. Их выманивали раньше, ещё до того, как лорда развоплотило. Чтобы на корню зарубить сопротивление. Взять тепленькими, так сказать. Кто-то смог дать отпор и помчался на помощь лорду, как Беллатрикс и ее муж с деверем, а кто-то, как отец, попав в западню — сдался. А мама умерла или от страха, или от шального проклятия, которыми перекидывались отец и Грюм.

— Вот оно как? — спросил сам у себя, — значит, все это было спланировано задолго и заранее. Понятно. Кто? Вот в чем вопрос. Узнаю, — говорил я, заходя в комнату. а там Драко и Тео. Узнали о нашем с Грюмом разговоре и о моих мыслях, относительно событий 81 года. Были со мной согласны. Кто-то все мастерски, в деталях спланировал. А кто? Без понятия. Выясним.

И вот, прошло почти три месяца и финальное испытание — лабиринт. Первым ушел Крам, вторым — Седрик, третьей — Флер. Габи сидела рядом с профессором Флитвиком и болела за сестру. Это последнее и решающее испытание, которое определит победителя. А все те места, которые были до этого тура для прохода в лабиринт. Так что мы сидим и ждем

победителя. И первой из испытания выбывает Флер, столп искр из ее палочки и за ней идет спасатели.

Через час или полтора выбывает Диггори, а Крам становится победителем, оказываясь у начала лабиринта с кубком в руках. Бурные, шумные, огненные поздравления и Крама несут на руках на корабль. Продолжать празднование победы в тесном, семейном кругу. А мы шли к себе. Уже завтра мы будем провожать гостей и готовиться к экзаменам. У нас осталось несколько недель, а потом по домам.

Утром, мы провожали гостей. Первыми стали победители. Каркаров смотрел на меня и Драко с Тео криво улыбаясь, как и на профессора Снейпа. Не знаю, что такого между ними произошло, но уверен, Каркаров в курсе, что я — сын Долохова. Сказать ему об этом мог или Альбус или Грюм. Хотя, скорее второе, а не первое. Отец с него спросит за предательство. Не скоро, но спросит.

Следующими, мы провожали шармбатонцев. Флер и Габриэль, перед тем, как пройти в карету, обменялись со мной несколькими фразами, звали в гости. Не обещал, но сказал, что если вдруг навещу бабушку с дедушкой в каникулы, то загляну и к ним в гости. Пока мы разговаривали с Флер, на меня смотрела Габриэль. На прощание, едва коснулся ее пальчиков в легком поцелуе, назвал: «моя леди», сказал, если она не передумает, то я дождусь. Она сказала: «Дождись» и побежала следом за сестрой в карету. А Драко и Тео, с обеих сторон меня толкали и говорили: «Тили-тили-тесто, жених и невеста!». Махнул на них и сказал: «Ну вас!» махнул рукой и пошел к нам в комнату.

Часть 19 «Наблюдения Драко и дуэль с Грюмом»

Когда экзамены закончились, и остался последний день, мы с парнями выдохнули. Как и выпускники. Маркус со спокойной душой сдал пост капитана — Драко, а позицию загонщика — мне, ушел с остальными выпускниками в загул. Декан делал вид, что не видел их не трезвого состояния. И все шло ровно и гладко вплоть до завтрака, после которого мы дружно собрали вещи и покинули стены гостинной до следующего года. На пути к поезду меня окликнул Грюм и попросил задержаться, мол, разговор ко мне есть. Я сказал парням, что догоню, и чтобы не переживали, Грюм пока еще профессор, а я его ученик. Да и не воюет он с детьми. Так что мне ничего не угрожает, в стенах школы точно.

— Вы что-то хотели, профессор? — спросил, подходя.

— Предупредить тебя. Готовь похоронную процессию для своего отца и прощальную речь. И это не насмехательство или угроза, а простой совет. Долохов принял вызов, в это воскресенье твой отец умрет от моей руки, — сказал Грюм, а потом показал на друзей, — иди, тебя ждут.

— Мы еще посмотрим, кто кого, профессор, — сказал я, догоняя друзей. Не стал говорить им причину «милой» беседы, просто сказал, что все по той же теме. Они меня прекрасно поняли.

А потом у меня состоялся еще один серьезный разговор, но на этот раз с Драко, пока Тео помогал Дафне с Асторией и Панси уложить их вещи. Разговор с блондином был на повышенных тонах, в основном голос на него повышал я, он же нарывался своей настойчивостью и требовательностью. А начался разговор со слов о том, что позиция ловца мне подошла бы больше, чем загонщика. Что это я должен быть ловцом, а не он. Спросил его:

— С чего ты так решил, Драко?

— С того, что на этой позиции ты лучше, и каждую нашу игру, в прошлом, уделывал меня на раз-два, — пытался сделать удивленное лицо и говорить, что мы с ним в небе не пересекались и не сражались за снитч. Как он повысил на меня тон: — я не слепой, — говорит он, — и отличить стиль полета и манеру держаться на метле могу. Не сядь ты на метлу в этом году, я так и не понял бы. Для меня ты оставался бы и дальше просто Люсианом Эмье, а не Гарри Поттером.

— Не знаю, что ты там себе напридумывал, Драко, но я — не Поттер. Я — Люсиан Жюль Эмье! — уже кричал я на блондина, при этом активно жестикулируя, — а на метле я летаю первый год, как и в квиддич до этого я не играл, и с тобой, Драко, мы не пересекались, и за снитч в небе не сражались.

— А я по твоему слепой или тупой? — говорит мне Малфой, — стиль полета отличить не могу? Да, не спорю, ты — не Поттер, ты — Эмье. Но не отрицай, Люсиан, ведь ты им был! Первые два курса точно! Я в этом уверен! Признайся, ты был Поттером!

— Не собираюсь ни в чём сознаваться! — рыкнул я на блондина. А он настаивал:

— Отрицай сколько угодно, Люсиан, но до того года ты был под личностью Героя. Это потом что-то произошло, не знаю, что именно, и ты скинул... — потом замолчал, что-то вспомнил и задумался, а я сказал, процевив каждое слово сквозь зубы:

— Малфой, слушай меня внимательно! Мне плевать на то, что ты там заметил, запомнил и что вспомнил! Ты не имеешь права от меня что-то требовать и в чем-то

подозревать! Хочешь узнать правду — ищи. Найдешь и что-то узнаешь помимо твоих наблюдений и размышлений о полетах и манере держаться на метле — поговорим. Без требований и претензий! — Но ты же... — не дал ему договорить, сказал:

— Еще одно требование или претензия, и нашим дружеским отношениям настанет конец! — мне хотелось каждое сказанное мной слово вдолбить в его блондинистую голову, как гвоздь забивают в доску молотком, чтобы до него дошло, что для меня это — большая тема. На этих словах зашел Тео, спросил, что у нас случилось и почему я готов вколотить Малфоя в пол вагона или выкинуть его из поезда на всем ходу, ответил Драко:

— Спорили о квиддиче, — а по сути, так оно и есть. Спорили мы о стилях полета и о том, кому они принадлежат. Поттеру или Эмье. Так и не договорились, оставили вопрос открытым. Драко сказал, что подумает над моими словами и даст мне ответ летом, когда мы встретимся, чтобы сходить на Косую Аллею за покупками.

А за всеми этими разборками с Драко, в котором обсуждалось моем прошлым амплуа, стиль полета и манера держаться на метле, а потом обсуждения этих же тем, но с Тео, без ругани и повышенного тона — не заметили, как проехали почти весь путь, и приехали. Нас встречал Люциус. Вместе с ним я, Тео и Драко переместились в Малфой-менор, а оттуда я перешел камином к себе домой, в квартиру, доставшуюся мне от Федерика.

А там меня ждал отец. Первым делом прижал меня к себе, а потом позвал к столу. К моему приезду он подготовился, мы поужинали и обсудили предстоящую дуэль с Грюмом. А так же я интересовался здоровьем мистера Нотта. Оказалось, он почти встал на ноги, по словам отца, еще пара месяцев и Максимилиан заберет Тео из дома Драко. Я был рад, как за мистера Нотта, так и за друга. Что касается дуэли, то отец был готов сравнять Грюма с землей, сделать из него фарш, а ливер отправить на корм собакам. Кости же перемолоть в муку и сдать на котлеты. От мыслей о мести и предстоящем бое, с улыбками и в предвкушении мы разошлись по комнатам.

И вот — воскресенье. А значит и долгожданная дуэль с отставным аврором. Мы с папой договорились на то, что я постою в стороне просто понаблюдаю за сражением двух матерых, закаленных боями волшебников, не чурающихся никаких ограничений и запретов, готовых применить все что угодно, лишь бы убить противника, как можно болезненно, кроваво и жестоко. К назначенному времени мы с папой пришли в оговоренное ими место. Как же мерзко, наша бывшая квартира, где семья Долоховых провела свой единственный, счастливый год в полном составе. Насмехательство или просто сведение всех вариантов к единственному правильному, мол, где противостояние началось, там оно и закончится. Все может быть.

— Уходи отсюда, шкет! — рычал на меня Грюм.

— И не подумаю!

— Зацепит проклятием или Непростительным — я не виноват! — говорит бывший профессор и нападает на отца, создавая эффект неожиданности.

Между ними обмен атаками, боевыми связками. Все это происходит невербально, то есть молча. Никто из них не проронил и звука, даже шевеления губ я не видел, как и заклинаний, только по факту столкновения и попадания в цель. Вот она разница в уровнях и демонстрация мастерства. Смотря на их бой, не мог не восхититься красотой и яркостью. Словно танец или бой на мечях. Сверкают лишь искры магии и вспышки от столкновения

заклинаний, заклятий и проклятий. И вот они разошлись.

Я увидел их состояние, оба потрепанные и раскрашенные под витраж. У отца правая рука висела плетью, палочка в левой. По щеке, виску и шее стекают струйки крови, дышит он тяжело, явно ребра сломаны, а еще по левой ноге бьет разряд. Ее отец подворачивает и не может на нее опереться. Релашио точно. Не уступал по «красоте» и Грюм. Второго глаза нет, пол лица это — сплошной ожог. От правой руки почти ничего не осталось, и чтобы не помереть раньше времени от кровопотери, бывший аврор перетянул обрубок и прижег его. Ноги у него целые, а вот спина, грудь и плечи усыпанные мелкими, глубокими порезами, которые не прекращая сочились кровью. Перерыв закончен и в дуэли должна быть поставлена точка. У них осталось энергии на последний удар.

И их снова не стало, они столкнулись, как и их заклятья. Кто из них что применит для меня загадка. Авада — банально и скучно. Для отца точно. Уверен, он придумает и применит что-то эффектное. Грюм же банально кинул в отца Аваду, отец увернулся, хотя было опасно, зеленый луч едва не задел его по касательной. Очередь Грюма получать от отца ответ и он бросил в него что-то. Несколько секунд ничего не происходило, Грюм даже смеялся:

— Неужели ничья? — а потом он резко упал на колени, выгнулся в неестественной позе, откинувшись назад, так, что я слышал треск позвоночника, а потом из его рта вырвался кровавый гейзер, с ошметками внутренностей. Кое где мог разглядеть кусочки мозга, легких, казалось видел даже почки или что-то подобное. Так, расставив руки в сторону, выплескивая всю свою требуху и кровь наружу, Грюм и закончил свою жизнь.

— Эффектно, — сказал папе, а тот, с победной улыбкой, кашляя кровью, теряя сознание — стал падать. Едва успел его поймать. Отец бледнел на моих глазах, а я не знал что делать, звал, просил: — пап, пожалуйста, держись. Только не умирай! Пап! — кричал я, кое-как таща его домой. Идти нам далеко, несколько кварталов, дойти бы. Надеюсь, он просто устал и выдохся. Молился всем, лишь бы его не задела Авада или не взяло вверх какое-то из отсроченных проклятий Грюма.

Часть 20 «Помощь от декана и привет от Гарри»

Не знаю как, но я донес отца до квартиры и скинув с него обувь положил на кровать. Он не приходил в себя, дышал через раз, и становился холоднее с каждой минутой. Явно какое-то проклятие отсроченного или медленного действия. Но я в них не разбираюсь. Знаю лишь классификацию. Определить и уж тем более снять подобное мне не по силам. Был только один волшебник, который способен мне в этой ситуации помочь — декан. Его я попросил о помощи, вызвав телесный Патронус, надиктовал сообщение:

«Декан! Это — Люсиан. Отец после дуэли с Грюмом пострадал от какого-то проклятия. Помогите мне, пожалуйста! Адрес камин: Федор Достоевский»

Отправил журавля в полет, а сам обрабатывал видимые раны отца. Промывал и стирал с его лица, шеи, плеч, рук, груди и торса кровь. Считая удары сердца и прислушиваясь к дыханию. Когда видимые раны были обработаны и перевязаны, пришло время для невидимых. И как раз услышал, как полыхнул камин и быстрым шагом на мой голос в комнату влетает декан. Протягивает мне в руки склянку с Умиротворяющим бальзамом, а потом подходит к отцу. Берет его за запястье, считает пульс. Обнажая палочку из кобуры на руке что-то колдует и хмурится. Пара склянок вливается в рот папе, а потом вердикт декана:

— Не переживайте, Люсиан. Антонин просто выдохся и использовал внутренний резерв энергии. Проще говоря — когда закончилась магическая энергия, в ход пошла жизненная. Не много, но последствия вы видите, — показал на лежащего без сил и сознания отца, — мои рекомендации, это: — зелья, покой и сон. И главное никакой магии в течение месяца. А то выгорит и сквибom станет.

— Прослежу, спасибо декан, — напряжение меня отпускало, зелье успокаивало и давало тепло в груди. Чтобы хоть как-то отблагодарить профессора, предложил чай или полноценный ужин. Он не отказался ни от того, ни от другого. Пригласил его на кухню, и пока заваривался чай, я разогрел то, что осталось от обеда, а потом и чай. За едой молчали, а потом со мной поделились наблюдениями:

— Люсиан, не могу не заметить некоторые странности, водящиеся за вами, — спросил, какие именно, а профессор сказал: — ваша переносица, — смотрит мне в глаза, в поисках ответа, я же молчу, а он продолжает: — вы поправляете очки, которых нет, а ещё трете шрам на лбу, которого у вас так же нет, — вот блин я попал! наблюдательные, мать их за ногу слизеринцы. Трое слизеринцев. Тео, Драко и декан, который продолжал делиться наблюдениями: — и ваше появление, Люсиан, странным образом совпало с пропажей мистера Поттера. И я не мог не сложить все это в одну картину. Вы — Поттер, — на этих словах я фыркнул, а декан уточнил: — были им, на первых двух курсах. На вас, если я правильно понял, было использовано заклинание «Чужая внешность». И до конца второго курса вы носили ее и не знали о том, кем являетесь на самом деле.

— Какие вы все слизеринцы наблюдательные, — выдохнул и запустил пальцы в волосы, стягивая их в высокий хвост и завязывая резинкой. Решил сдать, и плевать, даже если профессор меня сдаст. Уже наплевать. Если директор решит снова сделать меня героем или как-то воспользоваться, то к бабушке и дедушке во Францию свалю и в Шармбатон поступлю. А пока говорил: — Тео первый понял, что я был Поттером, по друзьям, на которых я смотрю с тоской в глазах. И мне правда, иногда их не хватает. Тео и Драко хорошие друзья, но по Рону и Гермионе я скучаю. Не по нашим приключениям, а по ним

самим.

— Но для них вы более не Поттер, а отпрыск Пожирателя Смерти. Думаете, если вы им скажите, кем были в прошлом, они вас пошлют? — я кивнул, подтверждая и соглашаясь со словами декана, а он сказал, — если это так, и мисс Грейнджер с мистером Уизли от вас отвернутся и не примут, как Эмме, а не как Поттера, то они не настоящие друзья. А так, приятели. Можете проверить и сказать им правду, — а потом с чашкой у рта, добавил едва слышно, — если не примут, то Обливиэйт вам в помощь, — я усмехнулся и сказал:

— Не уверен, что смогу сказать им. Вижу, как они на меня смотрят. Они видят не просто слизеринца, а ненавистного отпрыска Пожирателя. А когда станет известно, что профессор Грюм погиб от руки отца на дуэли, то ненависти станет еще больше. Уверен в этом.

— Да, слухи быстро распространяются. И скоро станет известно, что Аластор погиб от рук Антонина. За вашим отцом будут гоняться, с целью убить на месте, а не арестовать и в Азкабан посадить. Так что у него нет будущего в Британии.

— С Лордом во главе — есть, — слышу голос отца, который опираясь о стену идет к нам на кухню. Тут же подбегаю к нему и говорю, что ему рано вставать и надо лежать. На что меня успокоили: — я лягу обратно, только поблагодарю Северуса за помощь и чаю выпью. Потом в кровать, обещаю.

— Пошли, — подставил отцу плечо и вел его за стол. Поставил перед ним чай, а потом просто наблюдал и слушал разговор старших. То, что лорд возродиться в далеком будущем с целой душой и поддержкой Смерти, отец не говорил. Лишь то, что Темный Лорд вернется через несколько лет став еще могущественнее. На вопрос профессора как именно это произойдет, отец не ответил. Сказал, что сам не знает. Это слова лорда, не его, а сам смотрит на меня.

Все так, как он и говорит, лишь с одно поправкой, Лорд соберет душу, станет самим собой, но воскреснет он или нет, не мне решать, а Смерти. А Гарри пока что не связывался со мной. Тот раз на третьем курсе был единственным. Возможно, он со мной свяжется, а может, и нет. В любом случае мне нужно знать, как именно переправить собранную воедино душу лорда на ту сторону. Не наобум же мне действовать? За мыслями и разговором профессора и отца пролетело время. Отец, шатаясь и едва стоя на ногах, опираясь о стену — шел в комнату, а я провожал профессора, благодаря его за помощь.

— Соблюдайте мои рекомендации, Люсиан, — сказал, что обязательно, а потом профессор добавил, сказав про друзей, — если вас тяготят воспоминания о прошлом ампула, то сотрите его из воспоминаний или запрячьте их так далеко, куда не достанете. Или же попробуйте поговорить с ними. Возможно, мисс Грейнджер и мистер Уизли все же настоящие друзья, — резко развернувшись, кинув горсть пороха, назвав адрес: «Хогвартс» — исчез в изумрудном пламени, а я поблагодарил профессора, но он уже этого не услышал. Закрывая доступ к камину, ушел к себе в комнату. А стоило мне подойти к окну, и потянуться к шторам, как на меня смотрят изумрудные глаза Гарри, и махая мне в отражении, говорит:

— Привет, Люсиан! Как твои дела? Как кулон поживает? Много кусков собрал? — спрашивает парень, улыбаясь.

— Привет. Дела нормально. Кулон поглотил три куска. Позже, собираюсь поглотить еще кусок. Знаю у кого он и в любой момент могу призвать держателя и скормить артефакту еще осколок лордовой души.

— Это замечательно, Люсиан. А спросить у меня ничего не хочешь? — на его вопрос ответил удивлением и молчанием, а он за меня же и спросил: — например, о том, что будет потом с душой лорда? Или как тебе передать Смерти кулон с собранными осколками? — сказал, что было бы не плохо все это узнать. А Гарри, все так же улыбаясь, сверкая на меня зеленую глаз через стекло, ответил: — просто, Люсиан. Ты должен будешь умереть!

— Чего? — спросил я у своего отражения, потому что Гарри пропал, а я стоял в комнате один и смотрел на самого себя в отражение. Не так давно там был Поттер, сказавший мне о смерти, а теперь там всего лишь я, который не хочет умирать, но видимо придется. По сути, второй шанс мне дали для того, чтобы я собрал осколки души, а не жил так, как мне хочется. Все так, ведь моя жизнь и смерть в руках высшего. Значит, как он скажет, так и будет.

Отступление

Владения Смерти.

— Учитель, — обратился мальчик к Высшему, наблюдая, как тот преобразается и скидывает его образ, становясь самим собой. Перед учеником предстал сам Смерть. В своем черном балахоне, костлявой форме с косой в руке. Он смотрел на ученика, а тот спросил: — почему для общения с Люсианом Вы используете мой облик? Могли бы предстать в своем настоящем.

— Не мог, — говорит Смерть, — если только для того, чтобы напугать парня до заикания. Как думаешь, с кем спокойнее общаться, когда попал на эту сторону? С ровесником или с Высшей Сущностью?

— Но когда умер я... — начал говорить мальчик, а Смерть сказал:

— Ты погиб в год и три месяца. Дитя, испуганное, режущее дни напролет дитя. Для тебя любой взрослый был избавлением от страха. А для него в тот год я стал бы приговором. А без мальчика мы не смогли бы собрать душу Тома. Если бы Люсиан, увидел меня в истинном облике, то назад бы не вернулся.

— А сейчас, вы сказали, что он должен умереть, — Смерть не отрицал. Ему хода в мир живых нет, а кулон с собранными осколками нужно как-то забрать. Выход один — парень умирает, на время, или впадает в кому, передает кулон, а потом возвращается и живет своей жизнью. — Только вот прозвучало это, как приговор, — говорит мальчик, — вы сказали ему, что он должен умереть, а о том, что он потом воскреснет — нет. Уверен, Люсиан сейчас сидит на кровати, находится в шоке и панике, думает о своих последних годах, как их провести. А может о том, как избежать встречи с Вами и передать кулон с помощью кого-то другого. Например, через умирающего волшебника или призрака, у которого подходит к концу наказание.

— Успокоим его в следующий раз, — махнул рукой Смерть, — в любом случае он еще не все осколки собрал. Три из шести, в этом году четвертый. Так что три года на то, чтобы разобраться с передачей кулона у него есть.

— А Том? Что будет с ним? — Смерть усмехнулся, а ученик спросил: — что вас так рассмешило, Учитель? — Смерть ответил:

— Когда Люсиан придумывал легенду для последователей лорда, то волей-неволей оказался прав. Кулон склеит душу Тома, вернет ему былой разум, могущество и напомнит ему о том, ради чего создавалась организация «Вальпургиевы Рыцари». Он вновь станет достойным лидером магической Британии, именно Том напомнит волшебникам о нас, Высших, как и о наших законах. Но перед этим Тома ждет кара, за все те грехи, которым он

поддался. За все те смерти и пытки, которые принес. И только после того, как он пройдет через реки: Отрицания, Очищения, Принятия и Раскаянья, будет прощен и возвращен в мир магии в своем теле.

— Что будет с Люсианом потом, после того как лорд возродиться?

— Он будет жить. Долго и счастливо, естественно, если будет соблюдать и чтить наши с сестрами законы. В противном случае его жизнь оборвется быстро и болезненно. Но я уверен, мальчик не пойдет по пути Альбуса. У него свой путь.

— А я? — спрашивает мальчик у своего Учителя.

— Ты — мой ученик, потомок, преемник. И твоя жизнь, Гарри, принадлежит исключительно мне. Твоя душа и сущность в моих руках. А будущее — это Смерть. Через века или тысячелетие ты займешь мой пост и станешь Смертью. А моя коса, — показал на свое оружие, — будет принадлежать тебе.

— Такой расклад меня устраивает, Учитель, — улыбаясь, говорит мальчик. А Смерть другого и не ждет. Он знает своего ребенка так же хорошо, как и свои владения — загробный мир. Потому что он вырастил его и воспитал. Гарри — его сын, его ребенок, его потомок.

Часть 21 «Еще один осколок и каникулы»

Умереть! Я должен умереть!

Эти слова не выходили из моей головы. И преследовали несколько недель. А потом, когда надоело думать на тему, что возможно, жить мне осталось от силы года три, плюнул и послал всех лесом к Арагогу. Три года, за это время много что может произойти. Так что живем и о Смерти не думаем. У меня есть чем заняться и о чем думать. На первом месте для меня — это забота о папе. Он, как и советовал декан, соблюдает постельный режим и принимает все зелья, а еще ругается, бухтит, как Федерик, но не колдует.

— Месяц, пап, потерпеть всего месяц, — говорил я, — могло быть и дольше, а могло и вообще не произойти. Не примени ты жизненную энергию, мог бы и дальше колдовать.

— У меня не было выбора, — говорит отец, — или я его, или он меня.

— И ты его победил, да, знаю, да, понимаю, — протягивая папе чай с лекарствами. Добавил, — и я до последнего был уверен, что он мной как-то воспользуется, чтобы тебя или достать или ранить или вообще ослабить. Но он так не поступил. Видимо, решил доказать и тебе, и себе, что сможет одержать победу в этой дуэли без подлых штучек.

— Видимо, — сказал отец, а потом спросил: — когда еще кусок души в кулон добавишь? Год то прошел? — сказал, что в ближайшее время, я могу в любой момент держателя кулона позвать. А пока у меня есть дела важнее, это папа и его здоровье. Отец отмахнулся, сказав: — на меня не обращай внимания. Занимайся своими делами. Да и заживет все, как на собаке. Планы на оставшиеся дни каникул у тебя какие? Чем займешься? Может, Малфоев и Тео наведишь? Или бабушку с дедушкой? Я тут сам справлюсь, не маленький.

Мне бы хотелось навестить всех, погостить у бабушки и дедушки дольше. Неделю или две. Может быть, выполнить обещание и навестить дом Делакур. А там, как пойдет. Потом к Малфоям и Тео. У нас с Драко незаконченный разговор. Хотелось бы узнать, что он надумал. Так что да, на оставшееся лето у меня есть планы. А раз отец не возражает и без меня справится, так и сделаю. Но все же решил первым делом скормить кулону осколок души. Вернулся к себе в комнату и позвал эльфа.

— Старый Кикимер пришел на зов чистокровного наследника. Что чистокровному наследнику нужно от старого Кикимера? — с поклоном спросил эльф. А я напомнил про обещание, данное эльфу в том году.

Кикимер рухнул на пол, на колени и молил, благодарил и еще много чего желал мне и моему будущему роду, а потом исчез и через пол минуты появился, протягивая медальон. От присутствия рядом еще одного осколка, кулон нагрелся и потянулся к медальону. И я ему не отказал, пожелав: «приятного аппетита». Прикоснулся углом пентаграммы к медальону и его не стало. Кулон значительно прибавив в весе и стал привычно-холодным, а не обжигающе-ледяным.

— Спасибо Кикимер за медальон и службу, — сказал, а эльф спросил:

— Что еще старый Кикимер может сделать для чистокровного наследника? — спросил, что он еще может и чем мог бы помочь, на что эльф меня поразил, оказалось, в дом на Гриммо проходят собрания Ордена Феникса с организатором во главе. То есть директором. Там они обсуждают планы по свержению темного лорда и очищению мира от темных сил. Продумывают стратегии и подводят итоги года без лорда и его террора. И как жаль, что в

этот орден входит и семья Уизли.

— Если только передавать информацию относительно действий Ордена направленных на меня, отца, семью Нотт и Малфой, тех, кто дорог и важен мне. Остальные получают информацию уже от нас. И еще, слышал ли ты что-то обо мне и отце? Планы директора на меня?

— Старый Кикимер не слышал, но послушает и если молодому наследнику будет угрожать опасность, как и господину Долохову, то старый Кикимер скажет молодому наследнику

На этих словах Кикимер вернулся на Гриммо, а я шел к отцу, говорить о том, что завтра я навещу стариков Эмье, возможно загляну к Делакурам, на это отец улыбнулся и сказал, что надо за невестой ухаживать и оберегать, чтобы другие не увели. Я не знал, что сказать, лишь напомнил о ее возрасте. Что ей всего 10 лет и между нами разница. Потом папа напомнил об их с мамой разнице, не спорил, но тему закрыл. Пошел собирать вещи, а потом готовить ужин.

А утром, как и планировал, я первым делом отправил бабушке Бенедикте сообщение с Патронусом о том, что намерен навестить их и погостить, неделю или две, как получится. Через пол часа от бабушки пришел ответный Патронус о том, что они гостят у семьи Делакур и обсуждают будущее наших родов. И чтобы я перемещался сразу к Делакурам, а потом мы перейдем к ним. Адрес: «Серебряные перья». Стоявший рядом папа сказал:

— А вейлы зря времени не теряют. Попал ты, Люсиан! Влип, по самые помидоры! Повяжут тебя, окольцуют, опомниться не успеешь! — говорит отец и смеется, а я стою и смотрю на то место, где ни так давно был Патронус бабушки и охреневаю от их скорости на расправу моей свободы.

— Да уж, — буркнул я, называя адрес вейл, шагая в камин.

Каникулы подходили к концу, а я все еще не оправился от гостин у бабушки. То, что нас с Габриэль заочно обручили — пол беды, а вот новости и планы одного бородатого интригана, из-за которых я чуть во Франции насовсем не остался, еще долгое время были темой моих размышлений. А все, потому что смерть Грюма встала ему и всему Ордену поперек горла. И даже то, что отец победил в дуэли, путем честного противостояния не убедили и не отговорили его от мести. Именно поэтому и состоялось внеплановое собрание полного состава Ордена. Долго думали, как же достать отца. И надумали. План директора прост. Выманить отца с помощью меня. Светлые, мать его волшебники. Используют грязные приемы и используют детей в своих интересах.

— Наплюй, — говорит отец, сидя напротив меня за столом. Колдовать ему уже можно, поэтому он примчится на помощь, кто бы мне не угрожал, — Грюм был единственным, кто мог мне противостоять. Даже Альбус не страшен. Да и не забывай, я не один, как и ты. За нами Пожиратели.

— Рыцари, пап. Пожирателями вы стали тогда, когда лорд совсем рассудок потерял оттого, что над душой надругался. А до этого вы были Рыцарями, — папа смеялся, говорил, что я подкован и осведомлен. Я же напомнил, что Федерик многое мне рассказал, даже с большим удовольствием, особенно тогда, когда я назвал имя рода отца. И за это я, как и папа ему благодарны.

Так что меня со спокойной душой отпустили за покупками на Косую Аллею в

сопровождении Малфоя и друзей. С Люциуса, тут же было взято обещание за мной смотреть и не оставлять. Он еще толком не успел, как следует переступить камин нашей с папой квартиры, а ему в лоб партийное задание. Малфой смотрел на нас и ждал пояснений:

— Альбус, мать его ети, Альбус! — говорит папа, — хрен ему ядреный в задницу, Альбус. Решил меня выманить с помощью Люсиана. Взять его в заложники. Обменять его жизнь на мою, в отместку за убитого Аластора.

На меня смотрят друзья, спрашивая, в чем отец перед директором провинился, и с чего решили предпринять такие меры, как угроза моей жизни? Потом я напомнил про дуэль и даже красочно пересказал, как закончилась жизнь отставного аврора. Парни стояли и жалели, что не видели всего этого своими глазами, но я пообещал подарить каждому по флакону воспоминаний. С меня взяли слово друзья, а с Малфоя-старшего отец. Тот меня лорду фактически под роспись выдал, и в таком же виде требовал вернуть, как в физическом и магическом, так и в моральном.

Камином оказались в «Дырявом котле», а потом пошли по списку книг и принадлежностей для школы. Первым по списку мантии и канцелярия. Быстро навестили мадам Малкин, купив все нужное, новые перья, свитки и далее по списку, шли за книгами. А там представление: «Фениксы vs Пожиратели». Только младшее поколение. Старшие не вмешивались. Стояли за нашими спинами и просто наблюдали. Не успел переступить порог книжного магазина, как на меня с претензией налетает Рональд и Гермиона:

— Как ты можешь показываться на люди и вести себя, как ни в чем, не бывало, ходить, где вздумается и не каяться, когда твой папаша совершил такое!? — жестикулировал руками бывший друг, краснея и покрываясь пятнами от злости и ярости, а к нему присоединилась Гермиона:

— После того, что сделал твой отец, я бы на твоём месте вообще не показывалась никому на глаза. Сидела бы до первого сентября зарывшись в комнате и... — но Гермиона не договорила, потому что я ее перебил. Откинув за спину хвост и поправив мешающую глазам челку, сказал:

— Но ты не на моем месте, Грейнджер. Каждый из нас на своем месте. А поступок отца обсуждать с тобой точно не стану. Потому что ты, — а потом смотрю на Рона и всех Уизли, — как и все вы не поймете причину, побудившую отца так обойтись с профессором Грюмом. Вы знаете лишь то, что вам говорил профессор и остальные взрослые, я же знаю чуть больше. И да, у них была официальная дуэль, если что. И каждый получил по заслугам.

— Но применить черное проклятие на крови, используя жизненную энергию! — воскликнула Гермиона, а я сказал:

— У отца на это были свои причины. Хотите узнать? Спросите у мистера Блэка и профессора Люпина, они, если правильно спросите, расскажут вам всю правду о противостоянии отца и Грюма. И если у вас все, то мне нужны книги, — а потом на радость Малфоя и всех остальных слизеринцев, стоящих рядом, сказал с сарказмом: — вернусь домой, зарююсь в самый темный угол своей комнаты и никому не покажусь на глаза до первого сентября, — говорил, оттесняя ее в сторону. А сделаю я так, как сказал, всего на неделю. Потому что уже через семь дней нам всем в школу.

22 глава «Малфой и наши и с ним разборки»

Как я и планировал, провел оставшуюся неделю каникул за чтением и почти не покидал комнату. Готовился к предстоящему учебному году, как магически, так и морально. Отец пытался вытащить меня из комнаты, предлагал прогуляться, но я отказывался. Читал и пробовал заклинания и Чары, пользуясь новыми учебниками. Что-то получалось, что-то нет. Те заклинания или Чары, которые вызывали затруднения, оставил на учебный год. Папа предлагал помощь, сказал:

— Если я сейчас этому научусь, то что мне в школе в этом году делать? — с этим мнением отец согласился и настаивать на помощи не стал. Лишь сказал, что он всегда поможет, если нужна помощь, и не только с магией, но и жизненным советом, или в личном. Буркнул на него: — сам справлюсь.

Перекинув через спину рюкзак вышел на улицу, позвав Кикимера, попросив его перенести меня на платформу. Кикимер, как всегда это бывало, расшаркиваясь и благодаря за помощь и выполненную волю его покойного хозяина, протянул мне руку и мы перенеслись на платформу. А там меня встречали Малфой и Тео, неподалеку стояли Блейз и Панси. И именно такой компанией шел в поезд, в поисках пустого купе. А у меня еще и разговор с Малфоем, который всем видом показывал, что хочет побеседовать со мной наедине. Не отказал блондину, а оставив вещи, шли к окну, туда, где нас не увидят и не услышат. Для надежности и Чары «Отвод глаз» повесили.

— Люсиан, я не буду требовать от тебя ответа, а поделюсь наблюдениями и выводами, — радовало, что Малфой головой думать умеет и способен не только требовать, а еще и спрашивать. А пока он делился наблюдениями: — начну с того, что я — слепой олух, — как самокритично, на него совсем не похоже, но все же его слова — мед в уши, — я должен был начать подозревать тебя в поттеровском прошлом с первого дня пребывания в школе, ведь сопоставь я два события: «Пропажа Поттера» и «Появление Эмье» раньше, пойми, что Поттер и Эмье один и тот же человек, этого разговора бы не было.

— Возможно, если бы был разговор, а требование, — улыбнулся, а Малфой мне в ответ. Определенно, общаться с таким Драко мне нравилось.

— Да, я должен был раньше заметить то, как ты смотришь на Уизли и Грейнджер, когда тебя никто не видит. В твоём взгляде тоска и грусть, иногда мелькают воспоминания, ты в них погружаешься, а еще боль и обида. Особенно после разговора в книжном магазине неделю назад.

— Боль и обида, пожалуй, это самые подходящие слова, именно это я и чувствовал в тот день. Слыша голос бывших друзей, наполненных ненавистью и злостью, как раскаленным кинжалом по сердцу. Что еще меня выдало?

— Твои привычки оставшиеся со времен нахождения под обликом Поттера: растирание переносицы, словно там были очки, а еще лба и щрама. И конечно манера держаться на метле. Уверен, сойдись мы с тобой за место ловца, в начале года, точно бы разглядел в тебе Поттера. Твой стиль не спутаю.

— Как и я твой!

— Раз мы все выяснили, и ты не отрицаешь то, что был Поттером, может, расскажешь мне полную хронологию событий? — спросил меня Малфой, а я не стал скрывать, заслужил.

Рассказывал все с самого начала, с жизни, когда я был Поттером. О десяти годах

проведенных у Дурслей в качестве домашнего эльфа, об одиннадцатом дне рождения и неожиданной новости: я — волшебник и буду учиться, как мама с папой в самой лучшей школе магии и волшебства Хогвартсе, при самом мудром и добром директоре и великом волшебнике Дамблдоре. Потом покупки, встреча с ним, с Дарко, дальше поезд и первый друг. Потом распределение и учеба. А так же приключения и первая победа над Темным Лордом.

— Так, стоп, — говорит Малфой, — какая еще победа над лордом?

— Профессор Квирелл был одержим осколком души темного лорда, и с помощью Квирелла пытался выкрасть философский камень, который хранился в школе, в подвале, в лабиринте с препятствиями. Мы с Роном и Гермионой прошли все испытания лабиринта и спасли камень, а я еще и лорда из Квирелла изгнал. Как? Понятия не имею. Какая-то защита и от соприкосновения моих рук с телом — Квирелл рассыпался, а осколок души улетел.

— Жесть! Дальше что?

— Второй год — это ваш домовик Добби, кототрый третировал меня весь год и устраивал ситуации, чтобы я в школу не попал, мол, там меня опасность поджидает. И папаня твой удружил, подкинул мелкой Уизли тетрадь темного лорда, в которой заключен еще один его осколок, — у меня спросили, что еще за осколки такие, ответил: — раздел темной магии, «крестражи» называется. Ритуальным убийством отрываешь кусок от души и помещаешь в предмет. Тетрадка и осколок души ей овладел и эта наивная девчонка открывала Тайную Комнату и напускала на магглокровок василиска.

— Так, погоди, — говорит Драко, — это на втором курсе не было!

— Не было, потому что второй курс я переживал второй раз, уже зная свою истинную личность, но не выходил из образа, чтобы не было подозрений, и не хотел, чтобы Уизли пострадали. Ведь последние недели перед школой я гостил у них. Если бы пропал — их бы по судам затаскали.

— И как так получилось, что ты второй курс дважды пережил? Что произошло? Скачок во времени или хороноворот? — спросил Малфой, а я рассказал то, что произошло на втором курсе, когда я не знал о том, что я — не Поттер. Продолжил рассказ о Джинни и тетради, как мы с Рном и Гермионой, попавшей под оцепенение узнали, что за монстр стережет Комнату и как передвигает по школе, о том, как открыл эту комнату с помощью парселтанга, и о том, как умер от взгляда василиска, скормив ему перед этим крестраж лорда. а потом о том, как встретил настоящего Гарри, живущего все это время за гранью. И он-то мне рассказал правду обо мне настоящем.

— Нереально просто! А вернулся как?

— Просто ушел обратно по коридору, по которому пришел. Гарри сказал, мое время не пришло, поэтому меня вернули, отмотав год назад к моменту, когда я жил у Рона в Норе. И первым делом я уничтожил тетрадь, освободив Джинни от влияния осколка, тем самым исправив будущее.

— А проучившись год — устроил шоу. «Поттер — пропал!»

Я не отрицал, говорил, что так было надо. В первую очередь мне, чтобы отомстить. Директор играл мной, устраивал спектакль за спектаклем, а по сути растил лишь для сражения с лордом, использовал, как карманного Героя, который в итоге умер или пропал, поэтому и я поиграю, спектакль, который мне помогли поставить Дурсли — выше всяческих похвал, отыграла на «Ура!». Был герой — нет героя. В глазах блондина плескалось несколько эмоций, и одной из них была злость на меня, за разыгранный для директора

спектакль. Он все понимал, это моя месть директору и всем его подпевалам за кражу личности и детства, но:

— Знаешь, Эмье, что я пережил, когда узнал, что Поттер или пропал или умер? — сжимая от злости кулаки, процедил Драко, — я готов был лично спустить шкуру с того, кто это все устроил. В том числе и с директора, который не досмотрел за Героем. Меня обуяла такая ненависть и гнев, думал, дементором обращусь, буду кошмарить всех и вся. А от тех эмоций, обратившихся бурей в душе, готов был выть и крушить все на своем пути. Но я тебя понимаю, и именно поэтому не проклинаяю.

— Спасибо тебе за это, Драко.

— Всегда пожалуйста, — говорит блондин, а потом протягивает руку, предлагает дружбу снова, уже без секретов: — Драко Малфой!

— Люсиан Эмье, — на этом наша с Драко разборка закончилась, он все, что хотел — выяснил, поэтому мы сняли Чары и разговаривали уже без них. А остался еще один вопрос: "Что делать с бывшими друзьями? Буду я признаваться в том, что был Поттером или нет?". спросил: — А как ты себе это представляешь, Драко? Я подхожу к Рону и Гермионе и как ни в чем, не бывало, говорю: "- Привет, Рон, привет, Герми! Я — был Гарри Поттером, но тут узнал, что я не Поттер, а Эмье, сын Пожирателя Смерти, которого вы ненавидите, и который убил Грюма...", так что-ли? — спросил у блондина.

— Но не страдать же по ним оставшиеся три года учебы?

— А мне ничего другого не остается, — сказал я.

— Значит, будешь смотреть и вздыхать, вспоминать о прошлой дружбе? — кивнул, подтверждая слова Малфоя. Меня назвали идиотом, махнули на меня рукой, добавили: "как хочешь", а потом мы вернулись к ребятам, и оставшееся время до школы провели в купе, дружным зеленым коллективом.

О том, что у меня миссия от Смерти и о том, что жить мне осталось всего три года от силы, говорить не стал по той же причине, лишняя информация. Даже если скажу, то Драко мне ничем не поможет. Перед Смертью отец и другие взрослые бессильны. Так что, меньше знают — крепче спят. Тот, кто должен знать — знает, а остальным не обязательно.

Отступление

... - как ты себе это представляешь, Драко? — говорил Эмье, — я подхожу к Рону и Гермионе и как ни в чем, не бывало, говорю: "- Привет, Рон, привет, Герми! Я — был Гарри Поттером, но тут узнал, что я не Поттер, а Эмье, сын Пожирателя Смерти, которого вы ненавидите, и который убил Грюма...", так что-ли? — спросил тот у блондина. А Малфой спросил с претензией:

— Но не страдать же по ним оставшиеся три года учебы? — Эмье лишь тяжело вздохнул и сказал обреченно:

— А мне ничего другого не остается.

— Значит, будешь смотреть и вздыхать, вспоминать о прошлой дружбе? — стоящий рядом парень кивнул, подтверждая слова Малфоя, что ему ничего другого и правда не остается, что гриффиндорцы не примут его, как Эмье и сына Долохова, какие бы между ними отношения в прошлом не были, для них он — отпрыск Пожирателя Смерти. На что блондинистый слизеринец махнули на Эмье рукой, добавили: "как хочешь", а потом они вернулись к своим в купе. А я шла к Рону и остальным, чтобы пересказать то, что услышала и увидела, а именно тоску и боль в глазах Эмье, такую же, как наша с Роном, когда мы узнали, о пропаже Гарри. И эта боль и тоска в его глазах настоящие. Этим я спешила поделиться с Роном и остальными Уизли.

Пришла в купе, пересказала все, что слышала и видела, а потом, вплоть до самого Хогсмиды мы обсуждали, что же это могло быть, подстава и разыгранный ими спектакль или же правда и откровения. Как сказали близнецы, от Малфоя и слизеринцев можно ожидать чего угодно. Они и правда могли разыграть перед нами этот спектакль, так, забавы ради. Но и исключать то, что Эмье — это Гарри нельзя. Есть много способов изменить внешность, как ритуалов, так и Чар. Так что мы договорились на то, что будем за Эмье в этот год наблюдать и искать повадки, привычки и манеры, которые напоминали бы нам Гарри.

На станции «Хогсмид» прошлись по купе, напомнили о мантиях, и предупредили первогодок, чтобы ждали нас у великана с фонарем. Как только приехали — вышли, всем составом старост помогли Хагриду рассадить младший. Потом разошлись по каретам. К нам присоединился Невилл, с каким-то странным цветком в горшке, а рядом с ним сидела странная девушка Полумна Лавгуд. Казалось, она смотрела не на нас, а сквозь нас, широко распахнув глаза. Она напоминала мне Безумного Шляпника из «Алисы в стране Чудес» Ее мутно-голубые радужки, слегка повернутая на бок голова, спадающие по плечам пепельные пряди и улыбка с нотками безумия, так и задавал образ Шляпника. Только головного убора и не хватало.

Когда приехали и пошли в школу, видела Люсиана. Он спокойно шел со своими однокурсниками и разговаривал, в основном с Ноттом и Малфоем, на груди которого поблескивал значок старост, как и у нас с Роном. Зашли в Большой Зал, расположились по лавкам за столами и ждали распределения первогодок. И не могла не заметить странную мадам в розовом, пушистом костюмчике, сидящую рядом с профессором Макгонагалл. Ее маленькие глаза-бусинки — напрягали и нервировали, а весь ее образ, говоривший о ней, как о доброй и приятной леди — казался ширмой, которая скрывает за пушистым, розовым костюмом адскую фурию или цербера, готового вцепиться в глотку и перекусить хребет в

мгновение ока. Жуть, а не ощущения. Надеюсь, я ошибаюсь, и леди в розовом будет такой же плюшевой и теплой, как ее костюм.

Люсиан

Дама в розовом — это нечто!

И я не восторгаюсь ей, а ужасаюсь. Это же надо быть такой гадкой и мерзкой!?! Мило улыбается, тихо и спокойно говорит, уважительно обращается, но готова всех детей и профессоров заодно к дементорам на свидание отправить. За что? А просто потому, что не придерживаются ее взглядов и учат магии, во всех ее аспектах, как боевой, так и защитной, готовят волшебников, а не бездумных болваничиков, которыми легко руководить и управлять. А вместо того, чтобы отбивать марш и чеканить стихотворное приветствие министру Фаджу, поклоняясь ему восторгаясь им, и его правлением — мы все его осуждаем и ждем, когда его срок на посту министра закончится и место займет другой достойный поста волшебник.

— Это жуть, а не дамочка! — возмущалась Панси, вспоминая наш сегодняшний урок по ЗОТИ. С ней согласны все ученики, от первого до седьмого курса. А сделать мы ничего не можем, лишь терпеть и ждать конца года, надеясь на то, что она, как и все предыдущие профессора по ЗОТИ на этом месте не задержится.

— Улыбаемся и терпим, — говорит Пьюсии, — а то пополним ряд наказанных учеников. Слышал я от пуффов о е методах. Кровавое перо, — спросили у него, что это за перо такое. Ясное дело — темный артефакт, все что с кровью связано, то темное и запретное. Но как оно работает, вот в чем вопрос. И как оказалось: — тебе дают свиток и это самое перо, говоря: «- пишите и узнаете», а когда наказанный скребет по пергаменту, каясь в своем прегрешении, то проявляется надпись, как на свитке, так и руке, которой пишут. Остается шрам, который не сводится даже зельями и мазями декана.

— Потому что это шрам от артефакта, — сказал я, — этот как шрамы от проклятия, их не свести зельями и мазью. Они наносятся не только на тело, но и на душу, ауру и волшебную составляющую, — на взгляды слизеринцев, ответил: — папа рассказывал, и старик, у которого я комнату снимал.

— Все так, как вы и сказали, мистер Эмье, — сказал декан, заходя в гостиную, — свести такие шрамы трудно, но не невозможно. Нужно исцелять сразу три составляющие одновременно: тело, душу и ауру. И если тело и магию восстановить и исцелить можно, то ауру восстановить могут только Высшие Сущности.

— Значит, она калечит детей на всю жизнь? — спросила Панси. Увы, это так. И единственное, что мы можем сделать, это не попадать к ней на отработки и постараться защитить от нее младших, в крайнем случае, взять наказание на себя. Короче, не год — а Преисподняя, с Жабой в качестве надсмотрщика, мастера пыток и палача в одном лице.

Именно так и прошло три месяца. Жаба почти захватила школу, вытеснив директора, получив от Фаджа дополнительные полномочия, став генеральным инспектором Хогвартса. Каждые две недели выдавал что-то новое, вешая и вешая свои указы-директивы на стене. То ей вздумалось устраивать личные приватные беседы со студентами факультетов, как с младшими, так и со старшими, выпытывая информацию. То она ужесточила форму и удлинила девочкам юбки до середины икр. Одной из последних вышла директива, запрещающая парочкам сидеть по углам или около окон и просто общаться. А потом начались проверки профессорского состава. Она была на каждом уроке и мозолила глаза,

давила на нервы и вызывала желание, особенно у декана опрокинуть ей на голову чан с зельем. А последней гадостью от нее стала мерная рулетка, которой она измерила рост профессора Флитвика. Уронить ее с башни Астрономии мечтали не только студенты, но и профессора. Директору же было все равно. Лишь когда выгоняли профессора Трелони из школы, он высказал свое мнение. И снова с вое логово, ждать конца года и увольнения Амбридж с поста профессора.

Раз мы все пережили, вынесли и выдержали, значит, переживем и вынесем то, что придумает ее дурная голова в будущем. Видеть ее баракудную улыбку осталось каких-то пять с небольшим месяцев, а потом закончится учебный год и Жабы в Розовом не станет, она вернется под крыло к своему обожаемому министру. Нас ее внимание не касалось, обходило стороной желания с нами пообщаться в приватной обстановке. А то, что бесит ее пушисто-розовый вид, широкая улыбка до зубов мудрости, и не скрываемые мечты нам всем головы откусить — ладно. Повторюсь — переживем и потерпим.

И все бы ничего, учился так и дальше, забот и проблем не зная, на розовую Жабу внимания не обращая, если бы не бывшие друзья, мать их за ногу, устроившие за мной пристальное наблюдение и слежку. Не знаю, их это инициатива, или кто подсказал, но меня это жутко бесило и нервировало. Куда бы я ни пошел, где бы ни оказался и с ними ни пересекся, всюду вижу их пристальный, внимательный взгляд. Хотелось подойти и высказать все, что клокотало внутри, но я молчал и старался не обращать внимания, а Тео и Драко советовали:

— Подойди и скажи им пару ласковых. Выскажи все, что накипело за это время. Вижу, — говорит Драко, — как тебя корежит от их взглядов и постоянного, пристального внимания.

— Скажи им все то, что на душе, что думаешь о них и их задании, глядишь и отстанут, — говорит Тео, чуть ли не толкая в сторону гриффиндорцев. На что я слал его и Драко лесом, отвечая:

— Не уж. Плевать, на них, на их задание и нанимателя, переживу. Еще немного и домой к отцу поеду. Каникулы скоро, а с ними и Рождество. Отвлекусь. К бабушке и дедушке во Францию сгоняю, невесту навещу, — на этих словах парни хихикали, а Панс подбадривающе похлопывала, мол, молодец. Так держать. В общем, есть о чем думать помимо друзей и их за мной слежки.

Люсиан

Бесит! Как же меня все бесит!

Виноваты бывшие друзья и их ко мне не прекращающееся пристальное внимание, ради того, чтобы выведать тайны и секреты. А еще бесят их переглядывания друг с другом и перешептывания. Словно они придерживаются какого-то плана. Думал, они со мной и в душ готовы ходить, лишь бы я не терялся из виду. Драко предполагает, что они меня в чем-то подозревают, а у Тео другое предположение, что бывшие друзья, как и он с Драко увидели в моих повадках или привычках что-то знакомое, напомнившее им Поттера. Только гриффиндорцы, в отличие от слизеринцев не умеют вести наблюдение незаметно, и все тайное становится явным. Мне же было плевать, подозревают ли они меня, или же ищут что-то поттеровское, хотелось ходить и не оглядываться. Не ощущать на спине или затылке их пристальные взгляды.

— Наконец-то!

Вот что я сказал, когда закончилось полугодие, и нас отпустили пол домам на Рождество. Полугодовые экзамены сданы, результаты получены и можно смело сказать, в академию я поступлю, если вдруг решу бросить школу после этого года. А пока мы с друзьями заняли свободное купе и ехали по домам. Рождество в семейном кругу — это то, о чем я желал, сколько себя помню. И вот, уже второй год я справляю этот праздник с отцом и навещаю бабушку и дедушку. Думал, так будет и в этот год, но нет. Об этом узнал дома, когда отец встретил меня, накормил и озвучил планы на каникулы, а точнее на следующий вечер после Рождества.

В этот год планы на каникулы претерпят некоторые изменения. Мы навестим стариков Эмье, но перед этим меня познакомят с Рыцарями. Особенно рьяно со мной хочет пообщаться некая Беллатрикс Лестрейдж, она же родная тетушка Драко, а еще она ярая последовательница Лорда и ей хотелось бы услышать от меня историю о миссии Смерти, возможно, даже подержать в руках кулон, с осколками души милорда. Не отказал, но отец меня предупредил:

— Люсиан, она немного не в себе, — говорит он, — она и так была не стабильна рассудком, Блэки все такие, но кто-то может держать себя в руках, как Нарцисса, Регулус и его братец Сириус, а такие, как Беллатрикс не может.

— С чем это связано? Проклятие?

— Скажем так, это влияние темной крови и магической составляющей, а так же ее концентрации. У Нарциссы и Регулуса концентрация тьмы и темной, магической энергии в крови меньше, чем у Беллатрикс. И они, в отличие от нее не практиковали темные искусства и не применяли Непростительные направо и налево. Так что... — сказал отец, а я понял, что с этой Беллатрикс нужно держать ухо в остро. Пообещал вести себя с ней как можно незаметнее. О миссии расскажу, кулон с кусочками души покажу, если надо, даже клятву дам, что я собираю осколки не по своей прихоти, а по велению Смерти. На что отец, опустив руку мне на плечо, сказал: — молодец, — и мы разошлись по своим комнатам. А завтра, как только разделаемся с подарками и праздничным обедом, перенесемся камином в Малфой-менор. Папа сказал, что я там буду не один подросток и отпрыск Рыцарей, к нам присоединятся Тео и Драко, возможно Панси и Блейз. Был рад, и с этими мыслями закрыв

газа — уснул.

К назначенному времени мы с папой переступили камин и оказались в меноре Малфоев. Нас встречала хозяйка дома. Леди Нарцисса, как и говорилось о ней в сводках леди Британии одна из красивейших женщин. Утонченная, элегантная, изящная, притягивающая взгляд. Люциусу определенно повезло сочетаться браком с такой женщиной, как леди Нарцисса. Пока отец разговаривал с хозяином дома, я искал Драко и Тео, но не видел их. Зато увидел ту, о ком мне рассказывал отец — Беллатрикс Лестрейдж. Не высокая, миниатюрная, с густой копной кудрявых, черных, как смоль волос, в которых переливались серебром седые прядки. Она танцевала, кружилась, веселилась, и громко, заливисто смеялась. Готова была каждого взять под руку и увести в танец, под одной только ей известную музыку. Но когда увидела меня, тут же подошла, пристально на меня посмотрела, склонив голову набок, распахнув еще шире глаза, спросила:

— Кто ты, мальчик?

— Люсиан Эмье, — легкий поклон, и тут же бьет по ушам ее залиvistый смех, потом меня берут за руки и начинают кружить по залу. Не могу отказать, чтобы не нарваться на неприятности. Поэтому увожу безумный танец Беллатрикс в вальс, а когда мелодия в моей голове заканчивается, оказываюсь около отца и лорда Нотта и Малфоя, благодаря: — леди Беллатрикс, спасибо за танец.

— Люси, какой же ты милый, — и снова безумно улыбаясь и хохоча уходит к другим гостям дома Малфой, а я стою и не могу понять, показалось мне или нет. меня назвали Люси. Смотрю на отца и Люциуса, мой вопрос поняли, и посочувствовали, сказав:

— Прими, как данное, — говорит лорд Малфой, — я — Лютик, Нарцисса — Цветочек а Дарко — дракошик. Даже Антонину не удалось избежать участи быть ей названным. И он — Тотошка.

— Жуть, — сказал я, уходя к друзьям, которых увидел. Шел к Тео и Драко, в надежде, что они не слышали слов Беллатрикс, как и ее ко мне обращения. Но, увы. Стоило мне подойти к друзьям, как они оба, в один голос назвали меня: «Люси!». На что я мило улыбнулся и назвал блондина Дракошиком, а Тео пообещал устроить подобное знакомство с переименованием. Спросил: — Надо? Могу позвать леди Беллатрикс, — повернулся в поисках танцевавшей и звонко-смеющейся леди.

— Нет. Не надо, — говорит Тео.

— Мы не будем называть тебя Люси, — пообещал Драко, уточняя, — в школе.

— Предупреждаю, — говорю, — если кто-то проболтается и назовет меня этим именем, узнает мой гнев! — пообещал, а меня услышали. На этом тему закрыли. Разговаривали о планах на каникулы. У меня все так же, у бабушки и дедушки Эмье с папой погостим и потом вернемся домой. А там и в школу, к обнаглевшей Жабе, ее директивам и пристально-следящим за мной друзьям.

Когда время празднования подходило к концу, и нам с отцом пора было возвращаться, меня в сторону отозвала леди Беллатрикс, устроив допрос. Как и говорил отец, а точнее предупреждал, ей было необходимо услышать от меня правду о миссии от Смерти. Чтобы доказать свои слова и убедить леди, снял с ши кулон и протянул ей, сказав:

— Леди Беллатрикс, — держал кулон за шнурок, — вы можете почувствовать ауру и

магическую энергию милорда. Я собрал уже четыре осколка. Осталось два и душа лорда будет восстановлена.

— Милорд, — шепотом произнесла женщина, ее руки дрожали, но на губах та же безумная улыбка, глаза сверкают россыпью звезд, а по щекам текут дорожки слез, — милорд, — снова шепот и кончики длинных, тонких, бледных пальцев, проводят по кулону, по каждому, изгибу, линиям и начертанным на круге рунам. Она верит и говорит: — Люси, ты меня не обманываешь. Я чувствую душу и магию милорда, он и правда там, — показывает на кулон, а потом склоняется к моему уху и говорит: — у меня есть еще один осколок его души.

— Если вы мне его отдадите, леди Беллатрикс, то я буду вам безмерно благодарен, — она подтвердила слова о том, что отдаст, на благо милорда и его скорейшего воскрешения, — леди, кулон сливает части воедино в течение года. Больше одного осколка в год добавлять нельзя, иначе произойдет отторжение, и осколки снова разлетятся по всему миру.

— Значит, когда подойдет время, Люси, ты дашь мне знать и я принесу тебе вещь, в которой хранится часть души милорда, — а потом она от меня отошла, резко взмахнула рукой с зажатой в ней палочкой, невербально произнесла какое-то заклинание и меня обдало порывом ветра, а буквально через несколько секунд по плечам посыпались мои светлые пряди, сопровождаемые смехом леди. На меня и Беллатрикс смотрели все те, кто остался в меноре и еще не переступил порог камина. Отец стоял в шоке и просто смотрел на меня и падающие локоны, как и лорды Нотт и Малфой. Но в большем шоке пребывала хозяйка дома:

— Белла! — кричит леди Нарцисса, — что ты натворила?! Зачем? — а я спросил, что именно со мной произошло и почему посыпались мои волосы. Провел рукой по волосам и замер. От прежней длины, достояющей до середины спины, они стали едва касаться плеч. Каре, вот что мне сделала Беллатрикс. Нарцисса подошла ко мне, достала из рукава платья палочку, направив на меня, предлагала все исправить, говоря: — Люсиан, я помогу вернуть длину... — но я тряхнул головой и короткими волосами, сказав с улыбкой:

— Ничего, леди Нарцисса, так даже лучше, — да, мне нравились мои длинные волосы, но так легче, и за хвост, если что никто не схватит и скальп не снимет. Подошел к леди Беллатрикс и взяв ее руку, поблагодарил: — спасибо, леди Беллатрикс, — на что мне сказали:

— Зови меня тетушка Белла, Люси, — не отказал, назвал тетушкой Беллой, а под смех Драко и Тео, которые продолжали одними лишь губами произносить мое имя, как Люси, шагнул в камин следом за отцом. То, что мне постригли — не беда. Отрастут. Дело нескольких месяцев, если использовать настойки и зелья. Зато у меня есть перспектива заполучить еще один осколок лордовой души не напрягаясь. А ценой за эту возможность стали волосы.

— Да, ты определенно понравился Белле. Обычно это заклинание рассчитано на то, чтобы располосовать противника в лоскуты, а тебе же досталась лишь ее легкая версия, парикмахерская, — улыбнулся отец, спросив: — ты сам-то как?

— Нормально, — все еще привыкая к короткой стрижке, — переживу и привыкну. Лучше скажи, наши планы не поменялись? К бабушке и дедушке погостить переместимся? — отец сказал, что я могу погостить, а вот у него не получится. Они с Рыцарями будут заниматься своими обязанностями. Сталкиваться с Орденом и его главой не

собираются, но дела задумали серьезные. Явно что-то с лордом и его возвращением связано. Я не спорил, ему виднее. Не уверен, что лорд воскреснет, Смерть с него за все спросит, и не факт, что позволит переродиться. Но, кто знает...

Люсиан

Оставшиеся дни каникул, которые я провел у бабушки и дедушки прошли в домашней обстановке, без выездов и гостей. Меня посвящали в семейные переплетения и традиции, рассказывали о моих несколько раз «пра» бабушках и дедушках. И моя родня поразила и удивила. Магия Иллюзий, которую я унаследовал от мамы досталась нам от далекого предка по бабушкиной линии. По словам несколько раз прадедушки он женился на фейри или фее, из клана, как раз владеющих магией иллюзий. Но бабушка не знала, правда это или нет. А спросить уже не у кого. Так что это остается семейным преданием и почти что легендой.

Несколько раз к нам присоединялся отец, но так как он был занят, мы с ним могли лишь обсудить дела, творившиеся в Англии. А творился полный кошмар. По словам отца и их с Рыцарями предположению, Альбус готовится к войне с Пожирателями, то есть Рыцарями. Активно натаскивают в этом один из элитнейших отрядов Авроров, которым заведовал еще Грюм.

— А Избранный? Кто эту самую доблестную армию против вас поведет? Не просто так же ты мне все это рассказываешь сейчас, а не по возвращению в Хог? Явно что-то еще.

— Ты прав, сын, — отец был хмур и сердит, а причина: — у них новый избранный, а Поттера они официально похоронили. Заявили, что Герой погиб от козней Псов, передав эстафету героя Невиллу Долгопупсу, — вот честно, я не выдержал и заржал, готов был под стол от смеха скатиться. Бабушка спросила, что я такого смешного услышал, надо нового героя оплакивать, а не смеяться над ним. На что я сказал, стирая слезинку: — ба, я не над Невиллом смеюсь и не над ситуацией, а над Альбусом и его большой фантазией. Долгопупс и война, два несовместимых понятия. Невиллу бы в земле копошиться, удобрения для цветов придумывать и с этими же самыми цветами и обниматься, а не с Рыцарями сражаться. Он — ботаник, и это не оскорбление, а факт. Невилла мне жаль, как у папы на родине говорят: «Мир праху» или «Землю пухом».

— И ничего нельзя сделать, чтобы парня спасти?

— Понятия не имею, что тут можно сделать, — развел руками, — им бы помог бывший герой и избранный, но я им становиться обратно не собираюсь, — говорю родным.

У самого же зреет мысль: «А не разыграть ли спектакль?». Прийти к Альбусу глубокой, темной ночью, напустив на него самую мощную в моем исполнении иллюзию. Призрачный Гарри Поттер — думаю, директор оценит мои труды и старания. Предложу эту идею друзьям и отцу, когда будем дома. А пока попрощался с бабушкой и дедушкой, побывав в объятиях каждого, обещая навестить их летом. И мы с папой шагнули в камин и оказались дома. Провели еще один семейный вечер с ним, за ужином и разговорами о проведенном времени.

Отец рассказал, что новоявленный герой и избранный, помимо поста-эстафеты избранного еще и пророчеством личным обзавелся. Мол, Треллони два пророчества произнесла, об одном избранном и о другом. Тут у меня появился вопрос относительно директора:

— А не охренел ли он часом, играя судьбами Невилла и Гарри? То одним воспользуется, Избранным и Героем назовет, под Аваду подставит, то второго, домашнего, не приспособленного к сражениям цветочка. И куда его бабушка, почтенная леди Августа

смотрит?

— В рот Альбусу, — говорит отец, — она фанатичная последовательница и член Ордена Феникса. По ее же указке, покойные Френк и Алиса были такими же последователями директора, готовыми пойти за ним в огонь, в воду, через медные трубы. И оказались в психиатрическом отделении в состоянии овоща. А все из-за своей слепой веры и ненависти к нам, последователями лорда.

— Да, печально. Тетушка Белла лишилась ребенка и душевного спокойствия, а они своим поступком отобрали будущее у своего сына, четы Лестрейдж, а сами лишились разума, став балластом на руках Невилла, — отец со мной согласился, что слепая вера и правда ужасна. И поступкам, ей ведомой, нет оправдания. Слепота, она и в Африке слепота, как папа говорит.

На этой ноте отец отправил меня спать. Ведь уже завтра я вернусь в школу. А с привычными уроками придет и терроризм дамы в розовом. Как хотелось что-то ей подлить или подсыпать, чтобы не видеть этих глаз-бусин и улыбки до зубов мудрости. Но, увы, декан придерживается нейтралитета в этом противостоянии директор-мадам. И с нас того же требует. Мы стараемся, правда, но терпению, даже ангельскому или наоборот дьявольскому, всегда наступает конец. Достигнет точки кипения — все, поминай, как звали. И у каждого точка своя. Поэтому ждем и верим в то, что до точки и ручки мадам Амбридж нас не доведет.

Вернувшись в школу, пройдя в гостиную факультета, первым делом был обласкан вниманием Панси. Девушка подошла ко мне, прижалась, обвивая руками шею шепотом, в ухо, назвала: «Люси». Спросил, откуда или от кого она слышала это сокращение моего имени, сказала, что от отца. Он был на приеме Малфоя и все что она пропустила, ей пересказал. Девушка гостила у родни на Рождество и не смогла к нас с Тео и Драко присоединиться. И была расстроена. Посмотреть на наш с тетужкой Беллой танец ей бы хотелось. Я же попросил девушку, чтобы она не произносила мое имя в этой форме.

— Не нравится?

— Нет, я прощаю это обращение лишь одной леди — это тетужке Белл, остальным будет или больно, — потом задумался, добавив, — или очень больно, так что не стоит называть меня так. — Все стоящие, слышавшие наш с Панси разговор — согласились. И называть меня будут только Люсианом. За это был благодарен.

Чтобы скоротать время перед отбоем, а до сна еще два часа ушел в библиотеку, хотел поискать информацию по роду Эмье, правда ли у нас в роду по бабушкиной линии есть фейри или феи. Мадам Пинс была крайне удивлена запрашиваемой мной информации, поинтересовалась, с чего такой интерес. И я пересказал ей легенду семьи, что Дар Иллюзий достался нам от фейри или фей иллюзорного клана. Мадам не обещала что-то конкретного, но ушла за книгами.

А я шел к своему любимому месту, за которым сидела девушка с Когтеврана. Длинные, светлые волосы, узкое лицо, бледная кожа, небольшой, аккуратный носик, тонкие губы, заостренный подбородок, но привлекали внимание ее серо-голубые глаза, которые видели все и одновременно ничего. Она смотрела в одну точку и при этом что-то писала, быстро передвигая перо по пергаменту. Хотел пересесть, как она сказала:

— Люсиан Эмье, — не вопрос, а факт, — я — Полумна Лавгуд, — представилась

девушка, а потом сказала: — рада, что ты стал самим собой. И жаль, что гриффиндорцы не видят того, что вижу я, — сделал вид, что не понял, как она добавила: — и как жаль, что они ввязались в опасное дело, из которого ничего хорошего не выйдет. А еще и Невилла в это втягивают.

— При чем тут грифы? С чего ты взяла, что мне до них есть дело? — продолжал уверять ее в том, что мне на алых львов плевать, я — змей, а они мне ни разу не друзья. А так и было. Считать их друзьями перестал, своими преследованиями и наблюдениями они меня до бешенства довели. И то, что им грозят какие-то неприятности, меня не касается. У них есть тот, кто поможет, подскажет и направит.

— Ты держишь обиду на некоторых гриффиндорцев, в твоём сердце и душе гнев — они заслужены. Но твои мозгошмыги, как только услышали о неприятностях — активизировались, — улыбаясь, говорила она, а я продолжал делать вид, что ее слова о гриффиндорцах меня не волнуют, а еще хотел узнать, что «мозгошмыги» такие. Она продолжила: — всему свое время, Люсиан.

— Возможно...

— И мне нравится твоя прическа, каре тебе идет, Люси, — не успел слова сказать и возмутиться, как она ушла, а я стоял и смотрел на мадам Пинс, держащую книги и улыбающуюся. Она назвала меня Люси лишь губами, а я, забрав книги, рыкнул и сел на свое любимое место. Зараза! Ну, тетушка Белла! Удружила!

26 глава «Кружок по ЗОТИ, разговор с Невиллом и новая директива Жабь»

Люсиан

Вердикт декана, что: — «Гриффиндорец — это диагноз!» чистая правда. Не успел я начать думать, как помочь Невиллу не ввязываться в противостояние Ордена и Рыцарей, так новая проблема нарисовалась. Этот умник, который Невилл, под натиском и активными уговорами моих бывших друзей: «ты должен!», «теперь ты избранный!», «Эта дань памяти Гарри!», которые так же, как и многие были возмущены манерой обучения Амбридж, решили создать свой собственный кружок по ЗОТИ. Набирали желающих в трактире «Три метлы», агитируя вступить в группу, чтобы бороться с методами Амбридж, быть готовыми к любым неприятностям, а еще сражаться с Пожирателями, отомстить за Гарри. И конечно, во главе стола сидел Невилл, который всю эту белиберду в уши присутствующих вливал.

— Это же идиотизм! — ругался Драко, сидя на своей кровати, жестикулируя в такт словам, а Тео его поддерживал, но без жестов, говоря:

— Гриффиндор — этим все сказано! — не мог не согласиться. Говоря, что все это не просто так в головах Рона и Гермионы поселилось. Что из их ушей торчит борода директора Дамблдора, звеня колокольчиками. Тео не отрицал, что виноват во всех этих играх и ходах директор, спрашивал о том, как быть и что мы можем в такой ситуации предпринять: — мне, конечно, плевать на Долгопупса и всех гриффиндорцев, у меня нет с ними общего прошлого, как у тебя, Люсиан. По сути, это их проблемы, раз такие доверчивые идиоты, просто не хочется быть еще и сыном детоубийцы. Как и вам всем, я в этом уверен. Ведь столкнись Рыцари и Орден, первыми в бой пойдут не старшие, закаленные боями и сражениями авроры и орденцы, а самые горячие — гриффиндорцы. С девизом на надгробном камне: «Дорогу молодым!»

— Попробую поговорить с Невиллом, пока все не зашло слишком далеко. Если не услышит и пошлет, использую его подруг, которая меня во все это втянула. Пусть она до него информацию доносит. Если и это не поможет, и Полумна до него не достучится, то мне останется только поминальную службу заказать и мемориальную надпись: «На всю голову гриффиндорец!».

— Думал, у Долгопупса мозг есть, — говорит Драко, — или хотя бы чувство самосохранения, — разочарованно, — а оказалось, что даже в таком гриффиндорце, как он есть лев. И где только храбрости набрался? — риторически спросил Драко.

Естественно все ноги ведут к директору. Явно Невиллу кто-то, что-то наговорили помимо призывов на борьбу за добро и справедливость. И этот кто-то — директор. Он умеет промывать мозг, промывальщик со стажем. Но знание того, что Альбус просто-напросто натравливает Невилла и бывших друзей на Рыцарей нам никак не поможет. Это просто знания. Надеюсь, я смогу донести до Нева эту мысль. Не хотелось бы видеть смерти его и Рона с Гермионой, как и всех тех, кто на их агитацию повелся. Должны сражаться взрослые, а не мы ученики.

Именно эти фразы я и прокручивал в голове, пока искал Невилла в привычных для него местах: в парниках профессора Стебль, у Хагрида, а нашел в библиотеке, в окружении гриффиндорцев и всех тех, кто согласился вступить в кружок. Только хотел отозвать его и пообщаться с ним, сказать все, что в мыслях вертелось, но, увы, мне даже подойти к нему не

дали, и его ко мне не выпустили, загородив собой, Рон и Гермиона, а так же близнецы, по очереди говорили:

— Что надо, Эмье? — сказала Гермиона, стоя перед Невом, уперев руки в бока. К ней подключилась Джинни, так же, как и Герми, защищала парня, только она готова была, как Рональд рукава рубашки закатать и кулаками меня от Героя и Избранного отвадить. Говорила она — крича, на грани дозволенного в библиотеке:

— Невилл с тобой никуда не пойдет! — а потом и близнецы подключились, встав на защиту Долгопупса. Подошли, смерили презрительным взглядом, нависая и возвышаясь надо мной на целую голову, сказали:

— Вали туда, откуда пришел!

— Нечего Герою с Пожирательским отродьем связываться! — на все их слова лишь улыбнулся, мне было и правда смешно, а еще обидно. Меня так никто не защищал и не оберегал. Я был обычным учеником, как и все, без охраны и защитников под боком. Не стал лезть в бутылку, а просто махнул на них рукой.

— Ух, как у вас все запущено! Печально и смешно одновременно, — расстроено сказал я, уходя к себе в гостиную, а через плечо обратился к Невиллу, зная, что он меня слышит: — если избавишься от надсмотрщиков, найди меня, нам есть что обсудить. Одна Луна нам путь озаряет, — надеюсь, он меня понял и услышал. А если нет, то сделаю так, как и планировал, закажу ему поминальную службу, венок и мемориальную надпись. А еще обязательно речь похоронную подготовлю, такую, чтобы у всех слезу прошибло. Уверен, Драко и Тео мне в этом непременно помогут.

— Эмье, стой! — слышал за спиной голос Долгопупса. «Да, ладно!» — вот что хотелось сказать, когда увидел его одного, бегущего за мной через коридор. Не смог не улыбнуться, даже не так, оскалиться. Понял слова о Луне и разогнав своих соглядатаев побежал ко мне. Вау!

— Стою, — говорю, и не могу сдержаться, спросил: — где своих надсмотрщиков оставил? Неужели не страшно с отпрыском Пожирателя смерти в одиночку общаться? — на что Невилл подошел, взял меня за воротник рубашки и оттащил к окну, требуя говорить то, что хотел.

— У тебя пять минут, Эмье! Говори! — а я поднял руки в жесте: «Сдаюсь!» и попросил отпустить мой воротник, меня отпустили, а я достал палочку. Долгопупс напрягся, а я всего лишь произнес чары от прослушивания и еще вплел клятву истинного слова. На эти чары Невилл отреагировал удовлетворительным кивком и слушал все, что я ему говорил:

— Значит так, Долгопупс. Слушай и решай, надо тебе это или нет. Хочешь ты такой же, как у Поттера участи или нет. Слушай и не перебивай. Поттера убили не Пожиратели смерти, а сам Воландеморт, — от имени он вздрогнул, — страшно, а герой, — не смог не съязвить, — Поттера нет с 81 года, умер, как и его родители в Годриковой впадине.

— Врешь! — прошипел не хуже змеи Долгопупс, а я напомнил о клятве истины, вплетенных в чары от прослушивания. Понимая это, у Невилла возник вопрос: — а ты откуда это знаешь, Эмье?

— У меня свои источники, и они не врут.

— Допустим, ты говоришь правду, и Гарри погиб еще тогда, в 81 году, тогда в школе, первые два курса, кто это был, если не Гарри? Актер? Или... — задумался Невилл, а потом смотрит на меня и говорит: — двойник, он стал символом света и добра, — шептал Невилл себе под нос, — и все ради того, чтобы в определенное время исчезнуть и сделать этим

символом меня, — не думал, что мои слова выведут его на такие мысли. Но по мне, так даже лучше. Не стал отрицать, а сказал, что ему нет нужды во все это ввязываться, раз никакой эстафеты Гарри ему перед смертью не передавал и тутом Героя не награждал. Нев был со мной согласен, — ты прав, Эмье. Героем я не буду, — выдохнул, мол, теперь у группы по ЗОТИ на одного участника меньше будет. Да не тут-то было: — но я все равно должен научиться магии, — я спросил его зачем, ведь до этого ему это было без надобности, как оказалось: — хочу вызвать на дуэль Беллатрикс, и отомстить за родителей, за то, что пытками довела их до безумия.

— Это месть тети Беллатрикс твоим родителям за то, что довели ее до выкидыша! Они напали на нее, двое на одну, в собственном доме, — выплюнул, потом добавил, — нападать на беременных или защищающих своих детей, как по-гриффиндорски!

— Она — Пожирательница! — рыкнул Нев.

— В первую очередь, она — будущая мать, была. И на последних месяцах в боях и сражениях не участвовала. Я не отрицаю ее вины, тетя Беллатрикс творила непозволительные вещи во благо лорда. Но она в любом случае понесла бы наказание за грехи. Но ребенок не виноват в том, что мать и отец выбрали служение лорду и стали его последователями. И ему, находящемуся в утробе глубоко пострать кто на чьей стороне сражается, ему бы дожидаться момента и родиться, но нет...

— Мне-то какое дело дот отпрыска ведьмы? — спрашивает Долгопупс.

— Просто представь, что ребенок был бы жив. Он мог бы учиться с нами, вместо этого, он лежит в сырой земле, не рожденный, а выброшенный организмом от стресса и перегрузки. И да, тетя Беллатрикс могла бы и тебя запытать или убить, на глазах родителей, отомстить, так сказать за своего умершего ребенка. Но она тебя не тронула.

— И что? мне теперь ей «спасибо» сказать за то, что я жив остался?

— Нет, просто подумай и скажи, правы были твои родители или нет, когда напали на беременную? Прав ли был Грюм, когда ради победы над отцом держал на мушке мою мать, защищавшую меня? И так ли светлы и добры поступки Ордена, как они об этом говорят? — сказал я, снимая чары, уходя к себе в комнату. А Невилл так и стоял у того окна, гоняя в голове мои слова. Надеюсь, до него что-то, но дойдет и он что-то поймет.

А кружок по ЗОТИ набирал обороты. То там, то тут слышал шепотки учеников, произносящих заклинания, отрабатывающих махи и движения палочками. Чаще всего, это происходило на уроках Амбридж. Ее это бесило, накаляло и распаляло чрезмерную подозрительность. Она стала активнее за этими студентами следить. Отработок и наказаний стало больше. Но и это ей не помогло. Жаба злилась, брызгала слюной и гототва была всем во время обеда подлить сыворотку правды, лишь бы вызнать и поймать заговорщиков и нарушителей. Но, у нее нет на это полномочий. Ей только и оставалось, что следить и всех подряд подозревать.

И это состояние накалилось до предела. Под критерии подходили практически все. Кучкующиеся по библиотекам и заброшенным кабинетам ученики, группы ребят, собравшиеся вместе по интересам, и просто друзья, планирующие походы в Хогсмид, подогревали ее подозрения в заговоре, и не важно, что скрытых мотивов не было. Она везде видела угрозу, грозящую министру и его власти. По ее мнению, даже ученики, объединившиеся для проектной деятельности, сколачивают группу, которая свергнет Фаджа.

Итогом этих подозрений и сдвинутой по фазе черепной коробке, Амбридж была выдвинута новая директива, запрещающая собираться группами более двух человек.

А еще отменили квиддичные матчи. Ведь матч — это массовое скопление народа, заговорщики народ хитрый, они воспользуются матчем, рассядутся по трибунам болельщиков, и будут плести заговоры там, делая вид, что смотрят матч. Так что матерись не матерись, проклинай не проклинай, а исход один — диагноз! И нам ничего не оставалось, кроме как принять факт и скрипя зубами ждать конца года. А он не за горами. Осталось три месяца, а потом экзамены и каникулы.

27 глава «Пророчество, Отдел Тайн и ловля на живца»

Жаль, очень жаль, что мои слова до Долгопупса так и не дошли. Он как состоял в кружке, так и состоит, как носил титул Героя и Избранного, так и носит. По словам Луны, которая стала моим информатором, Невилл пользуется директором и знаниями Рона и Гермионы в боевой магии для того, чтобы свершить свою месть и столкнувшись в будущем с Беллатрикс — убить ее, отомстив за родителей. Луна, как и я, пыталась раскрыть ему глаза на истинную расстановку сил, говорила, что тетя Белла ему по зубам и даже если он выучит все заклинания и чары, то не сможет ее одолеть, потому что опыта у него нет, и безумием он не охвачен. В общем Невилл непреклонен и настаивает на своем.

— Люси, — шепот Луны на ухо, — у нас проблемы, — говорит Луна, присоединяясь ко мне и друзьям, садясь за наш стол в библиотеке. Спросил, на что подписался Невилл в этот раз, оказалось: — пророчество. Его уверовали в то, что Пожирателям нужно пророчество о мальчике-герое, способного противостоять Темному Лорду, то есть о нем. Ведь директор на всеуслышание заявил о том, что Треллони произнесла два пророчества и о Гарри и о Невилле.

— А я при чем? — спрашиваю, не смотря на нее, а дописывая текст эссе, — у Невилла есть голова на плечах, а еще защитники, которые готовы на все, лишь бы он выполнил волю их покойного друга, — друзья слушали и молчали. Они никогда не лезут без надобности и моей просьбы. А я пока их мнения не спрашивал, — второй раз с Долгопупсом я разговаривать не собираюсь. Я сказал, а услышал он или нет, не мои проблемы.

— Но... — хотела что-то еще сказать Луна, как Панс повторила мои слова:

— Лавгуд, ему было сказано, что его тупо используют, а если он не развернулся и не послал всех к драклу, то это его проблемы.

— Луна, я бы рад помочь, но что я могу сделать? Как говорит наш декан, я не могу клонировать свой мозг и перенести его всем нуждающимся. Каждый должен думать своей головой. Так что я бессилен, — развел руками и собирая свитки и книги, покидал друзей и библиотеку, шел к себе.

Луна понимала, что я не могу влезть во все это, и я правда сделал все, что можно было сделать, поэтому сказала, что раз Нев не слышит, то последует моему примеру — будет плыть по течению. Попрощавшись с когтевранкой, повернул в коридор и шел в подземелья. И тут мир перед моими глазами покачнулся, ноги не слушались, словно попали в зыбучие пески, в ушах шумело, а в горле пересохло. Меня или чем-то напоили, или чем-то удаленно магическим шарахнули. На последних силах стянул с шеи кулон и засунул его в сумку с книгами. Явно я без них кому-то понадобился. Кому, и с какой целью — не трудно догадаться, проблема в том, что нет возможности этому влиянию сопротивляться.

Гермиона и Рональд, а так же близнецы и Джинни, подводили итоги наблюдения за Эмье, которого подозревали в том, что он до третьего курса был Поттером. И никаких причин так думать у них не было, ничего родного и знакомого в привычках, манерах, мимике, даже словах или интонации слизеринца не мелькало, не звучало, даже близко. Так что вывод один: — тот разговор был липой. Разводом наивных гриффиндорцев, страдающих

по погибшему другу. Но Гермиона предполагала, рассуждая вслух:

— Может, за это время все старые привычки стерлись, обросли новыми. Ведь два года прошло. Если бы мы искали в нем Гарри в первый год, то возможно, нашли бы что-то. А теперь время упущено.

— Герми, по-моему, — говорит Рональд, — ты ищешь то, чего нет. Эмме не мог быть Гарри, вот никак. Он такой же, как Малфой, Нотт и все слизеринцы. В нем нет ничего хорошего и доброго, как в Гарри.

— Но...

— Герми, — говорит Джордж, успокаивает девушку, поглаживая ее по руке, — если он был нашим Гарри, то ни за что не дружил бы сейчас с Малфоем. Ты же помнишь, как они с ним цапались?

— А их противостояние в небе? Уверен, Гарри бы не упустил возможности отобрать место ловца у Малфоя, утерев ему нос и летать в поисках снитча! — девушка уже готова была согласиться с тем, что все это шутка и розыгрыш скучающих змей, как в их гостиную, подобно вихрю, напролом, расталкивая всех на своем пути, ругаясь и матерясь на чем свет стоит влетают те самые, не так давно обсуждаемые слизеринцы, Малфой, Нотт и Паркинсон, но без Эмме. С шипением: «Пусти!», поправляет мантию Драко, идя к гриффиндорцам, а точнее целенаправленно к одному конкретному, с упреком:

— Это все из-за тебя, Долгопупс! Если бы не твоя непроходимая тупость и желание стать героем... — показывает пальцем на Невилла.

— А я тут при чем, Малфой? — спросил гриффиндорец.

— При том, — говорит спокойный и рассудительный Нотт, — Люсиана похитили прямо в коридоре. Кто это сделал? — неизвестно, — говорит слизеринец, продолжая мысли вспыльчивого друга: — требование у похитителя одно — отец Люсиана. Похитителю нужна смерть мистера Долохова, а не заключение в Азкабан. Встречу назначили в Отделе Тайн. Там, где лежат пророчества.

— Уверен, ваш наниматель хочет всего и сразу, — уже спокойнее говорит блондин, подтягивая галстук, — его целью является не только обменять Люсиана на Долохова, но и показать героя, символ света и надежду магической Британии, то есть тебя — Долгопупс. Так что ждите от директора привет и приказ, во что бы то ни стало спасти пророчество от лап Пожирателей. И да, о Люсиане и обмене его на отца и слова произнесено не будет, уверен в этом. Лишь предлог спасти пророчество от последователей лорда. А на деле, вас просто хотят столкнуть лбами, показав символ и надежду света в борьбе против тьмы.

— Чего ты несешь, Малфой? — возмущаются близнецы в один голос, а блондин, переглянувшись с Ноттом и Паркинсон, сказал:

— Если в течение нескольких дней не будет просьбы от директора, касательно пророчества и Отдела Тайн, то мы втроем, и Эмме заодно переведемся в Шармбатон или Думстранг. Пари? — предлагает Малфой, смотря на столпившихся в гостиной гриффиндорцев. Не долго думая, Рональд и Гермиона приняли пари и слизеринцы покинули владения Гриффиндора. А друзья сели обсуждать и этот момент. Прав ли Малфой и ждать ли им «привет» от директора, вопрос времени. И пока что оно у них, как и у пленного было.

Люсиан

— *Чтоб вас всех.... — пробормотал, приходя в себя оглядываясь. Вопрос: «Где я?» даже не задавался, потому что я в курсе, куда и с какой целью меня дернули, особенно видя*

расплывающуюся фигуру директора, — вы таки решили меня на отца обменять, — не вопрос, а факт. Директор не отрицал, говоря:

— Люсиан, мальчик мой, так нужно. Твой отец, как и все Пожиратели должны понести наказание, — я пытаюсь встать или хотя бы нормально сесть, но мир перед глазами все еще плывет, меня мотаает и тошнит. Спросил, чем это меня таким приголубили, директор ответил: — старое индусское заклинание, называется «Длань Будды», — оно и видно. Божественное влияние, лишаящее сознания в считанные минуты. Хотел попробовать встать, но сил хватило только на то, чтобы сесть.

— Хотя бы так, — махнул рукой, осматриваясь по сторонам. А находимся мы с директором в приличных размеров помещении, с каменными стенами, и странно аркой посередине этого самого помещения. А там, то ли души, то ли призраки, то ли еще какие-то сущности, воют, страдают, и выйти не могут. Жуть, а не арка. И тут я слышу знакомые мне голоса. Среди них могу различить голос бывших друзей, Невилла и Рыцарей. Особенно громко ругается тетя Белла и отец, сопровождая слова магическими вспышками. А директор, стоя надо мной и держа палочку наготове, говорит:

— Еще немного, Люсиан, и ты увидишься с отцом, — израненные, уставшие, запыхавшиеся влетают в помещение гриффиндорцы, а следом за ними и Рыцари. С радостными криками: «Директор!» видят сидящего меня, у его ног и с приставленной палочкой. Директор рад был видеть гриффиндорцев живыми и почти здоровыми, а те не очень. Невилл переглянулся с Роном и Гермионой, говоря, что Малфой был прав. Что именно они имели в виду я потом с блондина спрошу, а пока у нас представление. Альбус обращался к моему отцу: — Антонин, вот ты и пришел!

— Ты звал, Альбус, вот и пришел. Мог просто так позвать, а не привлекать к этому моего сына, — взглядом спрашивал как я, все ли со мной в порядке. Так же взглядом говорил, что нормально, картинка перед глазами уже стабильно стояла, звон в ушах прошел. Так что я и правда в норме.

— Мог, Антонин, но так вероятность твоего прихода ко мне выше. Не будь в моих руках твоего сына, ты бы еще подумал, приходить или нет, а так... — говорит директор, направив на меня палочку. Гриффиндорцы и Рыцари уже не сражались, а просто наблюдали за обменом.

— Отпусти Люсиана, и я сдамся, — предлагает отец, но директор все так же улыбается и говорит, что этого мало, и ему за смерть Аластора придется расплатиться своей жизнью. Отец соглашается, а я решаюсь на отчаянный шаг — воспользоваться маминым наследием. Для этого собрав в одну точку всю свою магию, призвал иллюзию среднего уровня, бестелесную, но двигающуюся и говорящую. А призвал я...

— Гермиона! Рон! — из арки выходит тот, кого не ожили увидеть, а все здесь присутствующие считают его мертвым, никто не мог поверить глазам. С растрепанными, черными вихрами, с яркими зелеными глазами, в очках-велосипедах, и характерным шрамом на лбу показался:

— Гарри! — в один голос сказали бывшие друзья и все присутствующие гриффиндорцы. Не мог поверить и директор. Он стоял и смотрел, то на меня, то на него. А потом Поттер заговорил:

— Привет, Люсиан, давно не виделись, — я кивнул, сказав: «привет», — привет Рон, Герми, Джинни, — махнула им рукой иллюзия, — Невилл, не будь гриффиндурком, не ведись на титул Героя, он тебе не нужен, — советовала ему иллюзия Поттера, а Долгопупс

кивнул, соглашаясь. Потом повернулся к Рыцарям, сказав: — вам воздастся по заслугам, всем уготована кара за их прегрешения, — рыцари в шоке, папа в ступоре, и конечно: — как и вам, директор. Даже вам не уйти от кары Высших Сил, — и стоило это сказать, а призраку растаять туманной дымкой в помещение вбегает министр, кричит: «Пожиратели! Взять!», директор убирает от меня палочку, а отец и все Рыцари обращаются темной дымкой и сбегают, прихватив меня.

Люсиан

Приходя в себя, понимал, я — жив!

Хоть и болело все на свете, от волос до кончиков пальцев, казалось, я сплошная гематома, все же это лучше, чем смерть. Как говорят у папы на родине: «Если у тебя ничего не болит, то ты — труп». Вот и я радуюсь тому, что у меня все болит, так как у трупа болеть нечему. И как же хорошо, что я дома, в своей комнате, на своей кровати. А рядом сидит тетя Белла, держащая меня за руку.

— Люси, очнулся! — обрадовалась она, а потом крикнула: — Тоттошка, Люси пришел в себя! Зови Снеговика! — а кто такой снеговик я узнал, как держатель этого имени переступил порог моей комнаты. И им оказался декан. С пузырьками в руках он подошел ко мне, влил в рот несколько зелий, а я различал их на вкус. Первое — Восстанавливающее, второе — тонизирующее. Профессор ушел, пожелав мне поправляться и приходить в себя. Ведь через неделю экзамены. А я тут же ужаснулся и спросил:

— Это сколько я проспал?

— Почти две недели, — говорит папа, стоящий в дверях, — использовав дар Жюли ты вычерпал свой резерв магии до дна. Когда мы вернулись из Отдела Тайн магии в тебе не бело, от слова совсем. Там даже на доннышке капель не плескалось, — с каждым словом отец приближался, а его голос повышался. Понимаю, я заставил всех взрослых нервничать, но у меня не оставалось другого выхода. Если бы не иллюзия и возникший из неоткуда Фадж, то папе пришлось бы обменять свою жизнь на мою. Я не мог этого допустить, так что слушал его упреки: — разве можно создавать Высшую Иллюзию без подготовки, а по наитию? А если бы ты перегорел? Ведь магия могла и не восстановиться!

— Пап, — приподнялся на локтях и с помощью тети Беллы сел, опираясь спиной о подушки, — первое — я переживал за тебя, и не мог допустить еще и твоей смерти, второе — это не Высшая, среднего уровня иллюзия. Была бы она Высшая, то Гарри предстал бы перед гриффиндорцами как человек, а не как призрак.

— А третье будет? — недовольно спросил отец.

— Нет. Не злись, пап, — попросил отца.

— Я не злюсь, а переживаю за тебя и твое будущее, — говорит он, а тетя Белла поддерживает, говоря, что хотела бы видеть меня Иллюзорном, как предки мамы, а не сквибб, сводящим концы с концами, как Филч. Сказал, что со мной все в порядке и что магия ко мне постепенно возвращается. Так что к экзаменам я буду готов и сдам почти все на «П».

— Молодец, Люси! — все еще держит меня за рук тетя Белла, а потом спрашивает у отца, — Тоттошка, скажи, у Люси ведь нет крестных? — он отрицательно качает головой, говоря, что они с мамой долго не могли определиться с крестными, а когда определились, то не успели представить меня родам будущих крестных. Спросил у папы:

— А кем должны были быть мои крестные? — папа смотрит на Беллу, — тетя Белла, вы должны были быть моей крестной мамой? — спрашиваю, она кивает, потом спросил про крестного, — а им кто должен был быть? — на вопрос ответили стуком в дверь, и с разрешения входит отец Тео, папа смотрит на него, а я спрашиваю: — мистер Нотт, вы мой не состоявшийся крестный?

— Должен был им быть, Люсиан, — говорит Максимилиан, — но не получилось. Сами понимаете, и историю прекрасно знаете. Увы, мог бы, стал бы, — смотрю на папу, с вопросом, почему бы не провести крестины сейчас? Что нам мешает? Лучше поздно, чем никогда. Родитель не против, как и сидящие со мной рядом будущие крестные.

Ритуал крестин сам по себе не сложен. Крестный должен призвать магию своего рода, окутать ей будущего крестника и произнести клятву перед магией и родами, в которых состоит ребенок. Потом представить ребенка своему роду. По сути все. И первой стала тетя Белла. Она из рода Блэк, поэтому я предстану перед предками этого рода. Тетя достала палочку из рукава и произнесла:

— Я — Беллатрикс Друэлла Лестрейндж, урожденная Блэк, беру на себя ответственность, становясь матерью по магии, ввожу в род Блэк — Люсиана Жюль Эмье, наследника рода Эмье, рода Долохов. Да будет магия и перечисленные рода мне свидетелями! — вскинула палочку, прижимая меня к себе, касаясь щеки поцелуем. По телу растекалось тепло, наполняя каждую клеточку магией. Уже сейчас я чувствовал себя как нельзя лучше. А еще мистер Нотт и его магия. Думаю, у меня после его клятвы магическая энергия из ушей потечет. И вот, тетю Беллу сменил мистер Нотт. Взял меня за руку и призывая магию, окружая ею меня, словно в кокон, произнес:

— Я — Максимилиан Теодорус Нотт, беру на себя ответственность, становясь магическим отцом, ввожу в род Нотт — Люсиана Жюль Эмье, наследника рода Эмье, рода Долохов. Да будет магия и рода мне свидетелями! — вскидывает вверх палочку, прижимая меня к себе, касаясь макушки легким поцелуем, от которого поверху вниз побежали холодные мурашки. Магия рода Блэк и Нотт противоположная. У Блэков — огонь в крови, а у Нотта — лед. Но все равно приятно, а потом, улыбаясь, сказал крестному:

— Вот теперь у меня еще и брат есть. Теперь буду звать Тео исключительно братом, пусть только попробует что-то против сказать, — рассмеялся, а крестный просто прижал меня к себе и сказал, что рад за нас с сыном, что мы есть друг у друга. А потом тетя напомнила и о родстве с Драко:

— Драко тоже можешь братом называть, — говорит она, — он мой племянник, получается вы кузены, — и точно. Раз Драко племянник крестной, то он мой брат. Красота! Два брата — это просто нечто! На этой радостной ноте вспомнил о еде мой проснувшийся и восстановившийся организм, требовавший еды. Папа и крестная рассмеялись, а крестный сказал:

— Накормите уже ребенка, — вставая с моей кровати, уходя следом за тетей Беллой и папой, которые звали меня к столу. А я, откинув в сторону одеяло, скинув с себя пижаму, переодевшись в простые легкие темно-серые брюки и футболку, расчесав слежавшиеся и спутавшиеся за это время волосы, шел в ванну чистить зубы и умываться, а потом спустился к столу.

На следующий день я вернулся в школу. Встречали меня слизеринцы орациями и бурными аплодисментами. Естественно в гостиной, чтобы не слышала Жаба. Говорили, что я — истинный змей! Коварный и подлый, воспользовался именем героя, чтобы дать возможность Рыцарям сбежать. Мой подвиг, а именно: ситуация с гриффиндорцами и директором, которых, отчитав иллюзорный Поттер разлетелась по школе. Все, кроме слизеринцев поверили в то, что из Арки Смерти вышел Поттер и передал привет от

Смерти. Они, в отличие от остальных учеников и профессоров в курсе, что я владею иллюзиями. Но легенду о том, что предстал перед гриффиндорцами, Рыцарями и директором призрак Поттера, никто не собирался. Как сказали: «Афера года!».

А в нашей с парнями комнате я был по очереди прижат Драко и Тео, которые говорили, что за меня переживали. И что они наплевав на запрет посещения других гостиных вломилась к гриффиндоркам и устроили им разнос. Особенно досталось Долгопунсу, его обвиняли в том, что он тупой и мечтает быть героем. Что если бы он не повелся на слова директора о пророчестве и переданном титул «Героя» всего этого можно было бы избежать. Короче, речь Драко и Тео загнули знатную. А еще пари, в котором одержали победу слизеринцы.

— Что за пари? — спросил я, перебирая свои вещи в приисках кулона. Когда нашел тут же надел и слушал очередную речь блондина. Как оказалось, эта сволочь решил поставить на кон нашу с Тео и Панси учебу в Хоге на то, что директор поручит новоявленному герою и его команде задание «Спаси пророчество от Пожирателей Смерти». При этом ничего о том, что там будут Пожиратели, а так же обмен меня на отца. Думал, придушу Драко собственными руками, но он сказал:

— Я предложил это пари после того, как тебя похитили, а твоему отцу пришел Патронус от директора с предложением пообщаться в Отделе Тайн у Арки Смерти. Я, как и твой отец был уверен в том, что директор поручит миссию Долгопунсу и его команде, захочет Героя и Избранного показать, и его с Рыцарями столкнуть, ну и заодно тебя на отца обменять.

— Ладно, — отмахнулся, — раз ты все просчитал, то я тебя прощаю, братишка! — сказал я, а блондин не понял, с чего я так к нему обращаюсь, пояснил: — я тут прошел ритуал крестин и у меня теперь есть крестный и крестная. Тетя Белла — крестная, а так как ты ее племянник, то ты отныне и впредь — мой братик.

— Братик! — рухнул на кровать рядом со мной Драко, спрашивая: — а крестный? Кто он? — а я смотрю на Тео, Драко понял и притянул еще и Тео на мою кровать, залившись смехом и радуясь: — у меня теперь два брата! Лучше и быть не может!

— Я рад, что у меня есть брат, и что этот брат ты — Люси, — шепнул мне Тео, обнимая и улыбаясь уголками губ, а я даже вдарить за это короткое имя не хотел. Плевать, Люси, значит, Люси. Смысл мне ругаться, лучше принять и носить с гордостью. Да, я — Люси! И что такого? Пусть называют, раз так хочется.

И вот подошел к концу учебный год. А с ним и экзамены. Три дня мы практически не вылезали из кабинетов и писали тесты, отвечали по билетам, рассчитывали формулы и таблицы, варили зелья и мази и конечно колдовали. Когда все, то готовились к отправлению домой. Собирали вещи и обсуждали предстоящие планы на каникулы. Чаще всего, гуляя вдоль озера или около фонтана, сидела на лавочках, греясь на солнышке. То, что произошло в Отделе Тайн уже забыто и не упоминалось в разговорах. Лишь перед самым отправлением меня отозвали на разговор гриффиндорцы:

— Эмме, разговор есть! — говорит Рональд.

— О чем, Рональд? — смотрю на друзей и говорю, что пять минут и я присоединюсь, — говори, а то поезд скоро отправляется, — ко мне и Рону подходят Гермиона и Невилл, а так же Джинни и близнецы.

— Прости нас, Люсиан, — говорит Гермия, я не понял, что она имеет в виду, спрашивая, за что мне ее простить. Ответ поразил и шокировал: — за то, что не признали тебя сразу. Не увидели в тебе друга. Для нас ты был очередным слизеринцем, а потом еще и отпрыском Пожирателя.

— Да, прости нас, дружище, — говорит Рон, — за то, что не искали тебя, верили словам директора. Он говорил, что ты пропал, а потом сказал, что ты погиб от рук одного из Пожирателей.

— Хм, — вот и все, что я мог на их слова ответить.

— Понимаю, — говорит бывшая подруга, — мы с Роном в то лето наговорили много гадостей, упрекали тебя за поступки твоего отца, нам нет оправдания. Как и за то, что подозревали тебя в пособничестве лорду. Нам нет прощения, — говорит Гермия, а у меня шок и ступор, но ответил:

— Все так, как ты и сказала, Грейнджер, словам директора верить не стоит. Он — паук, плетет паутины-интриги, и ему не важно кто в эту паутину попадет, ребенок или взрослый. Для него мы все — это мошки и мушки, которыми он будет играть в свое удовольствие. То, что вы это поняли — меня радует. Надеюсь, вы поймете и то, что я не тот, за кого вы меня приняли. Пока, — махнул рукой, направляясь в сторону поезда, на поиск купе и друзей.

Определенно, я не тот, кем был на первом и втором курсе, и им быть более не собираюсь. И гриффиндорцам я сказал правду, я не Гарри Поттер, может, я им был, но быть им точно перестал. Во мне ничего от Поттера не осталось, ни намека. От всех привычек, повадок, манер и даже мимики я избавился. Стер из себя эту часть жизни. Срастаясь со своей настоящей личностью. Я — Люсиан Максимилиан Эмье, наследник рода Эмье и рода Долохов. А Гарри Джеймс Поттер — мертв.

Люсиан

Каникулы в этот год — что-то с чем-то. Ни в какое сравнение не идет с прошлым и позапрошлым годом. Вынос мозга, а не каникулы. Даже бабушка и дедушка Эмье не помогли от этого отгородиться и мысли все равно возвращались и погружали в пучину раздумий и сомнений. То, что кулон пополнился еще одним осколком души лорда — ерунда, по сравнению с тем, что произошло потом. Я был не просто в шоке, а в панике от полученной информации и предстоящей головной боли. Но сначала кулон и наши с тетей поход в банк Гринготс. Для этого она накинула на себя иллюзию, а уже у поверенного рода Лестрейндж скинула чужой облик и сказала, что ей от гоблина нужно, а именно личный сейф. К хранилищу нас провели незаметно, тайными путями, чтобы не раскрывать присутствие леди, покинувшей Азкабан без разрешения.

— Прошу, мадам Лестрейндж, — говорит гоблин, открывая перед ней дверь. Тетя проходит в сейф, идет к одной из полок, берет ту самую чашу, протягивая мне, говорит:

— Тетя Белла обещала, тетя Белла сделала, — я держал в руках еще один сосуд с осколком души лорда, а кулон, ощущая присутствие еще одного кусочка души, стал невыносимо холодным, обжигающе-ледяным.

И пока поверенный с тетей подписывали какие-то документы, не отказал кулону в трапезе и приложив чашу к свободному углу пентаграммы — скормил крестраж. А потом, тетя накинула прежний облик и тем же путем мы вернулись в главный зал банка, а оттуда домой. Кулон будет переваривать кусок души в течении года, принять новый не сможет, а вот показать — очень даже. Для этого принял привычную мне позу и взяв кулон в руки, окутывая его своей магией послал приказ показать мне координаты последнего осколка.

— Что б вас всех покрасили! — ругался я на весь дом, готовый материться и кидаться проклятиями и Круцио подобно лорду. А все почему? Так просто. Последний осколок души — это кольцо рода Мраск, с инкрустированным в нем Воскрешающим камнем, а оно у Альбуса Дамблдора. Как его достать, вот в чем вопрос. И на него у меня нет ответа. Как и у отца, пришедшего на мой крик и ругань. Думал, он хоть чем-то поможет или выход предложит, но нет. Так что большую часть каникул и предстоящий год в школе точно пройдут у меня в мыслях на тему: «Как достать кусок лордовой души?».

Чтобы отвлечься и поискать какую-нибудь информацию по возможным способам проникновения со взломом, без обнаружения и раскрытия личности — отправился во Францию, к старикам Эмье. Но, увы, даже они, наследники рода иллюзионистов не могли помочь. Сказали лишь то, что был бы я Илюзором, владел бы высшими иллюзиями, то мог бы подменить настоящее кольцо на наколдованное. Но, я не владею высшими иллюзиями и таких мастеров не знаю. Так что руки опускались, и появлялась хандра. Ничего не помогало и не радовало. Ровно до одного случая.

— Люсиан! — зовет меня бабушка, — тебе письмо! — на ее голос я спускаюсь вниз, иду к столу, не хочу завтракать, кусок в горло не лезет, но надо. А тут еще и письмо какое-то странное. Кто мне сюда пишет и вообще, странное оно. От него магией фонит, но не враждебной, а чем-то знакомым и близким.

Открыть письмо решил потом, после завтрака. А пока поел и поблагодарив — ушел к себе в комнату. Ба и дед меня поддерживали, говорили, что еще год впереди, и я непременно

найду способ забрать у Альбуса это гребанное кольцо. Говорил каждый раз: «Угу!» и уходил к себе. Этот раз не стал исключением, лишь маленькое отличие — письмо. Его я открыл у себя в комнате, а читая строки — замер.

«Мистер Эмье!

Я заинтересован вашими потрясающими способностями иллюзиониста. Давно ищу ученика, способного преодолеть порог средних иллюзий и перейти на высшую ступень, став Илюзором. Вы, мистер Эмье именно такой юноша, перспективный. Спешу предложить вам не только ученичество, но и руку помощи, в которой вы так нуждаетесь.

П.С. Напишите ваш ответ, и он до меня дойдет.

С уважением мистер М!»

Странный мистер «М», но содержание письма и его предложение меня подкупали. Его предложение — именно то, что мне нужно. Как и протянутая рука помощи. Проблема в другом, надо ли мне это? Ведь высшие Иллюзии — это нечто иное, выходящее за рамки предела многих волшебников. Этот вид магии не запрещен, в темные сборники не внесен, лишь редок и уникален, но все равно обществом не принимаем. Никогда не знаешь, с настоящим ты волшебником или с его иллюзорной проекцией. Многих это раздражает и отталкивает. А по сути высшая, иллюзорная проекция полезное умение. Так что думаю, овладеть высшими Иллюзиями мне бы не помешало. Поэтому написал мистеру «М» ответ:

«Здравствуйте, мистер М!

Мне интересно ваше предложение и я заинтересован в том, чтобы стать вашим учеником, постичь науку и овладеть Высшими Иллюзиями. Готов приступить к обучению в любое время. О помощи поговорим при встрече.

Люсиан Эмье.»

И стоило мне написать ответ и убрать письмо обратно в конверт, как оно растворилось серебристой дымкой. А это значит, что письмо было иллюзией, и не средней, как мой Гарри, показавшийся из Арки Смерти, а высшей. Просто потрясающе. Непременно, мне нужно овладеть этими умениями. Хотя бы начать обучение. И не важно, что жить мне осталось от силы пару лет, хочу выжать из этих лет все, что можно, не проронив и капли. Спустившись вниз к бабушке и дедушке рассказал о иллюзорном письме и его отправителе, как и о заманчивом предложении некоего мистера «М», стать его учеником.

— Люси, по-моему, это отличное предложение, — говорит ба, — у тебя — талант, его нужно направить и развить. Так что ты правильно сделал, что принял предложение того Илюзора.

— Я согласен с Бенни, — говорит дед, — Высшие Иллюзии — это нужный дар, и не просто так Магия наградила тебя этим даром. Учись, Люси, в будущем тебе этот Дар пригодится, — говорит дед, а на стол перед нами падает очередное письмо от того самого мистера «М». Читаю его за столом, ба и дед слушают:

«Люсиан!

Я рад, что вас заинтересовало мое предложение. К обучению можем приступить с завтрашнего дня. Письмо — это одноразовый телепорт. Когда будете готовы — порвите

его и окажетесь в моих владениях. С собой возьмите только сменную одежду и палочку. Всем остальным я вас обеспечу.

Ваш будущий Учитель»

Ба и дед были за меня рады, а я пошел собираться. Сложил в рюкзак только самое необходимое, а потом отправил папе Патронус, с помощью которого рассказал о предстоящем обучении у Иллюзора. О том, что к предстоящему году я обязательно вернусь и мы с ним пройдемся по Косой Аллее, я с друзьями, а он под мантией-невидимкой, которая все еще принадлежала мне и лежала у меня в комнате. И как только получил ответ: «Буду ждать!», порвал конверт, оказываясь в совершенно незнакомом мне месте. А мой будущий учитель никто иной как...

30 глава «Мистер «М» и обучение»

— Рад тебя видеть, Люсиан! — поприветствовал меня Учитель. А он оказался никем иным, как:

— Мистер Малфой? Вы — Иллюзор? — не веря своим глазам, спросил представшего перед моими глазами мужчину.

Лорд не отрицал, сдержанно улыбнулся, лишь уголками рта, говоря, что он и есть мистер «М», и отныне я — его ученик, раз согласился, оказался в его владениях и раскрыл личность, назад дороги нет. Ведь порвав письмо, оказавшись в его меноре — я принес согласие и заключил договор на обучение. И с этим ничего не поделаешь, да и я не против обучения у Малфоя, просто для меня стал шоком скрытый Дар лорда Малфоя. Не думал, что его род владеет этим Даром. Как оказалось — владеет.

А пока мне устроили экскурсию по менору. Ведь в прошлый раз я видел только главный зал, в котором и проходило торжество. Все же разница есть разница, пустые и оживленные помещения отличаются по атмосфере и ощущениям. Менор без гостей и толпы снующих туда-сюда людей выглядел именно так, как и рассказывал мне Драко, предлагая приехать как-нибудь на каникулы — просторный, темный, со множеством коридоров, поворотов и комнат, и на удивление теплый. На первый взгляд могло показаться, что гуляющая по коридорам, залам и комнатам темнота и мрачность, сопровождается сквозняками, но это не так.

Было тепло, даже душевно, семейно. Видно, что в доме есть, кому это тепло поддерживать, и я не о камине, а именно о семейном тепле, менор дышал благополучием и согласием всех членов семьи. А меня вели на второй этаж. Выделили комнату и список книг для прочтения. По пути показали коридор, ведущий в библиотеку. Лорд сказал, что я могу свободно перемещаться по дому, за исключением его кабинета и личных покоев.

— Люсиан, приступим к обучению завтра с утра. А пока читайте. Будут вопросы — задавайте. Постараюсь ответить на любой из них, — у меня был лишь один вопрос, который я задал тут же, как только услышал слова лорда. О том, настоящий предо мной лорд Малфой, или же Иллюзорный? На что лорд Малфой снова улыбнулся уголками губ и ответил: — А это ваше задание на лето, Люсиан. Понять, настоящий я или же Иллюзорный, — на этом лорд покинул меня, уйдя по своим делам.

Я же остался в комнате, чтобы разобрать вещи. Потом пошел в библиотеку, прошелся по списку нужной для обучения литературы, набрав книг — засел за чтение. То, что было у старика Федерика по иллюзиям, в сравнение не шло с литературой рода Малфой. Я зачитался и вынырнул из тома: «Применение и Формы Иллюзий» только к ужину. К столу меня звал домовик лорда. Его я узнал сразу, как и он меня. Но мы оба сделали вид, что друг друга не знаем. А после ужина снова погрузился в чтение и так до полуночи.

Утром, по будильнику проснулся и шел завтракать. А уже потом мне предстоял вступительный урок, на котором я должен был показать все то, что я умею создавать с помощью иллюзий среднего уровня, чтобы узнать предел моих возможностей. Колдовал все то, что лорд Малфой мне говорил. Началось все с маленького, бревенчатого домика, все в один этаж, с одной комнатой, кладовкой и кухней, она же парадная, с изогнутой дымоходной трубой и покошенной крышей. Потом домик обзавелся вторым этажом,

дополнительной комнатой, парадную и кухню отделял небольшой коридор, а крыша стала вполне себе приличной, и каменным дымоходом. С каждым новым витком истории дом разрастался и разрастался, появлялись коридоры, комнаты, залы, гостевые, кабинеты, библиотека, а после третий этаж.

Получалось что-то вроде маггловского кино, со сменой кадров, изменением возраста и внешности героев и мест, где все события происходили. И когда перед глазами все плыть, в ушах шуметь, руки стали дрожать, а пальцы неметь, мне дали команду «отбой» и я отпустил Дар и стал падать. Лорд подхватил меня и отнес лично в комнату, на время вышел, а потом пришел с флаконами зелий. Восстанавливающее, Сонное, а после пробуждения следовало выпить Бодрящее. И на грани сознания, перед тем как полностью провалиться в сон, слышал его слова:

— Вы молодец, Люсиан.

Утро для меня наступило ближе к обеду. Выпив зелье Бодрости, спустился вниз и поев снова вышел на улицу, и процесс создания иллюзионных картин, перетекающих из одной в другую продолжился. На прошлый иллюзорный проект у меня ушло восемь иллюзий, после которых я был выжат как лимон. В этот раз меня хватило так же на восемь, но после этого я смог устоять на ногах и во мне, где-то на доньшке плескалась магия. Учитель дал мне время на отдых, сказав, что на сегодня я свободен от магии, мне нужно восстановить энергию, поэтому задание будет теоретическим. Снова дал список литературы и ушел по своим делам.

А я думал и замечал за лордом странности. Он ни ел, ни пил, и как только заканчивался наш урок — уходил. Все это наводило меня на мысль о том, что лорд Малфой — это Высшая Иллюзия, а настоящий сейчас находится в Драко и леди Нарциссой. Хотя, возможно, здесь настоящий лорд Малфой, а там, в Париже его Высшая иллюзия. Не знаю, но у меня еще несколько недель впереди, чтобы получить ответ на свой вопрос, пока просто наблюдаю и только потом скажу, настоящий он или иллюзорный.

Время, отведенное на обучение у лорда Малфоя, подходило к концу. За эти недели, проведенные в его меноре, владение средними иллюзиями поднялось на высший уровень. Восемь иллюзорных картин стали тридцатью, с вплетением низших, не играющих роли или просто необязательных. Правда, это мой предел. Но, как говорит Учитель, тридцать картин — это показатель овладения средним уровнем иллюзий в идеале. Но, мне хотелось создать высшую иллюзию. То, ради чего я и согласился на обучение у лорда. Осталось несколько дней, а мне так и не сказали, как именно ее создать. Думал, что вернусь домой, к отцу так и не познав высшего уровня своего Дара, но нет. За день до отправления домой мне устроили мозговой штурм, и требовали показать все то, чему я научился, а еще вплести знания, полученные из книг. Не понял, что имел в виду лорд, спрашивал:

— Как это соединить все иллюзорные кадры в один и придать им форму? — у меня скрипели шестеренки, терлись друг об друга мозговые извилины, но никак не доходил процесс создания Высшей Иллюзии, вот хоть режьте, рвите или поджигайте. Никак! Тогда лорд снизошел до еще одного слова:

— Одновременно.

— Одновременно? — переспросил, но больше мне ничего не ответили. Лишь кивнули и ждали от меня действий. Я думал, прокручивал в голове все свои возможные действия,

начиная с первой картины, заканчивая последней — финальной, а потом подбирал формулу закрепления, и рискнул проверить. Призвал первую стадию иллюзии, накладывая вторую, не отпуская первую, потом третью не развеивая предыдущие две, и так до самой последней, получилось что-то вроде проекции, в которой виделись все этапы создания, а потом кинул формулу закрепления и вбив в нее параметры телесности. И...

— То, что надо, Люсиан, — сказал мне лорд, — вот вы и создали свою первую Высшую Иллюзию. Как вам ощущения? — а у меня готова была убежать от шока челюсть. Но я ее закрыл, иллюзию развеял и лишь кивнул, сказав сдержанное: «Спасибо!». Потом мне протянули Восстанавливающее зелье и пригласили к столу, время обеда, плавно перетекло в ужин. А уже завтра я возвращаюсь домой. Как и Драко с леди Нарциссой. И у лорда остался ко мне лишь один вопрос: — так как вы думаете, с вами иллюзия или настоящий я? — спросил лорд, а я ответил:

— Сегодня — иллюзия, но вчера вы были настоящим, а не заколдованным. Вы менялись со своей иллюзорной копией. И так происходило каждый наш урок. Даже на дню могли быть и вы и не вы. В зависимости от дел, которые у вас были помимо моего обучения.

— Все так, Люсиан, все так.

— Спасибо, Учитель! — поблагодарил лорда, поправил рюкзак с книгами и вещами, перешагнул камин, оказываясь дома.

А встречал меня папа, как всегда своими медвежьими объятиями и ужином. После еды разговаривали и делились новостями. Я показал то, чему научился, призвав небольшую иллюзию высшего уровня. Накладывал паука, перебирающего лапками, ползущего по столу. Папа смотрел на тарантула заморожено, не мигая и не шевелясь. Потом прижал меня к себе и сказал, что я молодец. А вот новости папы меня не радовали, как и моих друзей.

Оказалось, в школу возвращается старый зельевар, некий Гораций Слизнорт, а декан займет место профессора ЗОТИ. Не удалось в этом году найти профессора, а мадам Амбридж отказалась второй год вести этот предмет. И не потому, что трудно или не ее стезя. Просто ей предложили повышение по карьерной лестнице в министерстве и она согласилась. И увы, совмещать у нее не получится. А жаль. Что же нам принесет новый год и с какой целью директор вернул старого профессора по Зельевариению — загадка.

31 глава «Поезд и Слизнорт»

И вот, платформа и поезд. Я переместился с помощью папы к самому вокзалу Кинг-Кросс, а потом перешел через стену между платформой 9 и 10. За спиной рюкзак с книгами и вещами, на груди, как всегда висит кулон. Еще один год и все, поминай меня как звали. Но, я не отчаивался и надеялся найти способ остаться в этом мире, а кулон передать за грань. Попробую что-то поискать в библиотеке, как в разрешенной секции, так и в запретной. Может быть даже попрошу папу через декана или Учителя найти нужную мне информацию. А пока я шел к поезду. Меня встречали друзья, как настоящие, так и бывшие, смотревшие на меня с тоской в глазах. Проводили до лорда Малфоя и всех тех, кто с ним был, отворачиваясь и что-то свое обсуждая.

— Привет, Люси! — говорит Драко, притягивая меня к себе, — как же мы давно не виделись, братик! — с другой стороны меня к себе прижимает Тео и повторяет те же слова, что они по мне скучали, а я, зараза такая, на письма отвечал через раз и то, коротко и по существу. Мол, учусь, постигаю мамин Дар и все такое.

— И я скучал парни. И писать много не мог, — говорю, смотря на лорда Малфля, улыбаясь и ему тоже, — Учитель — строгий и требовательный, времени свободного впритык, поэтому, надо сказать «спасибо», за то, что вообще получалось что-то написать и отправить.

Парни громко и заливисто рассмеялись, потом пересказали причину нашего смеха на всю платформу подошедшему Блейзу и Панси. Они посмеялись с нами и мы пошли в поезд, искать свободное купе. А я легко и практически незаметно поклонился лорду Малфю, одними лишь губами, сказав: «Спасибо, Учитель!». Он улыбнулся привычной для меня улыбкой, лишь приподняв уголки губ и аппарирова. А мы шли в поезд.

Нашли купе, разложили вещи и приступили к обсуждению ситуации, в которой оказались. И не только мы, но и декан. Мы переживали за то, останется он нашим деканом, или же этот пост отдадут вернувшемуся старику. О старом профессоре Зельеварения друзья в курсе, с ними родители уже поделились информацией, так что никто не удивился озвученной теме разговора. Только пришедшим во время бурного обсуждения информаторам. В купе постучались, а на пороге стояли Гермиона, Рональд, Невилл и Джинни. Они предложили:

— Мы расскажем, вам правду о причинах возвращения Слизнорта, а вы расскажите всю правду о Гарри, — смотрит на меня Рональд, — это наше условие. Мы хотим знать все, — говорит он, а Гермиона добавляет:

— То, что видел директор и мы в Отделе Тайн — это не душа Гарри, а твоя, Люсиан иллюзия, — как всегда, Гермиона и правда умна и проницательна, этого у нее не отнять, — я искала все, что есть на род Эмье и Долохов. Провела в поисках несколько недель, но нашла. Долоховы — этот род изначально темных и боевых волшебников, которые со временем и по определенным обстоятельствам стали еще родом Хранителей лесов и природы. Таких волшебников Берендеями называют. Но это не отменяет их боевую направленность, лишь расширяет спектр возможностей. А вот род Эмье по слухам и старым записям, увы не подтвержденным, взял начало от некой волшебной расы. И способности этой расы к иллюзиям, как раз дар тех самых волшебных существ, оставшихся у рода Эмье. И судя по тому, что мы увидели, ты овладел лишь среднего уровня

иллюзиями, а способностью Илюзара пока не овладел.

— Предположим, — говорю я, — дальше что?

— Из этого следует, Эмье, — говорит Невилл, — что мы в курсе, всей твоей ситуации. Большой ее части. Как и подлинной требухи директора. Ты оказался прав, Малфой, — говорит Долгопупс, смотря на Драко, — все произошло точь-в-точь, как ты и предсказывал.

— Хм, — вот и все, что выдал Драко.

— Так как на счет того, чтобы все обсудить? — спрашивает Джинни, смотря на нас на всех, в особенности меня. С какой радости? Надеюсь, никаких планов на меня у нее нет, она мне не интересна и вообще, если я найду способ не помереть, а прожить свою жизнь дальше, то у меня есть невеста. Пусть она еще мала, время летит, не заметишь, как вырастет.

— Люсиан, — говорит Драко, — тебе решать. Твоя история, а мы лишь ее участники и свидетели, — с ним согласны Тео и Панси с Бейзом, говоря те же слова. Ведь это история о моей жизни, личности и испытаниях. И это они еще о договоре со смертью не знают и о том, что я осколки души темного лорда собираю, как и грани, которая готовится принять меня в свои чертоги. Но, мне нужно знать причину, по которой директор пригласил на место декана ушедшего на пенсию профессора.

— Ладно. Я вам расскажу, но сначала вы, — показал на сидение напротив, они вчетвером и мы впятером. Вполне уместились, — рассказывайте, почему директор вернул Слизнорта.

— Ответ прост, — говорит Невилл, — Темный Лорд. Мы с директором на днях, прямо перед началом учебы навестили старого профессора. Меня взяли с собой, в качестве поддержки. Я помню слова твоего Гарри, не вестись на уловки директора, но нам нужна была информация, чтобы получить от вас информацию, — Нев сиял улыбкой, а мы с ребятами сидели с кислыми минами, но слушали, — мы пришли к Слизнорту, директор уговаривал его вернуться, и тот по-первости отказался, мол, стар я уже для преподавания. А потом Альбус представил меня, как Избранного. Героя, готового победить тьму. Слизнорт метался, метался и согласился, — говорит Невилл, — деканом так и будет профессор Снейп, и он же новый профессор ЗОТИ, — на этих словах мы сказали: «Да ладно!?!». И не знали, радоваться нам или плакать. Ведь декан — это Мастер Дуэлей и Боевой магии. Будет точно не сладко, но, надеюсь весело. Ну, хоть что-то радует. Раз деканом будет Снейп, то одной проблемой меньше.

— Так, а на счет Лорда? — напомнила Панс, — как это связано с лордом?

— Слизнорт — старый профессор, — говорит Гермиона, — еще с двадцатых-тридцатых годов. И он как раз застал времена обучения будущего Темного Лорда. до того, как стать Велтким и Ужасным Воландемотром, он был простым мальчиом по имени Том Реддл.

— Откуда такая информация, Грейнджер? — спрашивает Драко.

— От меня, — говорит Джинни, смотря на меня, — тот дневник, который ты по моей просьбе уничтожил, как раз и хранил кусок души и воспоминания молодого лорда, тогда еще Тома Реддла. Когда Невилл пришел после встречи с директором и упомянул о Томе Реддле и информации, которую нужно выведать у Сизнорта, то я вспомнила лето перед вторым курсом. И имя. А потом мы искали информацию, опираясь на имена: Том, Марволо и род Реддл, и нашли кое-что на вашего лорда.

— Он не наш, — говорю, — а общий. Так что там с информацией? Что нужно директору от Слизнорта? — напомнил Блейз, сидящему напротив Невилу.

— По словам директора, будущий профессор знает, как лорду удавалось выживать после Авад и Смертельных проклятий. У него есть секрет и это — крестражи. Раздел самой темной, жуткой и опасно магии. Только знать то он знает о крестражах, а вот о их количестве... — расстроился Невилл.

— Поэтому тебе поручили задание это выяснить, — не вопрос, а факт. Парень не отрицал и кивнул. Сказал: — Понятно. Я сам отвечу тебе на этот вопрос, но позже, — на меня тут же смотрят друзья, с таким же шокированным взглядом и желанием меня пытать, а я отвечаю: — позже, обещаю, а пока расскажу то, что обещал вам, — показываю на сидящих напротив Гриффиндорцев, — но лишь после того, как вы принесете мне кровную клятву о том, что ни при каких условиях, под пытками или угрозами вы не расскажете директору, или взрослым о том, что расскажу вам я. Сыворотка правды или еще какие-то способы эту клятву не обойдут, на вас под этой клятвой не повлияют. Так что если вы хотите узнать всю правду, и не боитесь применять магию крови и ритуалистику, то я готов все вам рассказать.

— А нам о том, что скрыл? — зло говорит Тео.

— И вам, под такой же клятвой. Но после того, как исполню обещание, данное им, — показал на гриффиндорцев. И те, после бурного обсуждения, принесли мне клятву, стандартную, касающуюся обязательств хранить тайну и молчать. А я рассказал о том, что мо мной было. Короче все то, что знают зеленые друзья. О смерти от взгляда Василиска, когда спасал Джинни от тетрадного Тома, о том, что бы за гранью, видел Гарри и что меня вернули к началу второго курса, а вот потом требовал клятву с зеленых друзей и рассказал о миссии, порученной самим Высшим, о кулоне и крестражах, которые я собираю. А так же о возникшей проблеме последнего крестража:

— Так что я не знаю как, но мне нужно придумать способ забрать у Альбуса последний кусок и поместить его в кулон. Он у него, это точно. Кулон показал координаты Хогги и его кабинета. Сомнений быть не может.

— Твой дар иллюзиониста тебе в помощь, — говорит мне Гермиона, — кинуть через твоего отца или декана ключ, найти наставника, овладеть за этот год высшими иллюзиями, и подменить кольцо. А как в кабинет директора пробраться — придумаем! — улыбалась девушка, как и все мы.

— Чтобы мы без тебя делали, Герми!

32 глава «Амортенция и странный разговор»

К тому времени, как приехали в школу договорились о том, что будем, вести себя, как и прежде. Не общаться, не здороваться и даже взглядом не пересекаться. Делать все то же самое, что и на прежних курсах. Для них мы — слизни, змеи, последователи Темного Лорда и зло воплоти. Гриффиндорцы перед самым приездом покинули наше купе, мы вернулись на прежние места и пока переодевались в мантии, обсуждали их. Точнее их предложение. Друзья спрашивали, верю ли я им, и не подосланы ли они директором?

— Я никому не верю, лишь самому себе, — говорю, улыбаясь, — как и вы. А то, что каждый из них придерживается определенной цели — факт. По итогу все выгоду получают. Например, Невилл — он покончит с темным лордом, подтвердит титул Героя и Избранного, раскрыв глаза на деяния директора опять же почет и статус Защитника при нем. Далее Рон — у него мечта стать Аврором, показав себя в бою против лорда и его последователей, он надеется заинтересовать Аврорат своей персоной. Герми — это ученый, ей бы куда-то залезть, что-то разнюхать и выведать, и чем сложнее, тем лучше. А если еще и в министерство работать попадет, особенно в Отдел Тайн, так вообще идеально. А Джинни — это Джинни. Ей нужно лишь внимание и возможность найти достойного супруга. Вот такой расклад по гриффиндорцам.

— Ты их и правда, как облупленных знаешь! — говорит Тео.

— Какие наши действия в решении проблемы с последним куском лордовой души? — спросил Блейз, — и будешь ли ты им говорить о том, что душа Темного Лорда после полного слияния, очищения и прощения Магией и Смертью — переродится и он вернется в этот мир?

На меня смотрят слизеринцы, а я лишь отрицательно мотаю головой, сказав короткое: «нет». Ведь им незачем знать, а даже если лорд и правда после всех процедур вернется в этот мир, тем самым Воландемортом он быть перестанет. Станет каким-нибудь Марволо Мраксом или Томасом Слизерином, да кем угодно. А способность Учителя создавать легенды ему в помощь. Я же надеюсь, что душа лорда останется за гранью. Но не мне решать.

Мы вышли из поезда, шли к каретам. Подождали, пока Панси и Драко выполнят свои обязанности старост, а потом поехали в школу. Каждый погружен в мысли. Не знаю, о чем думают друзья, а я размышлял о том, как прожить этот оставшийся год. Что бы я мог сделать, как для себя, так и для отца, бабушки и дедушки. И пришел к выводу, что ничего, кроме как жить и радовать их своими визитами и успехами, в учебе, карьере, личной и семейной жизни. Ведь родным только этого и надо, счастья близких и дорогих. Я для них единственный близкий и дорогой. На меня снова напала хандра, а все потому, что снова ушел в раздумья о предстоящей смерти. Отмахнувшись от дурных мыслей, прыгнул с кареты и пошел в компании слизеринцев в школу. Где-то впереди видел Рона и Герми с Невом и Джинни, они о чем-то оживленно спорили и активно жестикулировали руками.

А этот год, как и предыдущие неизменен. Тот же распорядок на вечер. Распределение на факультеты, воодушевляющая речь директора, представление новых профессоров, какое-то объявление, потом пир и по гостиным — спать. Нам представили нового профессора по Зельеварению, вернувшегося на свой пост, назвав имя волшебника: — Гораций Слизнорт. А потом всем представили нового профессора по ЗОТИ, пожелав ему

удачи. Искренне рады были только мы, остальные ужаснулись и готовы были под стол скатиться от предстоящих уроков Защиты. Остальной профессорский состав неизменен. Те же лица, на тех же должностях.

После пира мы отправились по своим гостиним, Драко и Панси вели первогодок в гостиную, по пути показывая дорогу. Ведь через несколько недель дети будут сами ходить на уроки и в зал на завтраки, обеды и ужины. Потом, у двери назвали пароль, произнеся на латыни «Кровь», и в гостиной, познакомив новеньких с правилами факультета, отдали слово декану. Его речь мы не слушали, взяли расписание уроков и ушли к себе в комнату. А после душа спать. Что снилось не помню, но ощущения после пробуждения скверные, хотелось говорить исключительно на парселтанге, шипеть и бросаться на всех подобно кобре.

Завтракать я не стал, просто выпил чашку горячего чая с лимоном и закинув на плечо сумку с книгами — пошел к кабинету зельеварения. Даже друзей не ждал. А меня не дергали. Знали, надо будет — сам расскажу. У кабинета уже стояли и ждали профессора гриффиндорцы, демонстративно отворачивая от меня взгляды. Как и договаривались. Потом подтянулись слизеринцы, в том числе и Драко с Тео. На их обеспокоены взгляд лишь сказал, что плохо спал, поэтому у меня отвратное настроение. Поняли, приняли, и как раз открылась дверь в кабинет.

Мы прошли внутрь, заняли места напротив сдвоенных столов, на которых в котлах кипели и бурлили зелья. Профессор дождался когда все встанут напротив и начал урок. Спрашивал, какое именно зелье из сваренных опаснее всего. И конечно, кто бы сомневался, руку тянула Гермиона. Ответила и поразила своими знаниями профессора. Вло чего я в Герми не люблю, так это «Я», которое она не умеет контролировать. Несомненно ее познания — это не просто библиотека, а целое хранилище знаний подобное гоблиновскому банку. Только надо знать, когда им можно и нужно пользоваться, а когда лучше промолчать и сделать вид, что вспоминаешь. И слова декана «невыносимая всезнайка» ей подходят, как нельзя лучше. Но, у каждого профессора свое мнение на этот счет. Как и ответ, на вопрос которого не было.

— Еще Амортенция пахнет для каждого по-своему. А если есть любимый человек, то ты вдохнув пары Амортенции почувствуешь то, что у тебя ассоциируется с любимым человеком. Например у меня, — и далее по списку. А мы стояли и ждали, когда же Гермиона выговорится и ее знания по этому зелью закончатся. Даже профессор и тот устал слушать ее нескончаемый поток.

— Bravo мисс Грейнджер, тридцать баллов Гриффиндору. А теперь приступим к приготовления зелья. Открываем страницу с рецептом «Напитка Живой Смерти». И я предлагаю вам мотивацию на этот урок, — показал на маленький, похожий на наперсток флакон с прозрачной жидкостью внутри, сказав: — это ничто иное, как Феликс Фелицис, или Жидкая Удача. Зелье приносит удачу в начинаниях, но действует лишь сутки. Тому, кто сварит «Напиток» лучше всех и достанется этот флакон с Жидкой Удачей. Приступаем и удачи каждому из вас.

Этот год, как и следующий у нас профильный. Мы выбрали те предметы, которые понадобятся нам для поступления в академию. Поэтому учеников в два раза меньше. Да и выросли мы из парного приготовления зелий. Все индивидуальное. Поэтому и котел, ингредиенты и стол на одного. Но, мне пофиг, по рецепту не сложно. Особенно по ученику, автор которого не зашифровывает свой рецепт между строк. Мышьякофф — именно

этого автора мне и посоветовал папа. И я купил, обложку же использую от «Продвинутого Зельеварения», мой ученик на вид не отличишь от других. Лишь содержанием. Иллюзии мне в помощь.

Сварить идеальное зелье удалось не многим. А точнее нам троим: мне, Тео и Драко. Тео и Драко ученики декана, а я пользовался другим учебником. Так что Жидкая удача нам не досталась. Увы. А меня еще и после уроков оставили:

— Мистер Эмье, задержитесь, — говорит профессор Слизнорт, — надолго не отвлеку, — и я сказал Тео и Драко, что догоню их на пути к профессору Макгонагалл. когда все покинули класс, мне предложили пройтись до кабинета профессора Макгонагалл и осудить урок и мое зелье.

— Я в чем-то провинился, профессор?

— Что вы, мистер Эмье. Нет. Просто я не мог не заметить последовательность приготавливаемого вами зелья. Это не рецепт «Расширенного Зельеварения», это рецепт мистера Мышьякоффа. Старый и почтенный в кругах волшебников зельевар, Мастер своего дела и просто хороший человек, — ага, два раза. По словам отца, скотина и гад тот еще, но поговорка его родины: «О покойных или никак, или только хорошее». Поэтому я иду и молча соглашаюсь.

— А это запрещено?

— Нет. Конечно, нет. Но у нас определенная программа и мне бы хотелось, чтобы вы ей следовали. К тому же, учебник мистера Мышьякоффа отличается наполняемостью и рецептами зелий, которые прописаны в нашей программе. Вдруг получится так, что мы будем проходить зелье, а его просто не окажется в сборнике мистера Мышьякоффа? Что тогда? — спросил профессор. А я спосил:

— Профессор, вы же не об этом хотели со мной поговорить? — спрашиваю, замедляя шаг. Профессор так же замедлился и улыбаясь так, словно он мой любимый дядюшка, проезд которого — это главное событие в семье. Подойдя ко мне, профессор положил руку мне на плечо и сказал:

— Вы проникательны, мистер Эмье, — говорит он, — я хотел поговорить о вашем батюшке. Справиться его здоровьем и делами. Как себя чувствует мистер Долохов? Мы с ним давно не виделись. А в Азкабана я не мог навестить строго друга, из-за его статуса к нему никого не пускали, — от его слов у меня лишь ступор и шок. Это когда это, в какой момент жизни отец дружил с профессором? Обязательно это выясню, а пока ответил контрольными фразами: «Ничего», «Нормально», а потом добавил удивленным тоном:

— Не знал, профессор, что вы с моим отцом были друзьями. Я обязательно передам ему ваши слова и обеспокоенность здоровьем. А пока у меня урок, профессор. Всего хорошего, — сказал я, присоединяясь к Драко и Тео. Пересказал им наш разговор с профессором и получил такую же реакцию — ступор и удивление. А Панси, шепотом через плечо, прямо мне в ухо сказала:

— Мне кажется, Люси, что профессор засланец Дамблдора. Вопрос у том, на кой дракл ему это надо? возможно, знает твой отец. Надо выяснить, — на этом и договорились. Я пошла отцу вечером Патронус, перескажу разговор со старым зельеваром и спрошу об их прошлом. Может, они и правда были друзьями? Выясню, а пока уроки и любимы предмет — Трнасфигурация.

Люси

Вечером, после уроков, ужина и кучи пересмотренных книг, научных работ, трактатов по темам, заданным профессорами, мы всей дружной зеленой компанией не выходили, а выползали. Как и другие студенты, синего, желтого и даже алого факультета. Казалось, что в этот го профессора над нами издеваются и проверяют на прочность. Так что зад отсидели все, а перед глазами у каждого из нас мелькали черные точки. Нам хотелось дойти до кровати и рухнув — уснуть. Но, как и собирался, отправил папе Патронус с вопросом:

«Привет, пап.

У меня к тебе вопрос: Дружил ли ты с Горацием Слизнортом? Он сказал, что вы с ним друзья. Спрашивал о твоём здоровье, и сожалел о том, что тебя нельзя было навестить в Азкабана. Если — да, то при каких обстоятельствах познакомились, на какой теме сошлись? Если — нет, то почему он так говорит? С какой целью, твои мысли на этот счет?»

Послание получилось длинным, надеюсь, он получит его целиком, а не по частям. Если что разделю послание и отправлю его частями. А пока мы с Тео и Драко думали на предмет того же вопроса, которым я озадачило отца. И ничего в голову нам не приходило. Скорее всего наш мозг перегружен и пока что переваривает полученную информацию по предметам. Так что разговор о папе и Слизнорте решили отложить на утро. А может и на следующий день. Ведь с завтрашнего дня возобновляются тренировки и через две недели, перед Хеллоуином состоится первый в этом сезоне матч по квиддичу. Противник как всегда тот же — Гриффиндор. В этом году капитаном стал Рональд, а ловцом вот уже третий сезон остается Джинни, Рон — вратарь, и это неизменно. На остальных членов команды — пофиг.

У нас, в отличие от Гриффиндора произошли изменения в составе и на место ушедших Пьюси и Монтегю, занимающих позицию охотников встали Блейз и Тео. А я по-прежнему был загонщиком вместе с Креббом и Гойлом на подмене. Как капитан — Драко хорош, методы его ближе к флинтовским, но не так жестоки и беспощадны. В четыре утра он не будит, жалающими по гостиной факультета и коридорам не гоняет, и за ноги на поле не вытаскивает. Правда, если ты отказываешься вставать и просишь поспать еще пять минуточек, накрываясь одеялом, продолжая храпеть, то тебе прилетит или фирменное жалающее, или замораживающее с последующим электрическим. Так что Драко, как и Флинт лишь словами и угрозами применить выше озвученное добивался результата.

Утром, первым проснулся блондин, потом дернул нас с Тео, отправив удить трою в комнате по соседству. Блейз встал сразу, а вот храпунам пришлось пригрозить визитом Драко в их комнату, как Агуаментати с последующим Релашио. Эти слова повлияли на толстяков как надо и они быстро поднявшись, собрались и вышли из комнаты, присоединяясь к остальной команде. На поле мы провели два часа, потом переоделись, сходили в душ и на завтрак. А потом на уроки и далее по расписанию. И так вплоть до матча. Странно, две недели прошло, а отец так и не ответил на Патронус. А я ждал и так,

вплоть до матча.

Ух, ну и горячим было наше со львами противостояние! Без нарушений и травм, лишь со столкновениями и выносами противника. Пока Джинни и Драко сражались в небе за снитч, мы с Винсом легко и аккуратно выводили противников из строя одного за другим. Ничего опасного, или травмирующего, но с поля удаляющего. Пока мы с Креббом воплощали стратегию в жизнь, Тео, Блейз и Уоррингтон наколачивали в ворота Рона квофл за квофлом. А Рон, не смотря на отличные способности вратаря, не мог контролировать три кольца одновременно. Тео, Блейз и Кассиус проводили потрясающие, точные передачи. Казалось, они трое, видят друг друга даже спиной, Тео мог кинуть квофл не глядя, а Блейз поймать и так же, смотря в глаза противнику, а не по сторонам, передать Уоррингтону. Они проводили маневр за маневром, разводили Рона метаемого от одного кольца к другому и забивали очередной гол. В итоге победу одержали мы, наколов в ворота Гриффиндора около двух с половиной сотен очков. Нам же прилетело лишь пять или шесть. И даже то, что снитч оказался в руке Джинни, не помешало одержать в этом матче победу. Итог: 250–210 в нашу пользу.

После матча мы все дружно пошли спать. А вечером праздничный ужин и свободное до учебы время. Так получилось, что Хеллоуин выпал на выходной и уроков, к счастью не было. Мы могли отдыхать и наслаждаться свободными от учебы днями. Могли бы отдыхать, но не вышло. Утром, стоило нам с Драко и Тео разлепить глаза и привести себя в порядок, как отец прислал Патронус. Ответив на мой вопрос двухнедельной давности:

«Привет, сын.

Нет, со Слизнортом мы не друзья, никогда ими не были, но у нас был общий знакомый Мастер-зельвар, на приемах которого пересекались и перекидывались некоторыми фразами. Возможно, именно поэтому он и решил назвать меня своим другом. Но это ни так. Будь осторожен, Люси.

П.С. Если есть возможность, воспользуйся камином Северсу и навести старика, прихвати Драко и Тео. Макс и Люц будут рады вас всех увидеть.

Папа»

Теми же ногами я и друзья пошли к декану с просьбой воспользоваться камином и навестить родителей. Декан не отказал, но сказал подойти позже, после обеда. А пока заняться чем-нибудь полезным, например начать готовиться к полугодовым экзаменам по ЗОТИ или Зельварению, а еще лучше к Трансфигурации. И мы пошли в библиотеку. А там гриффиндорцы, обложились книгами по высшим Чарам и Заклинаниям, ищут способ и возможность, чтобы проникнуть в кабинет директора и забрать у него кольцо. А когда увидели нас, тихо, не привлекая внимание остальных учеников — позвали, чтобы рассказать, что они нашли. Способ оказался не плохим. Лишь одно меня и друзей настораживало — портреты. Они могут проговориться. На что у Гермиды был план. Но я предложил обсудить проникновение со взломом в более непринужденной обстановке, в домашних условиях, так сказать.

— Чего? — спросил ошарашенный Рон, — на эти выходные к тебе домой? — на меня, готовясь крутить у виска, смотрели и Тео с Драко, лишь Гермиды и Нев не возражали, лишь Невилл просил без Беллы, а отца и остальных Пожирателей он выдержит. Не обещал, ведь тетя непредсказуема и может навестить меня и папу в любое время. Нев нахмурился и

кивнул, сказав, что потерпит ее присутствие и даже Круцио не кинет. Проблема была в камине декана. Он точно не пустит гриффиндорцев в святая святых, а Герми предложила выход из ситуации, воспользоваться камином их декана. Профессор Макгонагалл, как и декан, не отказывают в просьбе своим подопечным и даже директору не докладывает. Так что проблема решена, и мы все, после обеда идем ко мне. Назвал им адрес камин и ушел следом за друзьями.

А после обеда, как и договаривались, мы переступили камин декана оказываясь в нашей с папой квартире. Расположились в зале, обложившись свитками и книгами, ждали гриффиндорцев. И они, друг за другом переступали порог моего дома, присоединяясь за столом переговоров. Мы обсуждали возможность проникнуть в кабинет директора, используя к горгулье стандартный пароль на латыни, оставленный еще Основателями. Он должен сработать, а остаться незамеченным поможет мантия-невидимка. А как только проникнем, найдем кольцо, подменим его на Высшую Иллюзию и уйдем. И как раз во время обсуждения этих моментов полыхнул камин. Первым переступил порог отец:

— Папа, привет, — показал на друзей и гриффиндорцев, говоря: — у нас тут собрание по интересам. Планируем проникнуть в кабинет директора и забрать кольцо. Ты один? — и тут за его спиной вышел из камин еще один мужчина, с которым поздоровался: — крестный, — а Тео молча встал, подошел к Максимилиану, и так же молча опустил голову на его плечо, шепотом сказав: «папа». Руки крестного притянули парня к себе и сжали в крепких объятиях. Едва заметный поцелуй в висок и крестный покинул нас всех, уйдя в кабинет отца. Следом за Максом камин переступили Крауч-младший, Руквуд, Эйвери и братья Лестрейндж, а Драко сказал:

— Еще тети Беллатрикс не хватает.

— Она не посещает собрания, предпочитает компанию твоей матушки, — Драко улыбнулся мне фирменной улыбкой и предложил пари. Заинтересованы были все, даже гриффиндорцы. Ведь фантазия слизеринцев им и всей школе известна. А спор заключался в следующем:

— Если тетя Белла переступит камин в ближайшее время, то ты, Люси, наведешь на себя Иллюзию и весь завтрашний день проходишь в женском облике, а если не переступит, то я. Как тебе? — я не был уверен в том, что крестная останется в меноре Малфоев в компании тети Нарциссы, но вероятность ее визита крайне мала, так что я согласился на спор, пожав руку Драко. И мы погрузились в план проникновения со взломом. И тут...

— тетя Белла! — радостно кричит Драко, — как я рад тебя видеть! — Невилл тут же рухнул головой на сложенные на столе руки, чтобы не видеть тетю и не показываться самому, а та не обращала на него внимания, шла ко мне, прижимая за плечи со спины, наклонившись, спросила:

— Люси, ты чего такой хмурый? Не рад меня видеть? — сказал, что очень рад, просто из-за ее визита я проиграл спор и мне предстоит завтра провести весь день в девичьем облике. На что крестная предложила: — давай шарахнем по ним всем Обливиэтом и сделаем вид, что меня тут не было? — в ее черных омутах горели озорные искры, улыбка широкая и открытая, она была готова исполнить задуманное в любую секунду, но я отказался, ведь спор есть спор. Крестная сказала: — как хочешь, — и попрощавшись со всеми, ушла к отцу в кабинет. А я смотрел на Драко, называя его: «Заразой». Улыбаясь, он говорил, что это тренировка моих иллюзорных способностей. Отмахнулся, послал его лесом и продолжил обсуждения плана.

34 глава «Люси, Гарри, Кольцо и Смерть»

— Зараза, Драко! Какая же ты зараза! — ругался я, стоя перед зеркалом нашей комнаты готовый исполнить условия проигранного спора. На то, как из мальчика я стану девочкой, пришла посмотреть Панси, а потом и Астория с Дафной. Предлагали сравнить нашу девичью красоту, устроить показ мод или соблазнить какого-нибудь парня. А я хотел бы увидеть реакцию отца, и узнать, так ли я похож на маму, как он говорит. Поэтому попросил у него ее фото. И вот, смотря на фото мамы, проецировал ее образ на себе.

Накладывая Высшую Иллюзию, шаг за шагом изменяя свою внешность, приобретал ее черты. Сначала округлялась и изменялась фигура, стала тоньше шея, изящный изгиб плеч, утончилась талия, набухло в районе груди и раздалось в области таза и пропало ощущение в паху. Дальше становилось тяжело голове, так как волосы достигли талии и уходили ниже, лежа локонами. Черты лица так же поплыли и на меня в отражении смотрят ярко-голубые глаза в обрамлении длинных, пушистых ресниц. Нос стал тоньше, длиннее и острее, уже скулы и меньшие подбородок, а губы пухлее. Кожа светлее на два тона.

— Поразительно! — шептала Даф.

— Красавица! — говорила Астория.

— Вау! — говорит Панси, — Люси! Это нечто! Все парни — твои!

— Панс, завались! — ругался я на девушку, которая протягивала мне свою одежду, сказав, что я могу оставить ее себе. Блейз, стоящий в дверях говорил, что я миленькая, когда ругаюсь и свожу тонике в разлет брови к переносице, и что если бы я реально был девушкой, то покорила и разбил не один десяток мужских сердец. Рыкнул, фыркнул, послал всех к Арагогу в Запретный лес и выгнал, чтобы переодеться. Взяв форму из рук подруги, закрыл дверь у всех перед носом. Я мог бы изменить свою форму, но не хотел тратить силы еще и на одежду, поэтому и надевал форму подруги. А вышел под бурные овации слизеринцев и ступор декана, говорившего:

— Люсиан, вы и правда похожи на Жюли, Антониту лучше вас в таком облике не показывать, — я был согласен с деканом, папе лучше не видеть меня в женском облике, не то сердце его поглотит тоска и боль. А я этого не хочу. Друзья меня услышали и обещали отцу о моем внешнем виде не рассказывать.

Под руку с Панс шел в зал на завтрак. Мое появление в зале так же вызвало шок и непонимание, как у студентов, так и у профессоров, которые спрашивали, что происходит и почему новенькую не представили, как полагается. Декан шепнул профессору Флитвику пару слов о новой девушке, а он, улыбаясь и едва сдерживая смех, донес до остальных профессоров истину и причину. Как и до директора. Так что взрослые в курсе, а на других плевать. Гриффиндорцы так же в курсе, ведь спор происходил на их глазах. И они ни капли не удивились, увидев меня в девичьем облике и наряде. Ведь спор есть спор.

Ура! Этот день наконец-то закончился, и я могу вздохнуть спокойно! На кровати лежал уже в своем настоящем облике. Мне не мешала невероятная длина волос, не смущала тонкость рук, запястий и изящность пальцев, дышал плоской грудью и ощущал ниже пупка то, что должен ощущать. Друзья меня не трогали, оставили одного в комнате, а я, закрыв глаза наслаждался собственным телом. Какое же блаженство быть самими собой. Но,

хватит валяться, пора и к друзьям присоединиться. Они ждали меня в библиотеке, как и гриффиндорцы, с которыми нам предстояло подтвердить план проникновения в кабинет директора. У нас появилась возможность выкрасть кольцо. С завтрашнего дня директора не будет в школе, он на заседании суда Визенгамота и не вернется в школу два дня точно. Так что нам выпал шанс подменить кольцо настоящее на иллюзорное. А для этого нужно еще раз пройти по пунктам плана.

— Люсиан! Люсиан! Иди сюда! — слышу зов Гарри, проходя мимо одного из окон коридора, ведущего в библиотеку. Подошел, ответил на его «привет» своим, спросив, с какой целью он со мной связался и что нужно. Оказалось: — Люсиан, Смерть сказал, что последний кусок души ты можешь присоединить в любое время. Ведь душа практически целая, ей осталось слиться воедино и переступить владения Господина, — говорит Гарри. А я спросил:

— Как мне умереть? Авада или яд, или полет с высоты? — спрашиваю Гарри, который, слыша слова о уходе из жизни потерял улыбку и изумрудные искры в глазах. Переживает? Возможно. Сочувствует? Тоже верно, но мне от этого, ни тепло, ни холодно. Лишь хочется узнать, как быстрее доставить душу Лорда в руки Смерти. А ответ прост:

— На твое усмотрение, — говорит Гарри, — господину все равно, как именно ты попадешь за грань, главное чтобы на тебе в это время был кулон с собранными осколками, — сказал: «понятно» и хотел уйти, как Гарри добавил: — у тебя все будет хорошо, Люсиан. Высшие Силы могут быть благодарными за помощь. Вот увидишь, так и будет, — говорит Поттер, а я иду к своим друзьям.

Значит, мне осталось немного? Печально, но ладно. Ведь меня вернули именно с этой целью — собрать осколки души лорда, чтобы он предстал перед судом Высших Сил. И надо сказать «спасибо», что хоть эти четыре с половиной лет я прожил, три из которых в своем облике, а два из них рядом с отцом. Эти несколько лет, были самыми лучшими в моей жизни. Я привык жить так, как мне хочется, делать то, что хочу я, а не кто-то другой. Именно поэтому мысли о смерти привели меня не в библиотеку, а к башне Астронимии. Я стоял у парапета и смотрел вперед, а потом вниз. Да, наверное так будет лучше. Головой вниз и все.

— Люсиан, что вы тут делаете? — услышал старческий голос, который я ни с кем не спутаю. Не поворачивая головы, слышу за спиной приближающиеся шаги и шелестящие рукава мантии. А еще едва различимый звон колокольчиков. Директор, мать его за ногу, собственной персоной. Подошел ко мне и встал рядом, опираясь руками о перила. А когда я посмотрел на руку, находящуюся рядом со мной, то замер. Она полностью черная, сухая и словно обугленная. Это — проклятие, а не болезнь. Такой болезни нет, зато есть проклятие со схожими последствиями. Называется: «...» Он взял то, что ему не принадлежит. А именно кольцо Мрасков, оно же крестраж Воландеморта.

Провал, это полный провал. Кольцо не в столе или тумбочке, а на его пальце. А значит, весь наш план изначально был провальным. Его мы продумывали несколько месяцев, ждали подходящего момента, и вот, когда он настал чуть не лоханулись. Ведь проникни мы в кабинет, то ничего бы не нашли. Как говорится у папы на родине: «Все свое ношу с собой», даже если это не его. Ухмыльнулся, назвал нас наивными и глупыми детишками и ответил на вопрос:

— Думаю, директор Дамблдор.

— О чем?

— О Жизни и Смерти. О их противоположности. И о том, что у всего в этом мире есть обратная сторона. У света — тень, у луны — солнце, у дня — ночь, у воды — огонь, у мужчины — женщина, — перечислял и медленно стягивал артефакт с груди, готовясь в любой момент коснуться руки директора и скормить жаждущему кулону последний осколок души. Но для этого нужно улучшить момент. Директор пока что молчал, как и я смотрел вперед и вниз, а потом сказал:

— Высоко падать, мистер Эмье. Может — Авада? — спросил он, улыбаясь. А я сказал, что не собираюсь кончать жизнь самоубийством, в ближайшее время точно, если только он меня скинет лично. А так... На что директор снова улыбнулся и сказал: — это вам так кажется, мистер Эмье. А на деле, — развернулся он ко мне, говоря прощальные слова: — вы задумались, слишком сильно наклонились, а порыв ветра вас подхватил и понес вниз.

— Да, вполне, — говорю я, касаясь кулоном кольца, находящегося на пальце директора, — такая смерть мне подходит, директор Дамблдор, — как только кулон поглотил последний крестраж лорда, произошло несколько вещей одновременно. Первая — артефакт накалился до предела и переливался темно-алым светом, вторая — директор уничтожил перила беспалочковой магией, о которые я упирался и за которые держался, подтолкнув меня в плечо, задавая дополнительную скорость падения, третья — быстрым движением, в полете, я выхватил из кармана флакон с сонным зельем, вылил содержимое и извлек свое воспоминание о смерти, помещая их в фиал, зажимая в руке, четвертое — удар о землю, треск и хруст большинства костей и боль во всем теле, а потом темнота.

Где-то...

Вперед, по бесконечному, белому коридору шел юноша. На вид ему лет 16–17, светлые волосы едва касаются плеч, челка падает на небесно-голубые глаза, одет в форму школы чародейства и волшебства. На нем черные брюки, белая рубашка, с зеленым галстуком на шее и мантия с нашивкой зеленой змеи на груди. Он идет уверенной походкой, ведь этот коридор был ему знаком. Здесь он побывал чуть больше четырех лет назад. И вот вернулся. А встречал его тот же юноша. На вид одного с ним возраста, с копной черных, как вороново крыло волос, сияющими, словно изумруды глазами, бледной кожей и приветливой улыбкой. Только вот повзрослевший, поумневший юноша, способный отличить взгляд подростка от взрослого — понял, перед ним не Гарри Поттер, а хозяин грани, то есть:

— Господин! — рука у сердца и поклон, — Я выполнил порученную вами миссию, вот кулон и собранная воедино душа Воландеморта, — протягивая кулон, сказал юноша. Смерть, тихо смеясь и все еще улыбаясь, перетекал из формы своего ученика и потомка в свою истинную форму. И перед парнем предстал Смерть так, как его описывают. Тело — это скелет, затянутый в черный балахон, с глубоким капюшоном и широкими рукавами. В костяной руке Смерть держит черную, как глубины Тартара косу с серебряным лезвием. Больше нечего описывать, лишь ощущения от его присутствия. А именно — спокойствие, умиротворение и тепло. Ведь именно это и должна ощущать душа, когда попадает в чертоги Господина. Никакого страха, ужаса и паники. Ведь Смерть — это конец, как жизни и пути, так и страданиям души.

— Ты готов умереть? — спросил Смерть у юноши, а тот ответил:

— Если такова ваша воля, Господин, — говорит мальчик, а Смерть поднимает мальчика за подбородок, заглядывает ему в глаза своими черными провалами и показывает

в ту сторону, откуда он пришел, говоря:

— Ты вернешься назад, — мальчик не понимает, почему, ведь он выполнил задание и должен умереть. Так сказал ему Гарри, но: — не так давно, я сказал тебе, что Высшие Силы благодарят за помощь, — мальчик был в шоке от того, что он говорил не с Гарри, а с самим Смертью, возможно, все те разговоры были именно с ним, но он не спросил, Смерть сам сказал: — да, все это время разговаривал с тобой я, используя внешность ученика, для того, чтобы не напугать этим обликом.

— Понятно, — говорит мальчик, спрашивая: — я могу идти? — спросил юноша.

— Можешь. Ты вернешься в свое время, в своем теле, а то, что похоронили, испарится. Как объяснить твоё чудесное воскрешение из мертвых друзьям и родным — на твоё усмотрение. Даже на меня можешь сослаться. Высшие Силы отблагодарили тебя за помощь и дали ещё один шанс на жизнь.

— Спасибо, Господин, — ещё один поклон и юноша ушел туда, откуда пришел. А из-за угла вышел именно тот юноша, обликом которого пользовался хозяин грани — Гарри Поттер. Он провожал парня взглядом, говоря:

— Люсиан, живи и наслаждайся жизнью, — на плечо юноше легла костлявая рука Смерти, а мальчик спросил: — что дальше, дедушка Салазар? Что будет с миром живых? И когда Том вернется и наведет порядок?

— Скоро, Гарри, скоро. Он вернется как раз к судебному процессу Альбуса, его уже судят за убийство Люсиана, а Том своим появлением и воспоминаниями покончит с Альбусом и его тeneвым правлением окончательно. Вот увидишь, трех лет не пройдет, как Том займет место министра и восстановит справедливость и порядок. Напомнит волшебникам о нас и наших законах, расставит правильно приоритеты, а должности займут достойные.

— А Люси?

— Он будет жить на родине матери, — показал Смерть на один из будущих моментов, — женится на Габриэль Делакур, у них родятся девочки-двойняшки, через три года мальчик, который будет копией Люсиана, а потом... — а то, что будет потом, Смерть не показал, оставил этот эпизод на будущее. Гарри улыбнулся, взял предка за руку и пошел следом за ним, учиться, постигать путь Смерти. У него тысячелетия впереди чтобы стать достойным приемником Смерти.

Десять лет спустя...

Десять лет пролетели для меня незаметно. Первые пол года я приходил в себя от пребывания на грани, отлеживался у бабушки и дедушки Эмье, прося их никому о моем воскрешении не рассказывать, даже отцу. У него и так проблем хватает. Лорд возродился, и первым делом посетил заседание суда Визенгамота, где судили Альбуса за мое убийство. Он распинался, мол, он пытался меня остановить от суицида и все такое, но увы. Мои предсмертные воспоминания упекли дрожайшего директора в каталажку. Его готовы были увести в Азкабан на пожизненное заключение, как в зал вошел лорд Слизерин собственной пресоной и принеся клятву Высшим, рассказал о своем прошлом и непосредственном участии Альбуса, который был наставником на пути Темного Лорда.

После выяснения дополнительных обстоятельств, заседание прдлилось еще пять часов, с просмотром воспоминаний всех непосредственных участников, в том числе и профессора Слизнорта. Ведь именно этот жук и подsunул книгу о крестражах, естественно по наводке Альбуса. Вообще, вышел Альбус лишь через Арку Смерти, оказываясь в чертогах Господина. А потом Том Реддл, он же лорд Марволо Слизерин начал свою активную, политическую деятельность. Стал частью палаты лордов, потом вошел в попечительский совет, а на прошедших в тот же год выборах занят место министра, скинув Фаджа и всех его прихлебал и альбусовских служек в сточную канаву.

Рыцари же были распущены, остались подле Тома только те, кто сам захотел, или по долгу службы, как Учитель. Остальные занимались восстановлением своих родов, а тетя Белла проходила лечением в одной из лучших психиатрических клиник. Вернуть ее в изначальное состояние было невозможным, но хотя бы сгладить углы и шероховатости в психике можно. А супруг и деверь поддерживали, но находясь в камере Азкабана. Как и отец, отбывая свой срок за побег. Сидеть ему пять лет, как и отцу Тео, как и всем беглецам. А потом свобода и служба на благо магии и народа.

О друзьях я знаю не много, лишь то, что многие из них получили то, что хотели. Рон — глава отдала в Аврорате, Герми — одна из лучших ученых Отдела Тайн, Джинни — стала леди Долгопупс, у них с Невиллом общее дело и намечается пополнение. У Тео и Драко так же все отлично. Драко — идет по стопам отца, Тео — постепенно восстанавливает дела рода Нотт, переписываясь и спрашивая совет у отца. Панси с Блейзом. Эти двое давн окольцевали друг друга и живут себе припеваючи где-то в теплых странах.

Кто еще? Блэк и Люпин? У этих все так же. Блэк — аврор, возглавляет какой-то отдел, натаскивая группы молодых, только поступивших волшебников. Сириус восстановил титул лорда, а доказал свою невиновность с помощью показаний лорда Слизерин. Люпин — волк одиночка, как им был, так и остался. Где-то бродит, просто существуя. Профессора, как были профессорами, так ими и остались. За исключением Маккошки и декана, он стал директором, а его зам — это Флитвик. Минерва, как только Альбус покинул мир живых — ушла с поста профессор и уехала на родину, в Шотландию. А ее место занял молодой и перспективный профессор, о котором ничего не известно. Лишь то, что он был учеником Минервы и незадолго до ее отказа от поста получил статус Мастера.

— Лиер! — зовет меня Габи, выводя из мыслей и воспоминаний, — Лиер, иди сюда! Бегом! — кричит моя вейла, готовясь позвать еще, но уже применяя магию и чары

усиления голоса, а я откладываю в сторону книги и записи, покидаю свой кабинет и спускаюсь вниз по лестнице. Нашел ее в гостиной, сидящей на диване. На руках Габи держит нашу младшую дочь Жюли, копию мама в детстве, так бабушка Бенедикта говорит, а рядом с ней сидит мужчина. Стоило ему повернуться, мне улыбнуться, как сердце кольнуло, по щеке потекло, а слово само сорвалось с губ:

— Папа!

Конец!